

Николай Черкашин

Если зовет своих павших Россия

Светлана Бестужева-Лада

Оборона Севастополя

Алла Зубкова

Иоганн Штраус — король вальсов

Денис Логинов

Безумная гениальность

О жизни и творчестве
художника Франсиско Гойи читайте на стр. 64

Чем живем	
<i>Николай Черкашин</i>	Если зовет своих павших Россия4
Житейские истории	
<i>Татьяна Кулик</i>	Pro memoria (Чтобы помнили)22
Минувшее	
<i>Денис Логинов</i>	Безумная гениальность36
Поэзия	
<i>Арсений Анненков</i>	Стихи 48
Фантастический рассказ	
<i>Владимир Марышев</i>	Прекрасное далёко 52
Шедевры	
<i>Ирина Опимах</i>	Франсиско Гойя 65
Звезды не гаснут	
<i>Майя Орлова</i>	Эльф с глазами олененка..... 74
Штрихи к портрету	
<i>Евгения Гордиенко</i>	Великий публицист.....86
Рассказ	
<i>Дэшилл Хэммет</i>	Оно94
Из российской истории	
<i>Светлана Бестужева-Лада</i>	Оборона Севастополя106
Память	
<i>Алла Зубкова</i>	Король вальсов124
Детектив	
<i>Рудольф Вчерашний</i>	Чисто компьютерное убийство138
Кроссворд. Эрудит	
	188

Главный редактор, генеральный директор	Кизиллов Михаил Григорьевич
Заместитель главного редактора	Чичина Тамара Васильевна, tomasmena@mail.ru
Арт-директор	Веселова Надежда Александровна
Директор по распространению	Яркина Мария Александровна, sales@smena-online.ru
Web-редактор	Калиша Людмила Григорьевна, smena24@mail.ru
Корректор	Чекова Валентина Михайловна
Обложка	«Гимн крымской сосне» Константин Мирошник, Наталья Кургузова-Мирошник
Иллюстрации	Рябинин Лев Анатольевич

**УЧРЕДИТЕЛЬ
И ИЗДАТЕЛЬ:**
**Общество с ограниченной
ответственностью
«Издательский дом
журнала «Смена».**

Адрес редакции
и издателя:
127994, Москва,
Бумажный пр., д.14
е-mail: jurnal@smena-online.ru

тел. (495) 612-15-07,
факс (499) 257-13-78

www.smena-online.ru

© ООО «Журнал «Смена»

Исключительные права на текстовые и фотоматериалы, публикуемые в журнале «Смена», принадлежат ООО «Журнал «Смена» и охраняются в соответствии с законодательством РФ и международными соглашениями.

Шрифт: ParaType

Отпечатано: **Филиал «Чеховский Печатный Двор»
ОАО «Первая Образцовая типография»**

Юридический адрес: 115054, г. Москва, ул. Валовая, 28
Почтовый адрес: 142300, Московская область,
г. Чехов, ул. Полиграфистов, д.1

Тираж — 8900 экз.

Зак. №1759

Цена свободная

Номер подписан в печать: 21.04.2014

**Выпуск издания осуществляется при финансовой
поддержке Федерального агентства по печати и мас-
совым коммуникациям**

Маргарита Пухальская

25 лет, Минск

Не надо воевать за мир,
Раз дьявол у войны — кумир.
Во всем ищите диалог,
Он лучший для добра залог.
Друг к другу будьте вы терпимы
И в вере непоколебимы,
Что на Земле друзья живут,
Тогда все раны заживут.
Они уже давно гноятся,
Коль люди больше не боятся
Убить, украсть и обмануть.
Но разве это к счастью путь?
Устанут люди воевать
И будут войны прозябать.
Ведь в каждом зле Добро живет,
И рана МИРА заживет...

Защитили Россию,
А себя не смогли...
Поклонитесь живые
Им до самой земли...

К. Киселева

Николай Черкашин

ЕСЛИ ЗОВЁТ СВОИХ ПАВШИХ РОССИЯ

Свой двадцать пятый полевой сезон открыл в майские праздники смоленский поисковый отряд «Долг». В десятый раз смоленские, да и не только смоленские, но и поисковики из многих других регионов России — Поволжья, Урала, Алтая, Пензы, Твери — стали лагерем в тех местах, где бушевали бои 1941 и 1943 годов.

Там, под Ельней, элитные части вермахта, перемахнувшие за три с половиной недели Белоруссию и устремившиеся на всех парах к Москве, вдруг споткнулись, остановились и впервые стали зарываться в землю, а потом впервые за весь «блиц-криг» стали откатываться назад. И впервые наши войска вошли в свой первый освобожденный город — Ельню.

Немало было заплачено за этот первый проблеск Победы. Свыше ста тысяч человек полегло в боях за «ельнинский выступ». Не многих удалось предать земле, поскольку Ельню немцы все же отбили и двинулись дальше...

А потом еще был и кровавый вяземский котел...

Семьи павших героев Ельни получали вдвойне беспощадные «похорошки» — в них значилось: «пропал без вести». Мало того, что пропал, так еще и неизвестно где. Эти три убийственных слова клеймом прожигали жизнь солдатских семей: раз не пал твой сын (отец, муж, брат) «смертью храбрых», то не будет тебе никаких льгот и никакой поддержки от государства. И смотрели чиновники на таких просителей косо: «А, может, твой мужик в плену отсиживается или с фронта сбежал, а ты к нам просить пришла?!» А каково было детям таких солдат? Попробуй, напиши

в анкете — «отец пропал без вести», тут же у кадровика встанут «ушки на макушке».

И свыкались люди — тысячи и десятки тысяч людей — с этой неоспоримой казенной формулировкой — Б/П — «без вести пропавший», и жили под ее гнетом и десять, и двадцать, и сорок лет, и более полувека... Пока вдруг на 70-м году такого «безвестья» не раздастся, как гром с ясного неба, звонок из Смоленска:

— Приезжайте! Мы нашли вашего отца (деда, мужа, брата)! Он не пропал без вести! Он погиб в бою.

Мы нашли его в окопе с винтовкой в руках. Нашли под Ельней...

И потомки — теперь уже внуки и правнуки — собираются в неблизкий путь и едут, едут, едут сюда, в смоленскую глубинку, из Барнаула и Пензы, из Самары и Ульяновска, из Казани и Твери...

Поехал и я. Поехал туда, где воевал в июле-сентябре 1941 года мой отец — рядовой 630-го стрелкового полка 107-й (Алтайской) дивизии Андрей Черкашин.

Говорят, из ста солдат, начинавших войну в 41-м, до Победы дожили трое. Отцу повезло — он оказался в числе одной из таких счастливых троиц. Андрей Черкашин закончил войну трижды раненым, но все же живым победителем, гвардии капитаном, командиром стрелковой роты. Но он никогда не забывал, что война для него начиналась здесь — под Ельней и Дорогобужем, на рубеже вдоль лесной речушки Ужа, что петляла и петляет между живописными холмами, а тогда — номерных и безымянных высот.

Для него Ельня стала местом его боевого крещения. Именно сюда, под Смоленск, на 17-й день войны прибыла с Алтая дивизия сибиряков — 107-я стрелковая, а спустя три месяца — 5-я гвардейская. Отец часто вспоминал те яростные бои и даже оставил свои записки, изданные в 1998 году отдельной книжечкой — «Панцирная рота». Мог ли я не поехать под Ельню, если смолен-

ские поисковики «поднимали» как раз именно тех солдат, о которых он рассказывал?!

И я стал собираться в дорогу. Надел камуфляжную куртку, дабы не выглядеть среди поисковиков белой вороной, отыскал на антресоли свою полевую фуражку, выданную еще в «Красной звезде», уложил в старую парашютную сумку спальный мешок, кружку, фляжку, фотокамеру и отправился на Белорусский вокзал.

Ночной поезд доставил меня в Смоленск к 5 утра, а оттуда пригородным дизелем я доехал до станции Глинки.

Эх, смоленская земля! Подарила ты миру и Юрия Гагарина, и Михаила Глинку, и Александра Твардовского. Уже за одно это тебе низкий поклон!

Стан поисковиков открылся близ брошенной деревни Большое Тишово. В лесном придорожье, как на войсковом биваке, были разбиты палатки, костровые площадки, небольшой плац с тремя шестами, на которых развевались флаги России, города Смоленска и отряда «Долг».

В глубине леса виднелись и другие флаги, реявшие над палатками отрядов из Сибири, Поволжья, Урала... Полоскались на ветру Андреевский флаг и флаг ВДВ. Будто вся Россия съехала под Ельню.

Бросался в глаза высокий свежесрубленный сосновый крест, а в его изножье, под еловым лапником

лежали черные пластиковые мешки с останками поднятых солдат. Они тоже дневали на своем последнем привале.

Штаб смоленского поискового отряда размещался в большой палатке госпитального типа. Посреди нее топилась железная печурка с трубой, выведенной через брезентовую крышу. На «буржуйке» дребезжал крышечкой закипающий чайник. В дальнем углу палатки — гряда ржавых винтовок, откопанных на позициях. На войне как на войне.

После вполне армейского завтрака — миска гречневой каши с тушенкой и кружка цикория — мы

ких веточек и острых сучьев, перепрыгивали через заболоченные ручейки и бочажки, которые, как оказалось, и были следами былых траншей и окопов. Даже не верилось, что в такой глухомани, в такой чаще можно что-то найти.

— А, черт! — споткнулся я о ребристый хвостовик мины от полкового миномета. Слава Богу, что только хвостовик. Места здесь мрачноватые, змеиные. Опять же клещи проснулись и высматривают нас с ветвей. Ну и занесло тебя, батя, из благодатных степей Алтая!

На суку висела пробитая немецкая каска — опознавательный знак.

Семьи павших под Ельней героев получали вдвойне беспощадные «похоронки» — в них значилось: «пропал без вести». Эти три убийственных слова клеймом прожигали жизнь солдатских семей: раз не пал твой сын (муж, отец, брат) «смертью храбрых», не будет тебе никаких льгот и поддержки от государства.

отправились с группой капитана Артамонова на бывшую позицию некой безвестной стрелковой роты. Кстати, Алексей Артамонов действующий офицер, служит в Смоленске. Сюда приехал в счет отпускных дней.

Мы пробирались через густой ва-лежник, прикрывая глаза от хлест-

Пришли. Повсюду, то тут, то там, были нарыты свежие ямки: одни глубиной с окоп, для стрельбы лежа, другие — для стрельбы с колена, третьи — в полный рост стрелка. На рыхлых брустверах вчерашние находки — ржавые каски-халхинголки, полусгнившие противогазы, проеденные ржой малые саперные ло-

патки, пачки спекшихся патронов, связки ручных гранат... Как будто только что закончился бой. Бой, начатый в 1941-м и не законченный по сию пору, не законченный до тех пор, пока не будет погребен последний солдат этой polegшей роты.

Лопаты поисковиков врезаются в сырую лесную землю...

С каждым годом поднимать бойцов становится все труднее и труднее. Семьдесят лет в объятиях сырой земли даже стальные каски истоньшаются до бумажного листа, сталь в ажур превращают. Что же говорить о бранных останках? Но черепа и кости — археологи это знают — намного долговечнее металла, они сохраняются тысячи лет. За 70 лет старые позиции оплывают

так, что уже и не отличишь — окоп это или обычная лесная впадинка. Воронки от бомб и снарядов бросаются в глаза своими ровными окружками. И только опытное око определит теперь уже, где проходил передний край советской или, немецкой обороны. И где оно определит, тут и копают.

Уходит полутораметровый титановый прут в мягкую землю, как игла в масло. Раз уходит, два уходит, три... Кажется и счета уже нет этим втыканиям, вдруг щуп наткнулся на что-то твердое и похоже — металлическое. Сюда сразу же подходит человек с металлоискателем. Ноет зуммер, попискивает — железо! Значит, надо копать. В ход идет современная техника — хорошо отточенная финская лопата с эргономи-

ческой ручкой. С ней и вправду сподручнее работать.

— Похоже, винтовка, — определяет копатель.

— Поищи прицельную планку, — советует склонившийся над ямой Артамонов. — Куда она смотрит?

— Она откинута... Похоже, тыльник там.

— На «дегтярь» похоже...

— Да, нет, «трешка»... (трехлинейная винтовка) И затвор открыт... Видать, перезарядить не успел.

— Ищи хозяина поблизости... Винтовку пока оставь, копни правее.

Снова заскрежетало железо о железо.

— Есть. Каска!

— «Халхинголка»?

— Нет. СШ-40. Пустая...

И опять уходит в глубь земли титановый щуп.

Чу! Во что-то уперся на полутораметровой глубине. В каску, а под ней на сей раз — череп.

Вот он прямой провод между 1941-м и 2013-м. Есть контакт! Есть и краткий «разговор» с хозяином каски по титановому проводу:

— «Тук, тук, тук... Ты здесь?»

— «Здесь».

— «Вставай, браток! Мы за тобой пришли! Мы нашли тебя. Ты кто и откуда?»

Но на этот вопрос чуть позже ответит (или не ответит) черный бакелитовой медальон. Его раскроет или распилит, зажав в ювелирных тисочках, главный лаборант отряда Андрей Фетисов. Пинцетом преосто-

рожно извлечет Андрей промокший бумажный рулончик и расправит его в фотованночке с обычной водой. Записи простым карандашом сохраняются лучше всего. И даже если читаются лишь обрывки имени и адреса, то и тогда есть шанс восстановить запись — благодаря уже накопленной на компьютере базе данных.

Не все заполняли листочки в «смертниках», боялись поверья — если напишешь адрес, так непременно убьют. А вот рядовой Архипов из Дмитровграда не убоился. Даже два листочка заполнил: один на адрес жены, другой на адрес матери. Предусмотрительность бойца была вознаграждена: приехали за ним две немолодых уже внучки. А было у красноармейца Архипова четыре дочери. Две не дождались вестей об отце — умерли, а две все же узнали, что отец не пропал без вести.

И передал внучкам поисковик, поднявший Архипова, все вещи, оказавшиеся при нем: кружку с выцарапанной надписью «Архипов», ложку, складную бритву. А в кружку были вложены не истлевшие шерстяные варежки — подарок жены. А еще передал поисковик сестрам пригоршню позеленевших довоенных советских монет.

— Это вам наследство от деда! — невесело пошутил парень.

— Ой, — обрадовались женщины, — а у нас дома портмоне его осталось! Вот туда и положим...

Даже у каждой полушки есть своя судьба... Что же о людях говорить...

НЕТ, Я ДЕДА ПРИВЕЗУ!

Дома, в далеком от Смоленска Барнауле, родители этого парня уговаривали:

— Ну, куда в такую даль поедешь? Билеты туда-сюда сколько тыщ стоят? Уж пусть лежит дед там, где смерть принял. В братской могиле похоронят и ладно.

— Нет, я деда привезу! — сказал Олег. — Пусть с бабушкой лежит. Она его столько ждала.

Олег Терентьев, автослесарь из шиномонтажной мастерской, прадеда своего Ивана Терентьева видел только на фотокарточке, чудом

им, в отличие от сотен тысяч других соотечественников, выпал шанс достоверно знать, что их деды и прадеды были настоящими героями и не пропали без вести, а погибли в бою смертью храбрых.

Передача родственникам останков найденных солдат — дело трепетное, волнующее, и потому было обставлено с хорошо продуманным ритуалом. Поначалу всех, кто приехал в эту лесную глухомань, накормили-напоили, дали им отдохнуть, а потом привели туда, где оборвались жизни их навечно молодых дедов, где были найдены их останки. Ме-

Штаб смоленского поискового отряда размещался в большой палатке госпитального типа. Посередине топилась железная печурка с трубой, выведенной через брезентовую крышу. На «буржуйке» дребезжал закипающий чайник. В дальнем углу палатки — груда ржавых винтовок, откопанных на позициях. На войне как на войне...

сохранившейся в бабушкином альбоме, но называл его дедом. Да и какой он дед или прадед, если погиб молодым отцом? Олег собрался быстро. Вместе с ним приехал и его отец, внук Ивана Терентьева. И вот они здесь, в ельнинском лагере, вместе с другими такими же счастливицами. Именно счастливицами, ибо

сто это называлось Яблоневый сад, близ деревни с веселым названием Беззабот (на картах — Беззабот). Сад мало походил на то, что мы обычно понимаем под этим словом. Это была бывшая совхозная плантация, разбитая здесь после войны: бесконечные ряды заброшенных замшелых полудиких уже яблонь,

которые, несмотря на свой возраст и запущенность, собирались все же цвести.

— Пришел в нашу деревню полк, — вспоминает жительница села Нина Прохоровна Прищепова. — Обоз и кухни остались в Безаботах, а красноармейцы на этих высотах оборону заняли. А немцы-то по ним и ударили, да так, что от всего

полка в деревню пришли на ужин только девять человек. Остальные тут полегли — такой бой был. Ужас! И мой отец Прохор Матвеевич Прищепов тоже с войны не вернулся, — всплакнула старая женщина. — Мне тогда четыре года было, но я помню и наших бойцов, и того немца, что в избу к нам пришел. Мама тогда петушка сва-

рила, а он, немец-то, его из печи и вытягнул...

Поисковики уточняют: полк, который занимал здесь оборону, был сформирован из резервистов Поволжья — Самары, Ульяновска, Казани (309-я стрелковая дивизия). Бойцы были уже в возрасте, обремененные немалыми семьями. И вот в первый же бой — 2 октября 1941 года — позиции подверглись мощному ракетному удару «небельверферов» — реактивных снарядов. Красноармейцы не успели даже толком зарыться в землю. Многие просто сгорели, и мы находим сейчас обугленные медальоны-смертники. Всего подняли здесь пока 75 человек. Вчера лейтенанта нашли и двух стрелков.

— Всю жизнь мы сюда за черникой ходили. Откуда было знать, что

здесь столько народу нашего лежит? — перекрестилась Нина Прохорова.

Мы поднимаемся на вершину высоты и становимся полукругом возле свежесрубленного креста из жердей. Местный батюшка отец Максим, молодой и пригожий, отслужил панихиду по убиенным воинам. Повсюду желтели бугорки свежеразрытой земли — как будто стрелковая рота снова стала в оборону. По земле были разбросаны ржавые дужки от котелков, обрывки ремней, противогазные маски, обоймы, набитые слипшимися от коррозии патронами... И ложились благостно словеса молитв поверх других — отзвучавших здесь яростных слов — команд, матюков, стонов; так ложится снег, белый и чистый,

на израненную, изрытую и обожженную землю.

— Вот здесь нашли вашего деда рядового Стенина Ивана Васильевича...

Коренастый сорокалетний мужичок из Ульяновска — внук бойца — стиснув зубы, спускается в окопчик и зажигает на дне свечу. Этой огненной точкой замкнулся 70-летний круг судьбы, срослась разорванная нить сразу трех поколений.

А что бы я сказал, оказавшись на его месте? Если бы отыскалась могила моего без вести сгинувшего в 1944 году деда — Андрея Ивановича Черкашина?

«Здравствуй, дед! Я никогда тебя не видел, и ты, конечно же, не мог ничего знать обо мне. Но я к тебе пришел. Во мне твоя кровь. Я твое живое продолжение, и ты все равно жив — жив во мне, в памяти твоих многочисленных, слава богу, потомков...»

Этим же парням выпал иной жребий. И сколько их тут еще лежит, если за три месяца боев под Ельней и за Ельню полегло свыше ста тысяч солдат и командиров?

Вечером на лагерном плацу собралась добрая сотня людей. В отдельную шеренгу были выложены красные коробки с останками опознанных солдат. За ними стояли их родственники. Поисковики, одетые в чистые наглаженные камуфляжки, встали вокруг плаца «покоем». По-

сле панихиды, где чаще иных имен поминалось имя «Иван», «Иванович», после того, как мулла, приехавший из московской мечети, чтобы отпеть душу красноармейца-татарина Сафина, пропел суры из Корана, шеренга самых молодых поисковиков, прижав к груди портреты опознанных героев, подошла к красным коробам и преклонила колена. Они поставили к мини-гробам фотографии в рамках. Так останки безвестных солдат обрели свои лица и свои имена.

А потом была торжественная поверка героев, и каждой приехавшей семье вручали вместе с лентой-вкладышем из смертного жетона, удостоверение, что их родич пал смертью храбрых, а не пропал без вести. И еще вручали медали «65 лет Победы» — единственные награды, которые получили убитые бойцы...

Надо было видеть лица родственников, осознавших вдруг, что их деды из чисто виртуальных понятий превратились в реальные личности, и что они чтимы, и что до сих пор множество людей благодарны им за их подвиг.

— Теперь смоленская земля станет нашей второй малой родиной! — сказал внук рядового Стенина. — Мы породнены с ней кровно. И тех, кто нашел нашего деда, будем считать нашими родственниками!

Луна разгорелась над лесом во всю мощь. Тарахтела переносная электростанция, наполняя штабную

палатку неярким светом, а главное — энергией для ноутбуков. И разносились по лесу короткие, словно автоматные очереди, дробь дятлов.

Поздним вечером с позиции возвращалась группа капитана Артамонова. Туда они шли с лопатами, в лагерь же пришли с винтовками — со штыками, но без прикладов. Они возвращались из боя. Из боя с беспомощностью.

— Еще пятерых подняли! — сообщил Алексей. — И как-будто специально для вас — нашли фотокорреспондента.

Мы ошарашено переглянулись.

— И что, с документами? — нелепо спросил я. Какие уж там документы!

— Без документов. Но с фотоаппаратом и кобурой под наган.

«На пикапе драном и с одним наганом...» — завертелись в уме симоновские строчки. — «С «лейкой» и блокнотом, а то и с пулеметом...» От найденной «лейки» остались только стекла объектива, корпус рассыпался в пальцах.

— Кто же это мог быть? — гадали мы наперебой. — Фотокор Павел Трошкин, с которым Симонов приезжал сюда в 41-м, погиб в 1944 году. Кроме «Красной звезды» здесь работали корреспонденты из фронтовой газеты «Красноармейская правда» и из газеты 24-й армии «За честь Родины». Чей же фотокор в редакцию не вернулся осенью 41-го? Надо искать! И в принципе это ведь можно установить.

О, если бы можно было проявить его истлевшую фотопленку! Возможно, на ней были снимки и командарма-24 генерал-майора Константина Ракутина, принявшего свой последний бой вместе со штабом под селом Семлевым. А, может быть, запечатлел фронтовой корреспондент и знаменитого поэта из Москвы Константина Симонова. Да и генерала армии Жукова мог вполне снять. И уж наверняка там были снимки бойцов этого последнего боя в Яблоневом саду...

На другой день мы поехали в Ельню.

Ельня — мал городок, да Москвы ровесник, а то и постарше будет. Во все войны сюда устремлялись завоеватели, чтобы захватить перекресток важнейших дорог — сухопутных и водных, ведущих как к Москве, так и южнее — к Брянску, Калуге. Несмотря на то, что война прошла по Ельне огненным помелом, многие старые дома сохранились, и их можно узнать по фотографиям 41-года. В центре — мемориальная колонна, означающая, что Ельне присвоено звание «города воинской славы», а чуть дальше — парк-некрополь с братскими могилами как известных, так и неизвестных солдат. Поскольку последних больше, то решили поставить по одному символическому памятнику от каждого района.

Поодаль — церковь св. Ильи-пророка, где отпевали безвестных

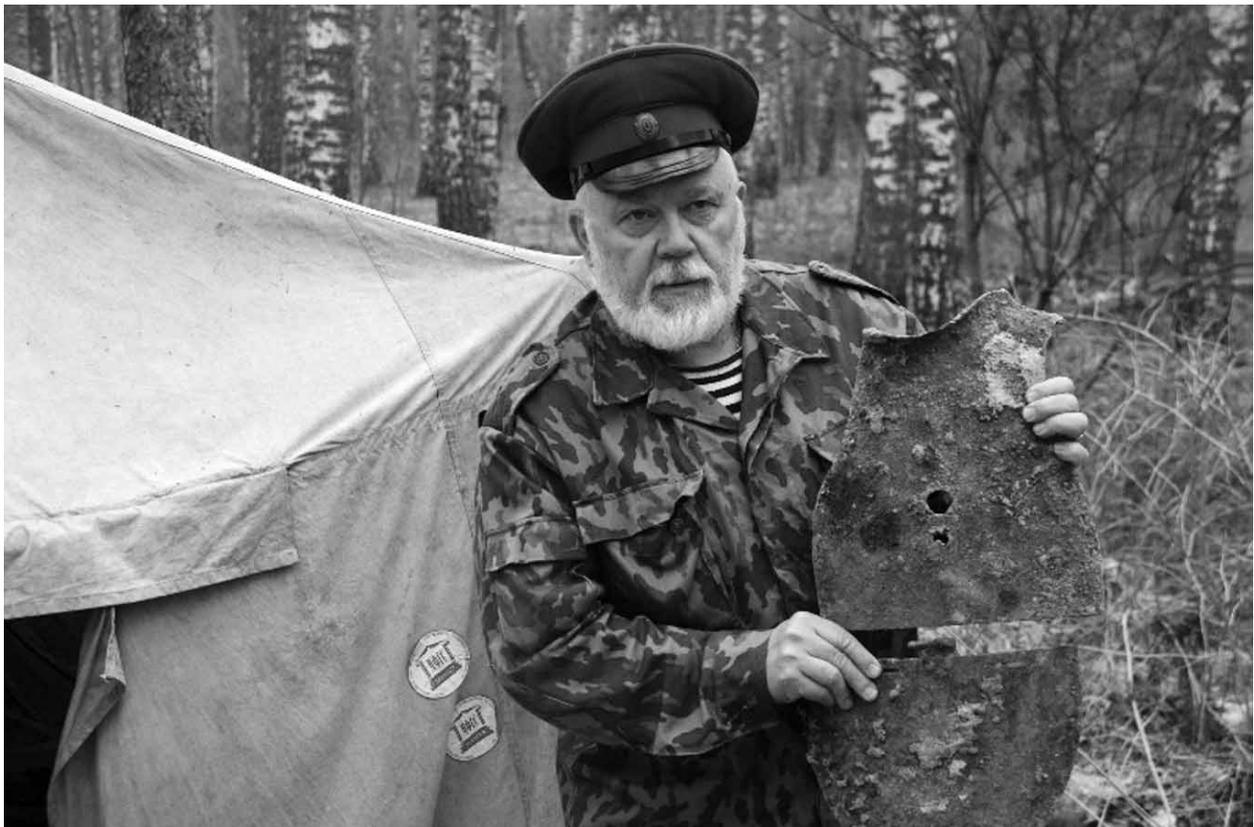

воинов, а также тех, за кем не смогли приехать родственники. Молодой батюшка косил траву вокруг храма и встретил нас как старых добрых знакомых. Мы поднялись по высоким ступеням в церковь и зажгли свечи. Я поставил их за отца и за Константина Симонова.

В ельнинском музее, куда я заглянул, чтобы передать фотографии и книгу отца, я встретил двух москвичей, которые приехали сюда искать следы своего деда — рядового Ивана Тихоновича Гвоздева. Его внучка Юлия Зайцева и правнук Алексей уже многое сделали, чтобы установить судьбу своего пращура: Иван Гвоздев попал из огня да в полымя — из вяземского котла в немецкий плен, где и умер спустя год

в концлагере под Фюрстенбергом. На руках у Юлии архивная справка из Германии, учетная карточка деда. С уважением смотрю я на земляков-москвичей: они сумели разыскать тень своего деда в смутном сонме пропавших без вести. Какой силой родолюбия надо было обладать, чтобы отыскать след родного человека, сгинувшего среди миллиона ему подобных в дьявольском вяземском котле?! Но Юлия Зайцева отыскала. Более того, она съездила в роковой для их семьи немецкий город Фюрстенберг и положила цветы к скромному памятнику всем погибшим в местном концлагере узникам.

Что ж, еще одним неизвестным бойцом под Ельней меньше...

ВОЕННОЙ МУЗЫКИ ОРКЕСТР

Пропадали без вести не только отдельные бойцы, но и целые подразделения. Так, в кровавой мясорубке Вяземского котла сгинул Государственный духовой оркестр Союза ССР. Уникальный музыкальный коллектив в полном составе вошел в ряды 6-й дивизии народного ополчения, и, сменив трубы на винтовки, музыканты били врага, как могли. Отец мой тоже был музыкантом духового оркестра 630-го стрелкового полка. Он вспоминал:

— Командир нашего музвзвода техник-интендант 2 ранга Павел Дмитриевич Колесников был старше меня на два года — человек все-

сторонне одаренный, великолепный кларнетист и художник.

Там, на ельнинской земле, он проявил себя и как толковый и смелый боевой командир, первый поднимавшийся в атаки... Больше всего он боялся не смерти, а ранения в руки. Для профессионального музыканта это было хуже, чем в сердце навыйлет.

Мы его обнадеживали: «Не волнуйся, товарищ командир, вас обязательно ранят в ногу!» И точно на пророчили — осколок разворотил Колесникову бедро.

Всего после ельнинских боев в нашей дивизии оставалось в живых — из 14 тысяч штатной численности — 738 человек... То есть около 20 процентов.

А вот музыкантам 6-й дивизии народного ополчения даже так не повезло. Погибли все. Где и как — неизвестно. Поисковики полагают, что, скорее всего, под Вязьмой и в самой Вязьме. Часть из них могла оказаться в лагере для военнопленных Дулаге-184. По злой иронии судьбы, там сейчас находится городской мясокомбинат. А до войны — стояли недостроенные цеха авиазавода. Вот в них и загнали тысячи плененных солдат, большинство из них были ранены и именно они погибали в первую очередь. В первую военную зиму в пересыльном лагере умерли 70 тысяч человек. По численному составу это две

по словам очевидцев, из земли проступала кровь.

Сегодня на месте рвов — пустырь и частные владения, а также новый корпус мясокомбината. И скромный памятник узникам Дулага-184. Из сотен тысяч погибших установлено чуть более двухсот имен...

Мэр Вязьмы Александр Клименков клятвенно заявил, что в городе обязательно поставят памятник Государственному духовому оркестру СССР, и слово свое сдержал. Стоит в Вязьме необычный памятник необычным солдатам: на постаменте самая большая в духовом оркестре труба-бас, туба. И внимание привлекает, и память будоражит...

Не все заполняли листочки в «смертниках» — боялись поверья, если напишешь адрес, то непременно убьют. А вот рядовой Архипов из Дмитровграда не побоялся. Даже два листочка заполнил — один на адрес жены, другой — на адрес матери. И его предусмотрительность была вознаграждена — приехали за ним две его уже немолодые внучки

полнокровных армии. Хоронили этих бедолаг сами немцы — в противотанковых стометровых рвах шириной в четыре метра. Всего было 45 таких братских могил. Плотность захоронения была такая, что,

Вяземские оркестранты из местной музыкальной школы почтили память своих московских коллег тем, что пришли с инструментами к памятнику героическому командарму Михаилу Ефремову, погиб-

шему под Вязьмой, и дали концерт для ветеранов и родственников павших солдат. Открыли они его бессмертным маршем «Прощание славянки». А сами славянки, приехавшие из далекой Сибири поклониться земле, которая приняла прах их отцов и дедов, слушали этот марш, не вытирая слез...

О ПОИСКОВИКАХ

Каждую весну — вот уже который год — едва сходит снег, на всех полях, лесах, болотах, где отгреме-

исковик». Оно намного шире своего корня «искать»: ведь суть дела для поисковиков не только в том, чтобы найти останки непогребенных солдат, главное — установить по возможности их имена и адреса, отыскать родственников и потом похоронить «без вести пропавших», как полагается — по православному обряду, с воинскими почестями.

Помилуйте, скажет кто-то, да разве можно спустя 70 лет узнать, понять, определить, кто есть кто и откуда родом?

Автослесарь Олег Терентьев прадеда своего Ивана Терентьева видел только на фотографии, да и какой он прадед, если погиб таким молодым? И вот Олег вместе со своим отцом здесь, в лагере, среди таких же счастливицков. Именно счастливицков, ибо им, в отличие от сотен тысяч других, выпал шанс достоверно знать, что их деды и прадеды были настоящими героями и не пропали без вести, а погибли в бою смертью храбрых.

ли сражения минувшей войны, приходят сотни людей с лопатами, щупами, металлоискателями. Это поисковики. Есть изыскатели, искатели, сыщики — давние слова, рожденные от одного и того же корня «искать». А это слово вошло в наш обиход не так давно — «по-

Оказывается, можно! Не всегда, но можно, и каждое такое открытие подобно чуду воскрешения. Пусть не тела, но имени! А у каждого имени своя жизнь после смерти.

Всенародная война породила, через годы, и всенародное движение поисковиков («черные археоло-

ги» не в счет). Оно далеко от политики, это движение совести, ибо каждый участник его осознал и понял, что это не только государственный, но и его личный долг перед теми, кто пал за Родину, а, значит, и за него тоже. Именно поэтому смоленский поисковый отряд называется «Долг». Здесь, в смоленских лесах, заняты тяжелым, бескорыстным и зачастую опасным трудом: стоя по колено в грунтовых водах час за часом выметывать наверх увесистые лопаты с сырой землей, натываясь порой на взрывоопасное железо, на черепа и каски. Такую работу не станешь делать за деньги или по приказу начальства. Только по собственной воле, по зову души и совести.

70 лет назад, так же, как сейчас — всем народом, копали противотанковые рвы. Сегодня всем миром копают иные рвы — против воинствующего беспамятства.

*На братских могилах не ставят
крестов,*

И вдовы на них не рыдают...

Однако кресты на братских могилах ныне ставят. Но вдовы на них точно уже не рыдают. Давным-давно отрыдали, да и отправились большей частью в мир иной. Кому рыдать на безымянных могилах? Вон их сколько по всей России...

Поисковое движение в России во многом стихийно. У него нет ни своего единого центра, а главное,

нет своей правовой базы. Может быть, поэтому многие руководители регионов относятся к нему, мягко говоря, настороженно. Как часто мы твердим: ничто не забыто, никто не забыт. А на самом деле забыто столько, а пропало без вести столько, что просто оторопь берет, глядя на карту, где цифрами помечено количество возможных печальных находок.

Но все же бойцы погибли не зря, если вызвали к жизни такое мощное движение, как движение поисковиков, всенародное движение. И оно точное свидетельство того, что совесть в народе еще не исчезла...

«Мы никогда не узнаем, кто первым подобрал на еще не истлевшем теле черную капсулу солдатского медальона, — пишет Юлий Иконников, ветеран Великой Отечественной войны, почетный президент Международной ассоциации общественных поисковых объединений. — Вскрыл и вдруг понял, что в узкой бумажной ленточке судьба и честь солдата, скорбная весть его родным.

Сегодня сотни поисковых отрядов работают на местах боев Великой Отечественной. Зимой идут по еще оставшимся редким деревьям в поисках стариков и старушек, что еще в детском возрасте хоронили наших погибших бойцов. А с наступлением весны вскрывают едва заметные заросшие окопы, ищут засыпанные или залитые водой во-

ронки, рвы, погреба исчезнувших деревень в поисках павшего защитника Родины.

Их много, этих людей, молодых и старых, но с чуткой совестью, не одна тысяча в стране. Они нашли друг друга, создали поисковые отряды, а в 33 областях — объединения поисковых отрядов. Эти люди выкраивают деньги из своих зарплат, сами покупают рабочую одежду и еду для походов и делают это великое дело, не считаясь ни с чем. Наградой им служат письма и слезы благодарных родных, узнавших, наконец, об истинной судьбе воина».

Поисковое движение само собой стало сегодня частью русской национальной идеи, так и не сформулированной еще окончательно. В любом

случае, это путь к духовному возрождению народа.

Поисковики не только «поднимают» бойцов, но и вытаскивают из рек затонувшие при переправах танки, вызволяют из болотной трясины рухнувшие туда самолеты. Силами энтузиастов создана не имеющая себе аналогов национальная коллекция «Крылатая память Победы». Им удалось не только восстановить внешний облик самолетов Великой Отечественной, но и заставить их, собранных из груд обезображенного металла, подниматься в небо! О, если бы так можно было возродить и людей!

счетах их от 5 до 8 миллионов! Не просто погибших, а погибших и не погребенных.

Пишу эти строки, а в ушах звучит пронзительная по своей горести песня — «Мы похоронены были под Нарвой». С таким же успехом ее можно было бы назвать «Мы похоронены были под Ельней»...

*Эй, поднимайтесь такие сякие!
Такие, сякие...
Эй, поднимайтесь такие-сякие!
Кровь не вода!
Если зовет своих мертвых
Россия,
Россия, Россия.*

А что бы я сказал, если бы отыскалась могила моего без вести сгинувшего в 1944 году деда? «Здравствуй, дед! Я никогда тебя не видел, и ты, конечно, не мог ничего знать обо мне. Но я к тебе пришел. Во мне твоя кровь. Я твое живое продолжение, и ты все равно жив — жив во мне, в памяти твоих многочисленных, слава Богу, потомков...»

Техника техникой, но сначала надо поднять всех, кто погиб в боях без погребения. Сначала это.

Справедливости ради надо сказать, что и вся королевская рать не в силах была бы «поднять» всех, кто остался лежать на полях былых сражений. По самым общим под-

*Если зовет своих мертвых
Россия,
Значит — беда!*

Да, Россия сегодня собирает камни и созывает, собирает своих павших солдат. И пока она это делает — беде не бывать. □

М I P R O E M O R I A

Татьяна
Кулик

Ч Т О Б Ы П О М Н И Л И

И куда меня вечно несет?! Порой удивляюсь себе. Вот и сейчас...

Под немислимым солнцепекoм простояла на выезде из города. До этого минут тридцать со скоростью виноградной улитки ползла по городу, а вот теперь вырвалась на простор и мчусь по раскаленному податливому асфальту в степную станицу Малый Кут. И зачем в такую даль переться? Можно было эту посылку отослать и почтой. Пожалуй, поверну назад. Никто меня не обязывал ехать, сама вызвалась. А как же быть с тетей Галей? Ведь я ей пообещала, позвонила и сказала, приеду. Тетя Галя — это тетя моей подруги Оксаны. Когда Оксана провожала меня в Киеве, то все напутствовала:

— Тетка у меня одинокая, но бойкая и дюже хозяйка, у нее там... рай! Поезжай, не пожалеешь! Отдых тебе гарантирован стопроцентный! Тишина, сон на сеновале, козье молоко, фрукты, овощи с грядки, что еще надо? Погости у тети Гали, тебе понравится!

Вот в этот обещанный станичный рай я и приехала. Быстренько нашла нужную улочку. У саманной беленой хаты, опершись на плетеную изго-

родь, стояла рослая сухая казачка в белой косынке. Поверх цветастого ситцевого платья повязан передник с оттопыренными кармашками, а на ногах поношенные чуваки. Была тетя Галя старая, но крепкая и, казалось, ждала меня.

— Здравствуйте! Вы, наверное, меня заждались? — стараясь быть приветливой, спросила я, выбираясь из машины, а в ответ услышала:

— Много чести тебя ждать, девонька, сама приехала...

Оп-ля! Вот это встреча! Я стояла и не знала, что делать дальше. Господи! И ради этого я проехала столько километров?! А ведь тетя Галя права, она меня что, приглашала? Чего обижаться? И тут же пришла шальная, но спасительная мысль, что прежде, чем попасть в рай, мне, небось, уготовано пройти чистилище, но ход моих мыслей был вдруг прерван.

— О!.. Бежить, подлюка! Догулялась, курва, опять молоко из цыцек по улице течет, у-у-у... Ну, я тебя! — Тетя Галя, крепко матюкнулась, сломала с куста гибкий прутик, оборвала с него листья, взмахнула в воздухе: жах, жах... и грозно двинулась по направлению к резво бегущей навстречу белой козочке, с позвякивающим колокольчиком на шее. — Ну, шо, Верка, нагулялась? Все плетни ободрала, со всеми свиделась?

В ответ коза Верка подняла остренькую мордочку с розовыми нежными ноздрями и тоненько заблеяла. Я засмеялась, а тетя Галя, строго зыркнув на меня, погладила подбежавшую Верку, тыкающуюся мордой в подол передника, и, пошарив в кармашке и вытащив кусочек сахара, протянула его козочке.

— Ну, ладно, Верка, так и быть... не буду тебя сегодня лупцевать, перед гостьей позорить, пошли доиться... — и, обращаясь ко мне, как-то беззащитно пожаловалась: — Ну, такая же у меня Верка гулящая, ну, такая... А ты шо столбом стала? Открывай ворота, ставь свою машину вон туды, под грушеньку, и заходи до хаты, располагайся, а я покудова Верку сдою, а тоди и парного молочка попьем.

Я зашла в чисто беленые сенцы, пахнувшие чабрецом, развешанным аккуратными пучочками по стенам, и переступила порог просторной комнаты, большую часть которой занимал стол. Под прикрытым белым полотенцем стояла посуда, поодаль в миске лежал нарезанный крупными ломтями домашний хлеб. В красном углу висела старая икона, поверх покрытая вышитым рушником, концы которого свисали на застланный кружевной скатеркой небольшой столик, уставленный крохотными позвухлыми иконками.

Шаркая чуваками, с небольшим ведерком в комнату вошла тетя Галя. По коричневым глиняным кружкам разлила теплое Веркино моло-

ко, и мы, в прикуску с домашним ноздреватым хлебом, начали полдничать. Не спеша, хозяйка расспрашивала о племяннице, о том, как живут в Украине. Слушала внимательно, задавала вопросы о ценах на продукты.

— Хиба сам лысый черт, и тот не поймет тех хохлов! Вот гляжу у телевизор, а у них усе митинги, революции, так и хочется им крикнуть: очухайтесь, людыны, пока ще не вмэрла ваша ридна Украина! Шож вы робыте?! А вот правителей ихних я б у поле на бураки та помидоры вывезла, хай роблють на благо народа... А шо, не то говорю? — вопросительно глянула она на меня.

Уминая домашний хлеб с теплым Веркиным молоком, я согласно кивала головой, а тетя Галя продолжала возмущаться:

— У советские времена я запросто навещала украинских родственников, а теперь, шо? Граница у них... — тетя Галя безнадежно махнула рукой, — таможенники морду утюгом и ну по бабьим узелкам шариться! А потом выпучат пьяные бельма и орут: наркотики, оружие маете? И деньги вымогают. Какие надо средства иметь, шоб повидаться мне с родней, а? Нэма у меня таких грошей! — и возмущенная тетя Галя перешла от политики к будням. — Ну а племяша моя как? Усе одинешенька, чи мужик е? — Она махнула рукой: — Бачу, шо нэма! Сорок лет — ума нет, значит, и не будя!

— Теть Галя, да ваша Оксана в университете кафедрой заведует, вот вот защитит докторскую диссертацию...

— Плевать на все это! — перебила она меня. — Жить надо, а не заведовать. Вот имела бы мужа, тогда бы и заведовала им, сколь надо, да детками. Ну, защитит вона свою писанину, успокоится, а дальше, дальше, шо? Небось, вертается с работы у свою хату с цацками, а там — пусто! Вот и будэ сидеть и выть на луну, як мой Маяк. Так я к своему кобелю с понятием отношусь, отвяжу, гада, хай до сучек побеget, возвернется утром, голодный и благодарный, нажрется и больше не воеет. Это природа, она, шо до людей, шо для животных, одна. Ведь был у Оксанки тут гармонист, Гришка, с детства дружили, так, видите ли, нэ то... Он из простых, а ей прынца трэба! А Гришка знаешь, як теперь живэ? У-у-у... Ужо троих хлопцев сварнякал, да какие славные хлопцы, и все Гришкина копия. Как, подлец, срисовал, надо же!?

— Тетя Галя, вы же знаете, как сейчас трудно женщине устроить личную жизнь?

— Оно это мне понятно... Завсегда всякой жинке труднее, чем мужику в жизни, хто другое говорит? А тильки усе одно — в доме должен быть

чоловик, пушай хошь поганенький! Ибо, я тоби кажу вот шо — какой ни хвист у козы, а все попе затишок! Согласна? Да шо я тут с тобой время трачу! У меня тесточко подошло, пирожки пора печь, сегодня праздник, Успение. А ты бежи до речки, купайся. Дорогу найдешь, нет, спросишь, язык, он без костей, до Киева доведет.

После купания в проточной реке Понуре я за обе щеки умяла божественные пирожки с картофелем, щавелем и сливой, запила остывшим Веркиным молоком и уже, было, размечталась о сеновале, как сейчас в душистой траве залягу с книгой, да не тут-то было!

— Чичас к бабке Авдотье пойдешь, пирожков ей понесешь. Авдотьюшка особливо любит с картоплею, вот сейчас я ей тут соберу... — объявила тетя Галя. — А ийти будешь аж у конец станицы, по той стороне, хатка ее у землю присела. Сама увидишь... нет, так спросишь! На, хусточку одень, а то ишь, как палит ярило! — Она протянула нарядную белую косынку, обшитую по краям тоненьким кружевом.

И побрела я, палимая нещадным кубанским солнцем и коря себя за потраченное непонятно на что время. Наконец доплелась до убогой хибары Авдотьи, которую сразу признала. Хатка была ветхая, с неприглядной серой, выцветшей соломенной крышей и маленькими резными, покривившимися, давно не крашеными оконцами.

Калитки не было, и я, миновав заросший дворик, с густо валявшимися в пожухлой от солнца траве яблоками, грушами, алычой, остановилась на порожке и постучала в облезлую, когда-то синюю, дверь. В ответ молчание. Постучала еще... смело открыла дверь, зашла в сенцы, увидела неухоженную комнату. В углу под иконкой на железной кровати лежала укрытая старой клетчатой шалью старушка. Мне показалось, она не дышит и... не жива. Я испугалась и через силу выдавила:

— К вам можно?

— Заходите, заходите, кто там? — услышала я слабый, с хрипотцой, старческий голос.

— Я вам пирожков принесла от тети Гали, я из города к ней в гости приехала.

— Иди ближе, детка, сидай, сидай... Я чичас встану.

— Не надо, лежите, я вам пирожки вот сюда, на стол, положу. — Я пыталась освободить место на грязном заставленном посудой, пузырьками, коробками и всякой дребеденью столе и поскорее удрать.

Пока раскладывала пирожки, Авдотья копошилась в кровати и, наконец, уселась. Коричневые ноги в черных шерстяных носках, с набухшими сиреневыми венами, не доставали до пола.

— Не могу встречать городскую гостью лежа, — по-доброму, но с иронией негромко произнесла она. — А пирожки с картоплею?

Мы сели за стол, и я внимательно посмотрела на Авдотью. Красный, словно ошпаренный лоб, под глазами фиолетовые пятна, щеки в коричневых, твердых, как старые шрамы, морщинках, у стянутых в узелок темных губ белые пятнышки. Видно, немало постаралась жизнь, чтобы так изукрасить это лицо, печально пронеслось в моей голове. В глазах старухи светилась извечная бабья доброта. Она начала рассказывать о станичных новостях и делах, а я, слушая ее, обвела взглядом комнату. Да... очень убого! Но... что это?..

В простенке под толстым зеленоватым стеклом висел портрет. Рисунок был сделан углем. И в нем что-то такое... даже не пойму! Глядя на него, я почему-то испытывала чувство жалости к этому словно живому, большеглазому парню.

— Кто это? — подошла я к портрету.

— Это сынок мой, Паша... Пашунчик... Сама нарисовала.

— Вы-ы-ы?! — Моему удивлению не было предела. — Да как это? Когда?.. Он словно живой, вы прямо-таки... — я не знала, как и что сказать дальше.

— А хочешь, я тебе расскажу про своего Пашу?

Я кивнула головой и увидела, как потеплел взгляд Авдотьи, сколько в нем было еще чудом сохранившегося жизнелюбия.

— Родился мой Пашенька здоровущий, на загляденье всем. Три подбородка, и плакать не может. Все басом тянул. — Авдотья улыбнулась, обнажив пару верхних и один нижний зубы, и посмотрела на меня с гордостью. — Окрестили мы его в церкви. Идем домой. Тогда я с маманей жила. Ни отца, ни братьев у меня не было. Померли... Потому и заступиться было некому. А навстречу вот он сам, Пашенькин отец, идет. Маманя потянула меня за руку, а ему и говорит:

— Остановись, Петро Кузьмич, твое ведь дитя... погляди.

А он так нехорошо мамане ответил и, засмеявшись, пошел своей дорогой.

— Ох, и накажет тебя, Петька, Бог за это, ох, и накажет... — качая головой, сказала ему вслед маманя.

— Так что, Петро, все же признал сына? — спросила я и поняла, что Авдотья находилась сейчас в том прошлом времени, на том месте, где они тогда свиделись с отцом Паши.

Она пошевелилась и бесшумно пожевала губами.

— Нет... не признал Петро сына свою, не признал и всегда обходил нас стороной. На войну уходил — даже не простился, так без вести и пропал. Паше уже годика два было, когда маманя умерла. Остались мы с Пашуней вдвоем. Он да я... Я да он... Так и жили... У других дети, шо дети, а у меня, шо ни день — беда! Уж сколько он переболел, мой Пашенька, одно мое сердце знает! И чего с ним только не было! Врач лишь руками разводил. Бежала к бабке... Жила у нас такая, баба Мотя, травами лечила все болезни. Даст травок, расскажет, как заваривать, как пить, так и лечила я свою сыночка. Ночами не сплю, вся в огне от страха. А ему и дышать нечем и уже губушки пеплом подернулись. Упаду перед иконой: — Господи, спаси, не оставь! Не допусти, Господи!..

Выжил. Бегаёт. А лето жаркое. Скотина и та под куст прячется. Ребятки днями на речке пропадают. И вдруг бежит соседский Ванюшка:

— Тетка Авдотья, твой Пашка утонул!

Омуток там был. Сразу с берега — глыбь. Он и оступился. Кинулась в чем была. А сама-то плаваю, как топор... Нет, уж верно сказано, если на роду не написано утонуть, не утонешь. Достала его. За руку ухватила — будто он сам мне ее протянул. Откачали.

— Смертынька ты моя, — говорю ему, — да разве так можно? Ты ж у мамки один.

— А я, — говорит, — рака ловил...

Она замолчала и, перебирая заскорузлыми пальцами, печально и мягко улыбнулась.

— Всякое с ним было, с моим Пашенькой, будто в наказание мне за его безотцовщину. А он весь в Петра — грудь высокая, и голову держал как на отлете. И всюду и везде лез первым. Лихой был, тоже в Петра Кузьмича. Иной раз говорю ему: « Паша, ты гляди, как другие... » — да где там меня слушать, такой был пряткий. Боялась я за него. Ведь единственный свет в моем окошке. Школу кончил. Ладный парень, вытянулся, весь в батьку. Захотел на тракториста учиться. Выучился. Да только предписание пришло идти в армию. Я в голос... Тут же засобиралась в военкомат, рассказать там, что, мол, я мать одна, пусть оставят кормильца, а Паша — ни в какую, не пустил меня, и все тут!

Ходил, рад-радешенек... Не стал дожидаться, чтоб ему волосы остригли, сам снял. Была у механизатора такая машинка. К нему сбегал...

Не провожала я Пашу. Силы не было, столько перестрадала.

Пришло письмо от него, одно единственное, вот оно... Попросила, как умру, чтоб Пашино письмо мне в гроб под изголовье положили... — Авдотья вытащила из-под подушки затертый листок и положила на колени,

неуклюже разглаживая старческими темными руками истертую временем бумагу. — На границе он служил... пограничником. Погиб на этом треклятом острове Даманском. Где-то возле Китая. Когда получила похоронную, то сутками как пустая сидела, не верила. А там написано: «При исполнении военного долга...» Да не может этого быть, думала я, да как же это, чтобы моего Пашеньки не было в живых? Не правда это...

Очнувшись, кричала на все голоса, звала Пашеньку, рыдала, каталась по полу и уж не знаю, что со мной и было тогда. Помню только, что все кричала:

— Хоть бы на тебя взглянуть разочек, милый ты мой... — и все силилась вспомнить, каким он был, когда при мне жил. И не могла. Ну, словно смыло из памяти. Будто никогда и не видала я своего Пашеньку. И страшно мне стало. Ой, как страшно!.. — Раскачиваясь из стороны в сторону, Авдотья схватилась за голову. — И не сказать, как тяжело мне было... Теперь-то уж поотошло чуток, ведь много лет пробежало, очень много, а тогда, не приведи Господь никому такое перенести... И не знаю, услышал ли Пашенька меня, или уж так сердце у меня опалилось, но только вдруг встал он передо мной. Вот так... вот там, посреди кухоньки, глядит на меня и улыбается...

Сколько так времени прошло, не знаю, но только нашла я себя за столом, уголь откуда-то в руке взялся, вожу им по бумаге. А с бумаги на меня смотрит Пашенька. А я плачу... Всю бумагу слезами залила... Пришла наутро соседка. Как глянула на портрет, так и завопила:

— Как живой... наш Пашка-то!

Смеркалось, когда уставшая, под впечатлением от знакомства с Авдотьей, а больше от ее рассказа о сыночке Пашеньке, я возвращалась пыльной станичной улицей к тете Гале. Грустно было и почему-то стыдно за себя и всех, кто вырос в относительном благополучии, за то, что мы не задумываемся об одиноких и старых, кто рядом с нами.

Мои невеселые мысли прервал басовитым лаем выскочивший из зарослей смородины Маяк. А поодаль у калитки стояла тетя Галя. Наверное, меня дожидается, пронеслось в голове, и я заторопилась.

Но хозяйка, не обращая на меня внимания, теребила в руке прутик и по сторонам выглядывала где-то опять загулявшую Верку.

— Ну, паразитка, это же надо, уже уси козочки у дворах. Это какой поганый характер надо иметь? Ну, подожди, завтра я тебя, паскуда, вот тут, на этом столбу привяжу, и сиди на солнце! А ты... шо стоишь? Хошь спать на сеновале? Иди, стелись, я там тебе все приготовила. Как вернется Верка, вечерить

будем. И где носит эту шоблу? А-а-а... явилась, красотка, не запылилась! — услышала я радостный возглас тети Гали и, выглянув из сенцев, увидела, как с завидной для своих лет прытью, она побежала навстречу козе.

Ужинали молча. Хозяйка, не спрашивая, взяла мою вычищенную хлебной корочкой тарелку и положила добавки. Остывшие, и от этого еще более вкусные пирожки со сливами и кружка теплого молока завершили нашу трапезу.

— Ты шо така сумна? Тебя Авдотьюшка плохо встретила? — ехидно спросила тетя Галя, не сводя с меня пытливых глаз.

— Что вы, что вы... наоборот, я вот только о ней и думаю...

— А то?! Я тебя специально к ней послала, пирожки могла отнести и соседская Нюрка. А мне захотелось, шобы ты усе увидела своими глазами.

— Увидела...

— Ну, и шо?..

— Не знаю.

— Как это не знаю, вот и поди, куды следует, напиши, расскажи...

— А вы ходили?

— Мы-то ходили, только все без толку, може мы не так говорили, потому шо станичные власти зовсим как ничего не слышат! Как не люди... без сердца и души. Ведь Авдотьюшка усю войну робыла, знашь, как робыла? У — у — у... без сна и отдыха... вам такое и не снилось. А пенсия? — тетя Галя свернула увесистый кукиш, — а сын, Пашка, ведь совсем пацан, сам пошел границы Родины защищать, а мог бы сидеть дома, мамкой прикрыться, так нет, пошел, и шо? Я тоби пытаю, шо?.. А сынок председателя спрятался за батькину широкою спину и жировал. Як кабан в хлеву жировал. Где же помощь страны, наших местных начальников? Ты вот скажи мене, разве так можно?

— Значит, им можно. — Я вздохнула, тяжесть с сердца не уходила. — Тетя Галя, вот вы обращаетесь ко мне, вы думаете, они меня услышат? Не таких, как я, в бараний рог ломали и ломают... Вы правильно сказали, у чиновников душа пустая, а если кто среди них и найдется совестливый и понятливый, то его быстренько вытурят от своих кормушек. Их назначили людям служить, а они себе мошну набивают...

Да что толку толочь воду в ступе? Сославшись на усталость, я побрела на сеновал.

В этот вечер низкие звезды на темно-синем небосводе казались не живыми и ко всему безучастными. Пахло скошенной травой и навозом. Среди ветвей орала цикада, где-то мычали коровы и деловито перегавкива-

лись собаки. Маяк из своей будки редко, но с угрожающим рычанием вступал в собачий хор. А коза Верка, наверное, уже сладко спала в своем загончике с душистым сеном.

Вдруг послышались тонкие, писклявые звуки. Комары!! И вся комариная стая враз обрушилась на меня. Атаковали они так дружно, что я не успевала отбиваться. Укрывшись с головой простыней, задыхалась от духоты, а комары продолжали звенеть и кусать через тонкую ткань. Хлоп-хлоп, хлоп-хлоп!.. О-о-о!.. Что делать? Я крутилась с боку на бок, брыкалась, отбивалась, вконец намаявшись, собрала вещи и побрела к хате.

— Тетя Галя, вы спите? — тихонько спросила я.

— Ну шо, поспала на сеновале? — беззлобно усмехнулась она. — Лягай вот тут, у комнате, я уси окна марлевкой заделала, лягай... Спи с Богом, небось, тоже намаялась за день.

Я постелила на лежанке, свернулась калачиком, но сон не шел.

— Теть Галь, вы спите?

— Ни.

— Почему?

— Верку жалко, крепко отлупцевала я ее, курву, а теперь жалею.

— Теть Галь, а можно спросить?

— Чего же... спрашивай...

— А у вас детей не было?

— Ни, ныколы... Замуж я вышла, как семилетку закончила, мой Вовка мене ждал, берег. Тики свадьбу отыграли, его и забрали на хронт воевать с немчурами... а потом, через год, и похоронка прийшла.

— А больше замуж не выходили?

— Ни. Женихи были, но тятка не велел, казав, шо замуж выходят один раз. А ты думаешь, я така одна була? Таких много... мы так и прожили одиночками, зато верными своим мужикам. За работой забывалось усе. В войну робыли, как лошади, потом тоже. Моих подруг, акромья Авдотьюшки, я усих уже схоронила. А бывало, вспомню прошлое время, так и хочется плюнуть в ваш телевизор, та я его и не включаю, тики шобы побачить новости... И это же надо такое показывать? Бога на них нэма, о-хо-хо... С жиру бесятся, машины, ишь какая роскошь ключом бьет, а рядом мы, бедные, неухоженные, старые, больные, полуголодные, на лекарства денег нэма, и до ветра бегаем у конец сада... Нас-то скильки осталось? А ведь у свое время как на страну мы робыли? О-е-ей... за победу отдавали усе, уси силы, здоровье... Шли робыты и старики, и диты, и зовсим хворые, разве хто чичас так робыт? Эх, вы... Показывают по телевизору один разврат, а бабы сказались, ни сраму,

ни чести... А вот мы, солдатки... Помню... А хошь, послухай, коли сон не ласкается...

Когда началась война с немчурой, в колхозе остались бабы да дети. Что ни хата, то без мужика. Галина проводила мужа на фронт и пошла работать звеньевой. Ее девчата раньше всех убрали картошку, звено на время разбрелось. Кто помогал возить солому или сушил махорку, а Галине вдруг захотелось всех собрать и повкуснее накормить. Закатав рукава, она, вся раскрасневшаяся, хлопотала у открытой плиты, а в глазах и сердце — Володька! Как он там воюет?

От реки Понуры веяло прохладным, живительным ветерком, но Гале не было холодно. Разогревшись, сбросила ватник и водрузила его возле сарая. Под хлестким ветром ватник слегка покачивался — это был сигнал третьей бригаде: мол, бабоньки, время вечерить.

Повариха сложила ладони рупором и прокричала:

— Бабоньки, чуток побыстрее, все стынет! — А затем, не без зависти взглянув на подоспевшую белявую молодку, тихо спросила: — У тебя, Груня, шумели мне тут бабы, опять письмецо?

И пока третья бригада собиралась на ужин, все женщины, подходя к сараю, спрашивали у белобрысой радостной Груни о том же: «Правда, Груня, тебе письмецо?»

После тяжелой работы руки женщин, едва отмытые от влажной земли, зябли, они прижимали ладони к щекам или теплой корке каравая.

В сарае пахло свежим хлебом, дынями, мятой, вялыми листьями махорки, рассольником, но никто не ел, все поглядывали на Груню. Какая счастливая! Ей сегодня письмо пришло!

В тот вечер Галина приготовила ужин на славу. Лишения войны тогда еще не докатились до богатого колхоза. Звеньевая по всем правилам сварила знатный станичный рассольник, нажарила петухов, а пшеничный духовитый, пышный, совсем еще мирного замеса хлеб, а не отрубной нормированный, каким он станет потом, разметала по выскобленным доскам столов.

Хотелось все сделать по-доброму, по-домашнему... А то как же? Ведь бабоньки за световой день в поле, заменяя мужиков, конечно, измотались, оголодали. Но женщины, уложив натруженные руки на столешницу, сидели молча, никто не прикасался к еде, все выжидательно смотрели на Груню.

Галина загляделась на жаркий багровый закат. Раскаленная тарелка солнца будто застряла над лесополосой. Она перевела взгляд на притих-

шую речку, где плескались бойкие чирки, осмелевшие дикие утки, приплывшие на ночь в заводь. В этом году дичи просто навалом, хоть палкой бей! Такого старики еще не помнили. На дичь некому охотиться, мужиков-то всех загребли на войну.

А обветренные Галины губы шептали: «Володя... Володечка, сокол ты мой ясненький, единственный и ненаглядненький, совсем мало полюбилися мы с тобой из-за этой проклятущей немчуры! Чего, родимый, весточки не шлешь, а? Почему?.. Обмолвись хоть словечком... главное, жив ли? Хочу, как Грушка, тоже счастливой быть... Почтальона бегаю встречать аж на околицу, к обожженной молнией развесистой ветле, где мы впервой поцеловались, а брехливый дед Васильку тогда выскочил на нас из камышей и напугал, как сыч в темном лесу, помнишь?»

Солдатки, продолжая молча сидеть, вздыхали, каждая о своем. Вот же, как получается... Уйма всего народилось на колхозных полях: пшеничка богатая выдалась, бахчи разметнулись тучные, корма душистые заготовили впрок для буренок. Все убрали честь по чести, сами убрали, без мужиков. Все, что нужно пока есть у каждой в доме. Все. Кроме мужиков.

Нет и писем. Только вот Груше повезло. Пришел заветный солдатский треугольничек с фронта, и каждая хочет подержать его в руках, это заветное письмецо, первое письмецо в станицу с войны. И каждая подумала, может, и мой скоро придет долгожданную весточку.

Одна из молодых кивнула на поросший камышом пологий берег.

— Ишь, чирок какой нынче нахальный. Вон их сколько...

— Стрелять-то, Лиза, некому.

— А мой, — вдруг заговорила Груша, — мой Егор, бывало, вернется с ружьишком домой, несет, гляди, десятка два уток, куда девать?..

— А ты, Груня, помню, не жадничала, бывало, чирками делилась, и мне, как соседке, перепало. Чего и говорить? Э-хэ-хэ.. Был твой Егор хоть куда... охотник! — Вспоминая соседа-охотника, раздумянулась Лиза, ставшая потом связной в партизанском отряде.

— А мой-то, бабоньки, мой, пел-то как? Мой Витька... помните, а? — всполошилась Дуся. (На ее глазах немцы, когда займут станицу, расстреляют детей и престарелую мать.)

— Да-а, пел Витька сурьезно... — подтвердила Нина. (Она потом из мужниного ружья застрелит гестаповца, за что фрицы, нагло посмеиваясь, принародно повесят ее на станичной площади.)

Тихо теперь в станице. Некому петь! И все бабоньки замолчали, задумались, ни сном ни духом не ведая, что им уготовано впереди...

— А мой Санек... — заговорила сидящая с краю Евдокия, крепкая, жилистая мать большого семейства. Голос у нее дрожал, как у девчонки, — возьмет, бывало, ножик и чурбашку-деревяшку, раз, два, раз, два... и ложка готова! Раз, два... и еще ложка... Вот эту, погляди, — она ткнула в лицо рябой Тоське деревянную ложку, — это он, Санек мой, делал... А писем от него, моего кормильца, все нет и нет!

И уже совсем не за горами тот роковой час, когда Евдокия и Тоська, по заданию партизан работая на фрицев, подорвут склад с немецкими боеприпасами. Тоська чудом останется жива. После войны вырастит и воспитает пятерых детей — сирот Евдокии, муж которой до сих пор числится без вести пропавшим. И что это за власть, что не знает, не ведает, где погибли защитники? Придумали для очистки совести формулировочку: пропал без вести. Как хочешь, так и понимай, а жизнь-то человеческая, выходит, утеряна.

Да... нет писем. Нет песни. Нет новенькой ложки. Нет в доме крепкой руки. И все солдатики что-то вспоминают и вспоминают... Каждая — про самого любимого, про самого хорошего, про своего...

Статная, дюжая и яркая Любка, доселе молча слушавшая подруг, вся скукожилась, зажмурилась, уронила голову на руки и вдруг тоскливо протянула:

— А мой... мой как у-у-да-рит!! — и заревела в голос.

Заплакали, захлюпали, засопели, заворочались за столом бабоньки. Как же быть на белом свете, ведь без хозяина и дом сирота.

Плакала и Галина, и писаная красавица Даша Каневская, чистых кровей казачка, синеглазая степнячка, совсем дитя, уже отдавшее войне отца и трех братьев, не изведавшая ни любви, ни сердечных мук от разлуки, ни сладкой тяжести мужской руки. На долю этого нежного степного цветочка выпадет столько мучений от немецких палачей, ликующих, что им в капкан попала дочь самого председателя колхоза, Героя Труда.

Тетя Галя рассказывала, а я находилась в октябре того самого сорок первого года и сидела рядом за бригадным столом, у речки Понура с ней, тетей Галей, красавицей Дашей Каневской, со всеми дорогими теперь моему сердцу станичницами-солдатками, оставшимися один на один с войной. Тогда они еще слабо надеялись, что беда обойдет сторонушкой их Малый Кут.

Я вслушивалась в берущий за сердце кубанский говорок и ... чувствовала стыд, что в суете будней и праздников мы забываем жертвенный

подвиг наших матерей, бабушек, прабабушек, всех безымянных женщин страшной войны. Не по-человечески это. Ведь пропадем в своем беспмятстве...

Домой возвращалась с полным багажником ядерных яблок, груш, слив, собранных и сноровисто уложенных тетей Галей под наблюдательным оком вездесущего клыкастого Маяка, весело помахивающего кудлатым хвостом. Тут же крутилась философски посматривающая на сборы, мемекущая проказница Верка, удерживаемая крепкой длинной веревкой, прихваченной к двери вросшей в землю сараюшки.

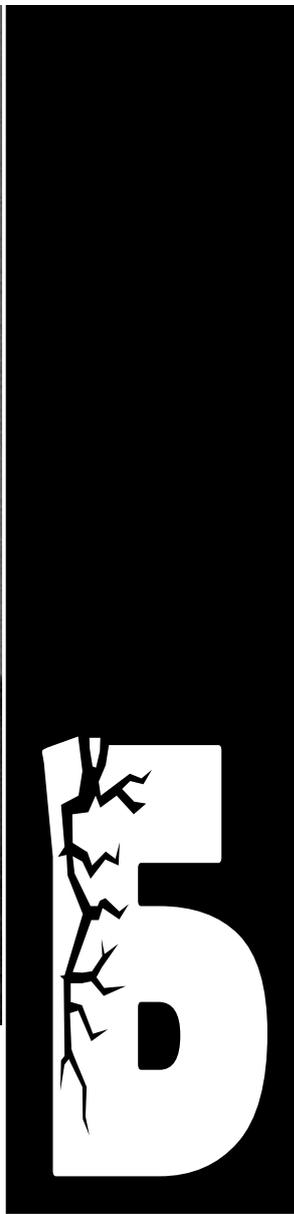
— Ну, с Богом, в добрый путь, дочка! — сказала тетя Галя. — Надумаешь, приезжай погостевать, пока меня земля носит. Гладкий путь тебе. — Она хотела еще что-то добавить, но вдруг озаботилась: — Ой, мне еще к бабе Авдотье надо! Подсобить обещала по хозяйству. Ну, Бог с тобой... — и размашисто перекрестила меня.

Мы троекратно расцеловались. Тетя Галя поправила белую косынку, надвинула на глаза, прикрикнула на Маяка. Я пробормотала, дескать, все будет хорошо, и юркнула в машину. На прощание посигналила и медленно отъехала от беленой хатки с грушевым садиком. Маяк бросился сопровождать меня, бежал впереди и, залиvisto лая, извещал улицу о моем отъезде.

Тетя Галя продолжала стоять у калитки около щербатого пенька, оставшегося от яблоньки, когда-то посаженной перед самой войной мужем, и смотрела мне вслед... □

Денис Логинов

МОЙ ГЕНИЙ
О, память сердца! Ты сильнее
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью твоей
Меня в стране пленяешь дальней.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно вьющихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милый, незабвенный,
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой — любовью
В утеху дан разлуке он,
Засну ль? — приникнет
к изголовью
И усладит печальный сон.

1815

ЕЗУМНАЯ

ГЕНИАЛЬНОСТЬ

Если ограничиться строгими рамками школьного курса литературы, то поэтический мир России будет представлен двумя достаточно яркими светилами: Пушкиным — яркое солнце и Лермонтовым — печальная луна. Об остальных говорится скороговоркой, как если бы они составляли оправу для творчества двух гениев. Чаще всего упоминается, как правило, только Жуковский, да и то — в качестве «побежденного учителя». Но ведь «солнце русской поэзии» возшло не на пустом небосводе, там и до него были талантливые поэты, и среди них — Константин Николаевич Батюшков, стоявший в самом начале новой эпохи русской лирики.

Он родился в мае 1787 года в окрестностях Вологды и принадлежал к старинному и небогатому дворянскому роду. К сожалению, мальчик рано остался без матери: вскоре после рождения сына она сошла с ума и умерла, когда ему было всего 8 лет...

В десятилетнем возрасте Константин Батюшкова отдали в Петербургский пансион француза Жакино, там будущий поэт с упоением читал европейских классиков и начал писать стихи. В 1801 году его перевели в пансион итальянца Триполи, где он особенно ревностно изучал иностранные языки — французский, итальянский, латынь, отличаясь среди сверстников склонностью к языкам и литературе.

После окончания пансиона он вынужден был поступить на службу делопроизводителем в Министерство народного просвещения, что, естественно, не вызывало у него особого восторга. Но семья обеднела, имение пришло в упадок. Высокопоставленных покровителей и меценатов Батюшкова не имел, и, быть может, из-за гордости даже не хотел иметь:

«Просить и кланяться в Петербурге не буду, пока будет у меня кусок хлеба».

На службе он познакомился с молодыми людьми, дружба с которыми еще долгие годы его поддерживала, но самым близким другом стал поэт и переводчик Николай Гнедич, к литературным советам которого

Константин Николаевич относился внимательно всю свою жизнь.

В 1805 году в журнале «Новости русской литературы» было опубликовано первое стихотворение Батюшкова «Послание к стихам моим»:

*Стихи мои! опять за вас
я принимаюсь!
С тех пор как с Музами к несчастью
обращаюсь
Покою ни на час... О, мой
враждебный рок!
Во сне и наяву Кастальский
льется ток,
Но с страстию писать не я один
родился.
Чуть стопы размерять кто только
научился,
За славою бежит — и бедный
рифмотвор
В награду обретет не славу,
но позор.*

А в 1806 году в журнале «Любитель словесности» появляется новое стихотворение Батюшкова — «Мечта».

*О, сладкая мечта! О неба дар
благой!
Средь дебрей каменных, средь
ужасов природы,
Где плещут о скалы Ботнические
воды,
В краях изгнанников. Я счастлив
был тобой.
Я счастлив был, когда в моем
уединенье
Над кущей рыбака, в час полночи
немой,
Раздастся ветров свист и вой
И в кровлю застучит и град,
и дождь осенний.*

В нем поэт навсегда отказался от традиции высокой оды восемнадцатого века, и его излюбленными жанрами становятся элегии и дружеские послания. Современники стали отмечать «сладкогласие», «благозвучие», «гармонию» батюшковских стихов. Ими зачитывались, их переписывали в альбомы и заветные тетрадки.

Особое место в жизни юного Батюшкова занимал его дядя, брат покойной матери, известный тогда писатель Михаил Никитич Мура-

поэт записался в 1807 году в народное ополчение, чтобы принять участие в прусском походе. В битве под Гейльсбергом он был ранен и отправлен на лечение в Ригу.

Оправившись от ранения и приняв в 1808 году участие в еще одной войне — со Швецией, Батюшков вышел в отставку и уехал в деревню, где, по его собственному признанию, «писать решительно ни о чем не хотелось». Его всегдашняя впечатлительность стала почти болезненной, все больше и больше

осле окончания пансиона Батюшков вынужден был поступить на службу делопроизводителем в Министерство народного просвещения, что, естественно, не вызывало у него особого восторга. Но семья обеднела, имение пришло в упадок, да и высокопоставленных покровителей и меценатов Батюшков не имел, а, может быть, и не хотел из-за гордости иметь

вьев. Он не только сильно повлиял на воспитание хорошего вкуса у талантливого племянника, но и ввел его в круг наиболее видных представителей тогдашнего литературного мира. Батюшков близко сошелся с Державиным, Львовым, Капнистом, Олениным и, конечно, Гнедичем.

В компании с несколькими одаренными молодыми людьми он даже создал «Вольное общество любителей словесности, наук и художеств», но тут в Европе началась война, и

овладевала им хандра и, увы, предчувствие будущего сумасшествия.

Опыт войны не прошел даром — в задумчивые, мечтательные стихи стали постепенно вторгаться строгие темы расставания и смерти:

Я берег покидал туманный

Альбиона:

*Казалось, он в волнах свинцовых
утопал.*

*За кораблем вилася Гальциона,
И тихий глас ее пловцов
увеселял.*

<...>

*И вдруг... то был ли сон?.. предстал
товарищ мне,
Погибший в роковом огне
Завидной смертью,
над Плейсскими струями...*

В самом конце 1809 года Батюшков приехал в Москву где очень скоро, благодаря своему таланту, светлому уму и доброму сердцу нашел себе добрых друзей и единомышленников. Из литераторов он ближе всего сошелся с Василием Львовичем Пушкиным, Карамзиным, Вяземским и Жуковским.

Поэт и критик XX века Владислав Ходасевич так писал о том переходном периоде русской словесности:

«Уже взорвалась первая мина, подложенная под классицизм сентиментализмом Карамзина... Перед новыми силами открывалось обширное поле. Жуковский и Батюшков пытались обрести «новые звуки...»

Отрицание «холодного рассудка», упоение поэтической мечтой на лоне природы, одушевленной и как бы вторящей переживаниям поэта, попытка уловить мимолетные пере-

живания души, искренность и отсутствие пафоса — таковы стихи молодого Батюшкова.

В 1809 году поэт написал стихотворный памфлет «Видение на берегах Леты», разошедшийся в списках и напечатанный в искаженном виде лишь через тридцать два года после его создания. Досталось всем, настоящим поэтом был признан только Крылов. Поэма ходила в списках по обеим столицам и имела

громадный успех. Гнедич предложил ему напечатать «Видение», очевидно, надеясь на то, что это принесет автору материальные выгоды, но Батюшков категорически отказался, заявляя, что не хочет обидеть некоторых осмеянных в «Видении» литераторов:

«"Лету" ни за миллион не напечатаю; в этом стою непоколебимо, пока у меня будет совесть, рассудок и сердце. Глинка умирает с го-

лоду; Мерзляков мне приятель или то, что мы зовем приятелем; Ша-ликов в нужде; Языков питается пылью, а ты хочешь, чтобы я их ду-рачил перед светом. Нет, лучше умереть! Лишняя тысяча меня не обогатит».

Константин Николаевич намере-вался оставить военную службу, служить в дипломатической мис-сии, путешествовать по Европе. Увы, все это так и осталось мечта-ми, кроме одного: в начале 1812 года он получил отставку от воен-ной службы, отправился в Петер-бург и при помощи Оленина посту-пил на службу в Публичную библио-теку. Жизнь его устроилась доволь-но хорошо, хотя его постоянно тре-вожила мысль о судьбе его семей-ства и его самого: скорого повыше-ния по службе нельзя было ожидать, а хозяйственные дела шли все хуже и хуже.

Кстати, сослуживцами Батюшко-ва по Публичной библиотеке были Гнедич и Крылов, так что на отсут-ствие приятного ему общества он не мог пожаловаться.

Начавшаяся Отечественная вой-на 1812 года всколыхнула в душе поэта патриотическое чувство, да к тому же стала потрясением для Константина Батюшкова. Он не мог постичь, как французы, этот «просвещеннейший» народ, звер-ствовал на захваченных землях:

«Москвы нет! Потери невозврат-ные! Гибель друзей, святыня, мир-ное убежище наук, все осквернено

шайкою варваров! Вот плоды про-свещения, или лучше сказать, раз-врата остроумнейшего народа... Сколько зла! Когда ему конец? На чем основать надежды?..»

В послании Дашкову «Мой друг, я видел море зла» уже ничего не ос-талось от сладких мечтаний, а есть лишь правда очевидца страшных событий:

*Я видел бедных матерей,
Из милой родины изгнанных!
Я на распутье видел их,
Как, к персям чад прижав
грудных,
Они в отчаяньи рыдали
И с новым трепетом взирали
На небо рдяное кругом.*

Но немедленно вступить в армию ему помешала сильная лихорадка. Лишь в 1813 году, как только позво-лило состояние здоровья, Батюш-ков выехал в Дрезден, в главную квартиру действующей армии — адъютантом знаменитого генерала Раевского, который считал его сво-им другом.

О дружбе Раевского с Пушкиным не писал только ленивый. О долгих, доверительно-дружеских отношени-ях легендарного генерала с Батюш-ковым мало кому известно. Между тем, одно из прекрасных стихотво-рений поэта, прежде чем было опу-бликовано, появилось в альбоме старшей из сестер Раевских — Ека-терины.

*Если лилия листьями
Ко груди твоей прильнет,
Если яркими лучами*

*В камельке огонь блеснет,
Если пламень потаенный
По ланитам пробежал,
Если пояс сокровенный
Развязался и упал, —
Улыбнися, друг бесценный,
Это я!..*

(«Привидение»)

В 1814 году поэт участвовал в переходе через Рейн и вступлении во Францию. Из Парижа, свидетелем капитуляции которого был Батюш-

Рейн» или «На развалинах замка в Швеции» душевные излияния поэта облекаются в формы исторических воспоминаний и размышлений о минувшем.

Элегия как жанр новой романтической литературы была подхвачена из рук завершающего свой творческий путь Батюшкова Пушкиным и Баратынским. Что касается Пушкина, то сначала он считал Батюшкова своим учителем и зачитывался

В

1807 году поэт записался в народное ополчение, чтобы участвовать в прусском походе, а в битве под Гейльсбергом был ранен и отправлен на лечение в Ригу. Оправившись от ранения, он вышел в отставку и уехал в деревню. Его всегдашняя впечатлительность стала почти болезненной, им все больше и больше овладевала хандра и предчувствие будущего сумасшествия

ков, он через Англию, Швецию и Финляндию вернулся в Петербург.

Возвращение на родину и радовалось, и страшило, настроение становилось все тревожнее, порою одолевали приступы отчаяния и уныния. В одном из писем он говорил, что вскоре должен возвратиться в страну, где так «холодно, что у времени крылья примерзли»...

Война сильно повлияла на поэтическую форму стихов Константина Батюшкова. Чистый жанр элегий мало подходил для описания войны, и он начал тяготеть к оде. Например, в стихотворениях «Переход через

его стихами. А позже стал относиться к творчеству своего «учителя», мягко говоря, критически, «уважая», впрочем, «в нем несчастья и незрелые надежды».

Александр Бестужев-Марлинский был в своих оценках более объективным:

«С Жуковского и Батюшкова начинается новая школа нашей поэзии. Оба они постигли тайну величественного гармонического языка нашего...»

В Петербурге поэта постигло еще одно разочарование, на сей раз — в личной жизни. Он был частым го-

стем в семье Олениных и влюбился в их воспитанницу Анну Фурман. Сделал предложение, получил согласие опекунов-воспитателей и самой девушки. Но уже готовясь к женитьбе на страстно любимой им девушке, поэт нашел в себе силы от нее отказаться, как только догадался, что она его не любит и ее согласие на брак вынужденно. Он пережил несколько мучительных лет, не раскрывая причин своего странного, как казалось, поведения, чтоб не навлечь на девушку неудовольствия опекавшей ее семьи. Ссылаясь на свою материальную необеспеченность, он имел в виду совсем другое:

«Начать жить под одною кровлею в нищете, без надежды?.. Нет, не соглашусь на это, и согласился бы, если б я только на себе основал свои наслаждения! Жертвовать собою позволено, жертвовать другими могут одни злые сердца».

Неудавшаяся попытка жениться в 1815 году, расстройство личных отношений с отцом, а затем его смерть в 1817 году не могли не сказаться на душевном здоровье поэта. И хотя его заочно выбирают в члены литературного общества «Арзамас», избирают в члены Московского общества любителей русской словесности, а сам он переживает сильный творческий подъем: за год им было написано двенадцать стихотворных и восемь прозаических произведений, душевного успокоения это не принесло. Жизнь вокруг него, кажется, кипела, он находился в зени-

те и славы, и творческих сил, но тема наслаждения жизнью, упоения поэзией и природой все же отходила на задний план, а мотивы уныния, разочарования, сомнений проявлялись с особой, щемящей силой.

Идеалом Батюшкова было достичь в русском языке предельной музыкальности. Современники воспринимали его язык как плавный, сладостный. Плетнев в 1924 году писал: *«Он... создал для нас ту элегию, которая Тибулла и Проперция сделала истолкователями языка граций. У него каждый стих дышит чувством; его гений в сердце. Оно внушило ему*

*свой язык, который нежен и сладок,
как чистая любовь...»*

Стихи Батюшкова уникальны по богатству чисто языковой — фонетической и синтаксической — выразительности. Никогда до него лексическая окраска не использовалась столь сознательно и не играла столь решающей роли. Позже она станет в русской поэзии — и в первую очередь у Пушкина — одним из главных стилистических факторов.

После смерти отца в 1818 году Батюшков отправился на юг, поправлять свое здоровье. По совету Жуковского, он подал прошение о зачислении в одну из миссий в Италии. В Одессе поэт получил официальное письмо, извещающее его о назначении на дипломатическую службу в Неаполь. После долгого путешествия он прибыл на место службы с яркими впечатлениями от поездки.

Получив в конце 1820 года отпуск для лечения, Батюшков отправился в Рим. И тут последовал удар, который его больная психика уже не могла вынести: в журнале «Сын отечества» появилось анонимное стихотворение «Б... в из Рима», написанное от лица Батюшкова и принятое читателями как его произведение, хотя автором его был Плетнев.

*Напрасно — ветреный поэт —
Я вас покинул, други,
Забыв утехы юных лет
И милые заслуги!
Напрасно из страны отцов
Летел мечтой крылатой!*

*В отчизну пламенных певцов
Петрарки и Торквато!*

*...А вы, о, милые друзья,
Простите ли поэта?
Он видит чуждые поля
И бродит без привета.
Как петь ему в стране чужой?
Узрит поля родные —
И тронет в радости немой
Он струны золотые.*

Пером Плетнева двигало, прежде всего, стремление напомнить читателям о Батюшкове, молчавшем со времени своего отъезда из России. Однако отсутствие под стихотворением подписи давало читающей публике возможность приписать его именно Батюшкову. И хотя текст задумывался как своего рода панегирик, поэт без колебаний воспринял его как пасквиль. Интересно, что причиной негодования Батюшкова было даже не качество текста, несомненно, оставляющее желать лучшего. Решение «навсегда покинуть перо автора», принятое в раздражении после появления в печати стихотворения «Б... в из Рима», легко объяснимо.

«Скажи им, — писал в возмущении Батюшков Гнедичу, — что мой прадед был не Анакреон, а бригадир при Петре Первом, человек нрава крутого и твердый духом. Я родился не на берегах Двины... Скажи, бога ради, зачем не пишет он хотя бы биографии Державина?»

В результате, к 1821 году ипохондрия приняла такие размеры, что поэт должен был оставить службу и

Италию. В 1822 году расстройство умственных способностей выразилось вполне определенно, и с тех пор Батюшков в течение 34 лет мучился, не приходя почти никогда в сознание.

Еще в 1815 году Батюшков писал Жуковскому о себе следующие слова:

«С рождения я имел на душе черное пятно, которое росло, росло с годами и чуть было не зачернило всю душу».

ощущением невозвратности счастья. Обуреваемый страхом перед революцией, ее насилием и разрушительной силой, он боялся за Россию. Не исключено, что в катастрофическом обострении наследственной душевной болезни, выключившей Батюшкова из жизни в начале 1820-х годов, сыграла роль его осведомленность о существовании тайных декабристских обществ. Сын его старшего друга и учителя, М.Н. Муравьева, Никита

В

се его позднее творчество пронизано чувством острого трагизма и ощущением невозвратности счастья. Обуреваемый страхом перед революцией, он боялся за Россию. Не исключено, что в обострении душевной болезни сыграла роль его осведомленность о существовании тайных декабристских обществ

Но еще до того, как душевная болезнь полностью его поглотила, Константин Батюшков написал несколько своеобразных кратких лирических изречений на философские темы. Строки из последнего, написанного в 1824 году, звучат так:

*Рабом родится человек,
Рабом в могилу ляжет,
И смерть ему едва ли скажет,
Зачем он шел долиной чудной
слез,*

Страдал, рыдал, терпел, исчез.

Все его позднее творчество пронизано чувством острого трагизма,

Муравьев был одним из организаторов движения, и это усугубляло тревогу поэта.

Какая огромная разница с легкомысленно-фрондерским отношением большей части российского общества к мятежу декабристов!

А между тем, в стихах Батюшкова с удивительной артистичностью разрабатывалась важнейшая проблема эпохи — соотношение «общей» жизни человечества и душевной жизни отдельного человека. По Батюшкову, смысл жизни — в даруемой ею радости:

*Пока бежит за нами
Бог времени седой
И губит луг с цветами
Безжалостной косой,
Мой друг! скорей за счастьем
В путь жизни полетим;
Упьемся сладострастьем*

*И смерть опередим;
Сорвем цветы украдкой
Под лезвием косы
И ленью жизни краткой
Продлим, продлим часы!
Культ добродетели пропове-
вался не только на словах.*

«Я не могу, — писал Батюшков, — постигнуть добродетели, основанной на исключительной любви к самому себе. Напротив того, добродетель есть пожертвование добровольное какой-нибудь выгоды, она есть отречение от самого себя».

О лирической поэзии в новом значении этого слова — Батюшков называл ее «легкой поэзией» — он писал другое:

*«Сей род словесности беспре-
станно напоминает об обществе; он
образован из его явлений, странно-
стей, предрассудков и должен быть
ясным и верным его зеркалом... Но
большая часть людей принимает за
поэзию рифмы, а не чувства, слова,
а не образы».*

Двести лет прошло, а точно вчера написано!

А Батюшкова уже терзали страхи, подозрения, болезненная мнительность, уже были налицо пугавшие его друзей и близких симптомы душевной болезни. Настигшее его безумие имело наследственные причины и поджидало уже давно. Недаром в 1810 он писал Гнедичу:

*«Если я проживу еще десять лет,
я сойду с ума...»*

Увы, так и случилось. В 1822 Константин Батюшков был уже тяжело болен, и после Петербурга, Кавказа, Крыма, Саксонии и опять Москвы, где все попытки лечения оказывались тщетны, его перевезли в Вологду, где он прожил более 20 лет, никого не узнавая.

Современники вспоминали о Батюшкове, как о человеке необычайно впечатлительном, наделенном тонким и беспокойным умом, характером мягким и в то же время раздражительным. Он был деликатным и болезненно самолюбивым; в нем совмещались беспечность и душевная тревога, живость и скрытность, способность легко падать духом и так же легко «воскресать» от самой маленькой удачи, от приятного впечатления.

Сомнения в значительности сделанного терзали его накануне душевной болезни. О своих стихах он писал сурово Вяземскому:

*«Сам знаю, что есть ошибки про-
тив языка, слабости, повторения и
что-то ученическое и детское: знаю
и уверен в этом... Но не понравится
тебе и еще трем или четверем че-
ловекам в России больно, и лучше
бросить перо в огонь».*

Сколько было и есть поэтов, так строго относящихся к собственному творчеству? Боюсь, гораздо меньше, чем «гениальных графоманов».

Константин Батюшков скончался от тифа 7 июля 1855 года в Вологде. Его похоронили в пяти верстах от нее, в Спасо-Прилуцком монастыре.

Творчество Константина Батюшкова было почитаемо и любимо почти всеми талантливыми поэтами XIX века, но в XX-м помнили только о том, что он был сумасшедшим.

Недаром же Пушкин писал: *«Не дай мне Бог сойти с ума!»* □

Арсений Анненков

УТРО

Долгих сумерек уродцы
Скрылись в неглубоких норах.
Раскаленный посох солнца
Пробивает тюль и штору.
Сотворяет свет обои,
Стол, кровати середину,
Мой зрачок, поклон алоэ
И мечты прямую спину.

Там, в мечте, лечу в луче я
Самой верткой из пылинок.
Непосильный казначеям,
Я мельчу любой учет.
Мной играет с увлеченьем
Свет, как я и прям, и зыбок
Просто в силу назначенья —
Обнаруживать полет.

ПЕРВЫЙ СНЕГ

Первый снег подобрался к рекам,
В медсестер нарядил деревья
(Принаряженные калеки
Без листвы загрустили вдвойне).

Безнадежная радость доверья
К неизбежной зиме.
Ровный холод щекочет веки.

И

прекрасное

ДАЛЕКО

Владимир Марышев

Алекс в два глотка допил пиво и с хрустом смял пустую банку.

Настроения не прибавилось — на душе было все так же гадко. Он хмуро смотрел на прогуливающих возле фонтана голубей. Запустить бы в них банкой, чтобы, суматошно хлопая крыльями, метнулись во все стороны! Глупое, ребяческое желание, но шугануть сизарей хотелось так сильно, что аж рука зудела. Безмозглые твари с пустыми круглыми глазами... Расхаживают тут, смешно трясут головами, поклевывают зернышки — и ни забот, ни хлопот. А ты сиди и парься над тем, как выпрыгнуть из ямы...

— Привет, Алекс, — послышалось справа. — Ты разрешишь?

Он удивленно повернул голову на голос и увидел незнакомую девушку. Или, скорее, смутно знакомую — возможно, встречал в случайной компании.

Ей было лет девятнадцать-двадцать. Невысокая, хорошо сложенная, в обтягивающих джинсах и короткой легкой курточке. Правильные черты лица, лишь чуть тронутого косметикой, слегка волнистые каштановые волосы, почти достигающие до плеч. Алекс, правда, предпочитал девчонок повыше и малость попышнее, но и при виде этой инстинктивно сглотнул слюну.

— Привет... Садись, конечно. А ты кто?

— Я — Вика, — представилась она, опускаясь на скамейку.

— Это, конечно, многое объясняет. И что, мы знакомы?

— Теперь — да. Не удивляйся. Просто до этого ты мне пару раз попался на глаза... вместе с приятелями, и я запомнила, как они тебя называли.

Алекс вспомнил, что все еще держит смятую банку, и бросил ее в урну, стоящую у края скамейки. Но не попал — рука дрогнула. Нервишки...

— Может, ты про меня еще что-нибудь знаешь? — подозрительно спросил он.

— Больше ничего. Но надеюсь узнать. Я вижу, у тебя проблемы?

Это его разозлило. Алекс никого не посвящал в свои дела — кроме людей, с которыми был повязан одной веревочкой. Меньше треплешь языком — больше гуляешь на свободе.

Он уже хотел отбрить Вику по полной программе — не принцесса, уши не завянут, но вместо этого, сам себе удивляясь, буркнул:

— Ну, проблемы... Тебе-то что?

— Серьезные?

— Да какое твое!.. — вскинулся Алекс. И осекся. Потому что спинным мозгом почувствовал — тут не простое любопытство. За невинным вопросом явно стоял какой-то расчет. А когда в тебе заинтересованы, можно попытаться обернуть это себе на пользу.

Он достал пачку сигарет, протянул Вике — та покачала головой. Алекс закурил, наклонился вперед, оперевшись локтями в колени, и выпустил длинную струйку дыма, словно надеясь достать до голубиной стайки.

— Короче, замутили мы с приятелем одно дело. Года полтора все шло гладко. Не скажу, чтобы были в полном шоколаде, но на пиво хватало. И не только на него... — Он криво усмехнулся. — Все бы хорошо, да только дельце мы выбрали из тех, по которым статья плачет. И доплакалась — вычислили нас. Ну, мы давай скорее концы в воду. Доходы, само собой, накрылись медным тазом. Пытались откупиться — все деньги на это спустили. Да только впустую — не на тех людей вышли. А вчера Вовчика повязали. Мы с ним со школы не разлей вода — не могу поверить, что расколется и заложит. Но черт его знает — у них умеют обрабатывать... Надо бы ноги делать, да некуда — нигде ни родни, ни нормальных знакомых. Вот такое дерьмо...

— Понятно, — сказала Вика.

«Если поинтересуется, что это за дело, — точно пошлю! — мрачно подумал Алекс. — И так уже слишком много выболтал. Распустил язык, болван, словно кто тянул».

Бизнес у них действительно был подсудный. Они с Вовчиком занимались скамерством — раскручивали на деньги иностранных женишков. Те, за редким исключением, вели себя как последние лохи: верили всем сказкам виртуальных любимых и послушно трясли «баксами» — раз за разом все щедрее. Почему бы не пощипать тупых американских гусей, если они сами того хотят?

Однако Вика не стала выспрашивать детали — похоже, они ей были просто ни к чему.

— Я не знаю, во что ты влип, Алекс, но могу тебя вытащить. Бесплатно и со стопроцентной гарантией.

Он поперхнулся сигаретным дымом, отбросил окурочек и зашелся в кашле. «Подстава, — мелькнуло в голове. — Вытащить за просто так — ага, ищи идиота!»

— Слушай, — откашлявшись, сказал он, — не парь мне мозги. До сих пор я «обувал» других и очень не люблю, когда пытаются «обуть» меня. Твой папа — такой крутой начальник? Да даже если и так — на кой я тебе сдался? Ты еще скажи, что втюрилась в меня с первого взгляда, что у тебя целый год не было парня, что...

— Дурак!

Он вскочил — так резко, что испуганные голуби шумно взвились над фонтаном, и, уже не сдерживаясь, длинно и грязно выругался.

Вика тоже поднялась, и Алексу показалось, что она хочет залепить ему пощечину. «Ну-ну, попробуй», — мысленно проговорил он и напрягся, чтобы вовремя перехватить ее руку. Но до таких крайностей дело не дошло.

— Ты найдешь меня у друзей, — спокойно, словно ничего не случилось, сказала Вика. — Улица Пришвина, двадцать восемь, квартира сто одиннадцать. Я бываю там по вечерам, после шести.

Она повернулась и пошла прочь. Не торопясь, уверенной походкой, словно показывая — дело сделано. Клиент может бесноваться сколько угодно, но он заглотив наживку и уже не соскочит.

«Ага, сейчас, — подумал Алекс, глядя ей вслед. — Пошла ты вместе со своими друзьями. Выручальщица, блин! Справлюсь как-нибудь — не впервой выходить из переделок. А может, и само собой рассосется».

Не рассосалось.

Дверь ему открыла сама Вика. Кроме нее, в квартире были двое парней и девушка.

Один парень, высоченный и худой, сидел в углу комнаты за компьютером. Услышав, что кто-то пришел, он обернулся через плечо, смерил го-

стя взглядом и опять застучал по клавишам. Алексу бросились в глаза высокий лоб с залысинами и сосредоточенное выражение лица — такое бывает у решающих сложную задачу, когда нельзя ошибиться.

В отличие от первого, второй парень был среднего роста и мог похватать густой шевелюрой. Он стоял посреди комнаты и смотрел на Алекса с плохо скрываемым разочарованием, словно ожидал увидеть чудо-рыцаря в сияющих доспехах, а пришел мужик в лаптях и зипуне. Алексу даже захотелось буркнуть: «Чего вылупился?» Но он сдержался: ему показалось, что парень просто закомплексованный, не уверенный ни в ком, даже в самом себе.

Девушка, темноволосая и темноглазая, сидела в кресле, держа на коленях раскрытую книгу. На лицо Викина подруга была ничего, но женственности определенно недоставало — короткая «мальчишеская» стрижка, крепко сбитая фигура... «Спортсменка, что ли?» — хмыкнул про себя Алекс.

— Давайте знакомиться, — улыбнулась Вика. — Это Алекс. А это Берт, хозяин квартиры и наш компьютерный бог.

Длинный парень наконец-то отлип от клавиатуры, повернулся на крутящемся стуле и протянул гостю руку.

— Альберт, значит? — пожал вялую пятерню Алекс.

Берт поморщился — похоже, этот вопрос задавался ему много раз и успел осточертеть.

— Нет. Мой отец — ученый, программист. Он назвал меня в честь Норберта Винера.

Это было сказано таким тоном, что невежде, впервые услышавшему про Норберта Винера, оставалось только провалиться сквозь землю от стыда.

Алекс насупился. Его самого кормил Интернет, но шибко умных он недолюбливал, а высокомерных попросту не выносил. Я, мол, из семьи интеллектуалов, ношу имя великого человека, а ты вообще без понятия, кто это такой. Что может знать простой беспородный Шурик, хоть и приукрасивший себя до Алекса? Шурик — он везде Шурик, пусть даже его случайно занесло в приличную компанию...

Наградив Берта тяжелым взглядом, Алекс повернулся ко второму парню.

— Костик, — представился тот. Его рукопожатие было крепче, чем у Берта, но очень короткое, словно он боялся обжечься. — А это Тоня.

Темноволосая девушка молча наклонила голову.

«Непростая штучка, — подумал Алекс. — С виду тихоня тихоней, но, похоже, с характером. Ладно, не будем тянуть резину».

— Ну, вот и познакомились, — сказал он. — Я слышал, мне тут собираются помочь. Шутить изволите, или как?

Прежде чем ответить, Вика переглянулась с Бертом, и тот кивнул.

— Никаких шуток. Все очень серьезно. Но сначала ты должен пройти тест.

— Да уж, серьезнее некуда, — присвистнул Алекс. — Какой еще, к лешему, тест?

— Вот этот. — Берт поднялся, уступая ему место у компьютера.

На экране светилась странная ажурная фигура. Она походила на перекрученный, неправильной формы, лоскут, сплетенный из тонких зеленых нитей.

— Эту сетку надо заполнить. Видишь, одна ячейка начала мигать? Значит, просит начинки. Теперь смотри!

В нижней части экрана появилась и медленно поползла слева направо вереница других фигурок — маленьких, выпуклых, разноцветных. Многие из них выглядели как черепки вдребезги разбитых кувшинов, но были и совершенно причудливые, напоминавшие то ли амеб, то ли чернильные кляксы.

— Тыкаешь в какую-нибудь из них мышкой, кликаешь — и она сама садится в ячейку, — объяснил Берт. — Главное — ни о чем не думать.

Алексу показалось, что он ослышался.

— Не понял. Тесты для того и проводят, чтобы узнать, хорошо ли варят мозги. Как это, ни о чем не думать?

— В буквальном смысле. Все должно быть на уровне интуиции или подсознания — назови, как хочешь. Не надо анализировать, почему эта начинка тебе нравится, а та — нет. Тыкаешь — и все. А мы посмотрим, что получится.

«Бред, — подумал Алекс. — Они тут все свихнулись. То ли обкуренные, то ли повернутые на религии — сейчас каких только не встретишь! Одни поют «Харе Кришна», а эти придурки ищут смысл жизни, складывая черепки на уровне подсознания. Тьфу! Хотя... Почему бы не развлечься? Хуже, чем сейчас, все равно не будет, а может, что и обломится. Вдруг они проводят чемпионат по этой дурацкой игре, а в награду исполняют любое желание победителя? Например, спасают от тюрьмы».

Эта мысль его позабавила.

— Ну, давай. — Он сел за компьютер и, не раздумывая, подвел курсор к одному из черепков. — Поехали!

Поначалу Алекс откровенно бездельничал. Развалившись на стуле, небрежно шевелил мышкой, а пальцами левой руки постукивал по столу в такт льющейся из колонок музыке. Но вскоре ритм игры начал нарастать: мигающие ячейки стали появляться все чаще, а черепки заметно прибавили в скорости. Теперь уже расслабляться не приходилось. Он мог, конечно, повалять дурака, но самолюбие и вспыхнувший вдруг азарт заставляли выкладываться по полной. Тем более что новые знакомые,

стоя у него за спиной, проявляли к действию живейший интерес. Даже Тоня не усидела на диване.

Больше всех переживал Костик — шумно сопел и переминался с ноги на ногу.

— Не так! — вдруг выдохнул он. — Теперь не сложится!

— Подожди, — наконец-то подала голос Тоня. Он оказался на удивление сильным и звучным. — Все отлично сложится, я вижу.

— Я тоже вижу, — подтвердил Берт.

Игра закончилась неожиданно — поток черепков иссяк, хотя сетка не была заполнена даже на четверть. Алекс прождал какое-то время, но больше ничего не происходило.

— Да уж, игрушка — крындец всему! — ядовито проговорил он. — Ну, и что это было?

— Сейчас увидишь. Разреши-ка. — Берт взялся за мышку, проделал какие-то манипуляции, и из глубины экрана одна за другой выплыли еще четыре сетки. Они по очереди сливались с той, над которой трудился Алекс, и с каждым разом суммарная картинка становилась все четче и объемнее. Наконец с монитора глянула удивительная фигура. Проявив воображение, в ней можно было увидеть то ли дикарскую ритуальную маску, то ли череп фантастического существа.

— Практически полное наложение, — деловито констатировал Берт. — Девяносто шесть процентов.

— Здорово! — Костик наконец-то перестал топтаться на месте. — Не ожидал!

Алекс прошелся взглядом по их лицам. У всей четверки они буквально сияли.

— Я вижу, вам весело, — сказал он. — Неужели от этой раскрашенной морды? Тогда уж и меня просветите — порадуюсь за компанию.

Берт длинными тонкими пальцами потерев подбородок.

— Это не так-то просто. Чтобы во всем разобраться, надо в корне пересмотреть устоявшийся взгляд на эволюционный процесс. Если рассматривать эволюцию как функцию...

— Постой, — перебила его Вика, — ты сейчас опять залезешь в свои дебри. Проще надо. Верно, Алекс?

Алекс, которому уже хотелось убить Берта за лекторский тон, кивнул.

— Так вот, — продолжала Вика, — дело в том, что ты — наш.

— Да ну? — усмехнулся Алекс. — А мне казалось, я сам по себе мальчик.

— Понимаешь... Мы пятеро — ты, я, Тоня, Берт и Костик — уже не сами по себе. Ты видел, как совместились наши сетки? Почти идеально!

— И что с того?

— То, что мы образуем сообщество. Замкнутую цепь, все звенья которой дополняют друг друга!

Алекс слушал — и никак не мог заставить себя поверить.

Со слов Вики выходило, что человечество подошло к новой фазе своего развития. Первый звонок прозвенел, когда СМИ наводнили сообщения о гениальных детях индиго. Но в погоне за сенсацией журналисты безбожно раздули масштабы явления и, в итоге, подорвали доверие к собственной писанине. В конце концов ученые объявили индиго мифом. Возможно, по этой причине второй звонок, куда более серьезный, так и не был услышан, а знающие истину не спешили раскрывать свою тайну непосвященным.

Суть заключалась в следующем. То тут, то там стали появляться группы молодежи, объединенные не близостью интересов, а загадочной внутренней связью. Доходчиво объяснить ее, используя привычные термины, до сих пор никому не удалось. Она просто была — и с каждым днем становилась все прочнее.

Группы возникали стихийно. Наступал момент, когда у самого обычного, казалось бы, парня или девушки словно срабатывала опознавательная система «свой — чужой». Таинственные импульсы, исходящие от «своего», позволяли распознать его даже в огромной толпе. Повстречав друг друга, эти двое знакомились, а спустя какое-то время находили третьего. Так формировалось удивительное ментальное сообщество — Круг. Самый маленький состоял из трех человек и назывался, по музыкальной терминологии, — трио. Самый большой мог теоретически иметь неограниченные размеры, но пока не удалось обнаружить ничего крупнее восьмизвенного октета. Чаще всего встречались Круги из четырех и пяти звеньев — квартеты и квинтеты.

Вика закончила, и наступила тишина. Алекс тупо разглядывал физиономию на экране. Казалось, из черных провалов глазниц сочится нездешняя жуть, а уродливый рот ухмыляется: «Влип ты, парень. Теперь наш, никуда не денешься».

— Вот, значит, как, — наконец произнес Алекс. — Круги и звенья... А на кой черт?

— У природы не спрашивают, — пожала плечами Вика. — Как она задумала, так и будет, хотим мы этого или нет. Может, все наши предки жили и умирали ради того, чтобы мы объединились в Круг.

— Ага, сейчас! Еще скажи — мир перевернулся бы, если бы ты не подошла ко мне на бульваре. Слушай, Вика, а вы что, специально за мной охотились?

— Видишь ли... Нас уже было четверо. Поначалу казалось, что этого достаточно, но Круг никак не хотел замыкаться. Оставалось ощущение неполноты. Тогда Берт вычислил, что наш Круг — квинтет. И я отправилась на поиски пятого.

— Почему ты?

— В каждом Круге есть кто-то, у кого система «свой-чужой» работает лучше, чем у остальных. В нашем такое звено — я.

— Ну, хорошо, ты меня нашла. А для чего тогда я лепил ту морду? — Алекс кивнул на монитор.

— Это не морда, — сухо ответил ему Берт. — Абстрактная симметричная фигура. Могла быть другая — есть разные варианты. Найти-то тебя Вика нашла, но нам было важно знать, насколько хорошо ты вписываешься в Круг. Тест придумал один из наших. Он открыл структуры, которые мы, повинаясь интуиции, заполняем правильно. Ну, или почти правильно. Если подсунуть эти же сетки обычным людям, цельной картинкой при наложении не получится — она развалится на фрагменты.

— Ладно, сетки, морды, люди нового поколения — это все ваши заморочки. Играйтесь, если хотите, а я пас.

— Пас? — растерянно переспросил Костик и оглядел друзей, словно ища у них поддержки. — То есть... как это?

— А вот так! Мне сейчас не до ваших кругов и квадратов с треугольниками. Дела обстоят хреново и с каждым часом становятся все хреннее. Вика пообещала помочь, но пока не врубаюсь — чем. Я что, стал суперменом, и теперь мне все проблемы по барабану?

— Не горячись, — неожиданно жестко произнес Берт. — Костик прав — ты зря бросаешься такими словами.

Алекс терпеть не мог, когда ему указывали.

— Вон как заговорил, компьютерный бог! — повысил он голос. — Да плевать я на всех вас хотел! Сейчас развернусь и уйду.

— Не уйдешь. Пойми, Алекс, ты в передрыге, и без нас тебе не выкарабкаться. Мы не супермены, решать проблемы кулаками и акробатическими трюками не умеем. Но от проблем можно сбежать.

— Сбежать? Куда же это? За границу, что ли?

— В будущее.

Поляна выглядела живописно, хотя ее портили чернеющие тут и там проплешины — их оставили любители шашлыков. Но сейчас, посреди рабочего дня, разводить здесь костры было некому. Это местечко на краю лесопарка «Сосновая роща» предложил Берт. Мол, поляна полвека не менялась (есть свидетельства), и еще полвека, как минимум, будет выглядеть так же. Идеальная площадка, где можно нырнуть в водоворот времени и вынырнуть через десятки лет! Пока они гуськом шли по узкой тропинке через рощу, Алекс держался нормально, но сейчас ощутил, как у него противно дрожат поджилки.

«Слабак! — мысленно ругнул он себя. — А ну, подбери сопли!»

Тоня казалась углубленной в себя, Вика разглядывала усыпавшие поляну белые и синие цветы, Костик хмуро смотрел по сторонам, лицо Берта выражало нетерпение.

— Разъясните-ка мне все капитально, а то я что-то до конца не въезжаю, — попросил Алекс.

Разъяснить взялся Берт.

— В теории это выглядит так. С точки зрения физики, мы живем в пространственно-временном континууме. Не спрашивай, что он из себя представляет, просто поверь на слово. Мы заключены в нем, как мухи в куске янтаря. Только, в отличие от мух, не заморожены намертво, а очень медленно, почти незаметно, движемся из настоящего в будущее. Одному человеку ускорить этот процесс невозможно, но вполне под силу большому Кругу — хотя бы такому, как наш. Он генерирует поле, которое в момент наивысшего напряжения способно прорвать ткань пространства-времени. За счет этого разрыва можно переместиться на несколько десятков лет в будущее. Только в будущее. Без возврата.

— Слушайте, а чего вам сейчас не живется? — озадаченно потер переносицу Алекс. — Можно подумать, будущее медом намазано!

— Но это же очень просто, — вступила в разговор Вика. — Представь, хотя бы в порядке бреда, что ты отрастил себе вторую голову.

— На хрена?

— Чтобы стать в два раза умнее! Так вот, жизни у тебя с той поры не будет. Все тычут пальцем, называют уродом, журналисты выются вокруг, как назойливые мухи, ученые ставят на тебе опыт за опытом... Между тем ты высчитал, что лет через тридцать-сорок двухголовость станет нормой. И мир полностью изменится. Заправлять в нем будут новые люди — такие же сверхразумные, как ты. Поэтому он станет мудрее, цивилизованнее, гуманнее. Исчезнут нищета, невежество и злоба, войны прекратятся, оружие останется только в музеях. Словом — прекрасное далеко! Разве ты не хотел бы туда попасть?

— Красиво расписываешь, — хмыкнул Алекс, — только ничего не выйдет. Если все Круги рванут в будущее, некому будет его строить. Все равно, что забыть посеять хлеб, а потом прийти его жать.

— Все не рванут, — покачала головой Вика. — Видишь ли, перенестись во времени может только Круг с очень высокой совместимостью звеньев. Такая, как у нас, за девяносто процентов, бывает редко, обычно тесты показывают семьдесят-восемьдесят. В общем, нам сказочно повезло.

— Ну-ну. Значит, создавать это твое прекрасное далеко будут Круги из трех-четырех звеньев, а еще те, кому несказанно повезло. Только я что-то не вижу, с какой стати это у них получится.

— Все расчеты показывают, что должно получиться. Понимаешь, обычные люди... у них нет тех качеств, какими обладаем мы.

— Понимаю, чего тут не понять. Все кругом, значит, злые идиоты, а вы — святые в белых одеждах, и потому построите рай. Ну ладно, считайте, что я поверил. Хотя... Да посмотрите вы на себя!

Вика прикусила губу. Берт смотрел на Алекса с откровенной враждебностью, Костик — испуганно. Самым неприятным был взгляд Тони — брезгливо-высокомерный, как у прирожденной леди, которой внезапно нахамил лакей. И Алекса это взбесило.

— Что, все-таки считаете себя святыми, а меня — замаранным с ног до головы? Наверное, рады бы послать куда подальше, да никак не обойтись?

— Алекс, ну, зачем ты так... — начала Вика.

— Молчи! — грубо оборвал он ее. — Теперь буду говорить я. Так вот, без меня все вы — нули без палочек. Недоделанный Круг. Можете считать себя супер-пупер крутыми, но вчетвером никуда не уедете. А замены мне нет, верно? Если бы была, давно бы подыскали такого же, как сами, — чистенького и правильного. Ну, на нет и суда нет. А раз так, объявляю себя главным звеном. Вас, конечно, больше, но вы же меня не грохнете — это все равно, что собаке отгрызть собственную лапу.

— Что значит... главным? — голос Берта впервые дрогнул.

— То и значит. Недоделанный Круг в будущем никому не нужен, так ведь? Значит, будем жить впятером. А чтобы не перелаяться, должен быть кто-то один, кого остальные слушаются. Из вас никто не подходит. Слабаки.

— А ты? — Тоня смотрела на него все так же презрительно-высокомерно.

— Только я и подхожу. Меня жизнь так покрутила — ни одному из вас не снилось. И подчиняться я никому не собираюсь, скорее сдохну. Но сдыхать мне еще рановато, так что подчиняться придется вам. Во всех смыслах.

Лицо Костика страдальчески сморщилось. На нем было написано: «Ну вот, я так и знал, что этот уголовник всем нам сделает козью морду!»

Наступило молчание. Слышались только щебет птиц да громкое сопение Костика.

— Ну, чего притихли? — Глядя на постные лица всей компании, Алекс развеселился. — Ладно, не пугайтесь, на самом деле я добрый, белый и пушистый. Только не люблю, когда встают в позу и начинают гнилой базар. Мы же теперь одна семья, вот и договоримся по-семейному. Главное, слушайте меня — и будет вам счастье. Или вы уже передумали отчаливать?

— Нет, — одновременно ответили Вика и Берт.

— Замечательно. Тогда поехали! Как это у вас делается?

— Мы должны встать в круг и взяться за руки, — с каменным лицом объяснил Берт. — Затем появится воронка. И, в конце концов...

— Что еще за воронка? — перебил его Алекс.

— Это невозможно объяснить — надо видеть и чувствовать. Мы вкладываем в нее свою энергию, а она все сильнее искажает континуум, пока не прокалывает его. И в конце концов происходит перемещение.

— Ладно, разберемся. Все готовы? Тогда давайте руки. Ну?! Немного поколебавшись, они послушались. И Круг замкнулся...

В следующую секунду Алекса будто ударило током. Взвыв, он шарахнулся назад и попытался отдернуть руки, чтобы выпасть из Круга. Но не смог — пальцы не разжимались, словно их свело судорогой.

Мгновение спустя свет померк. Все вокруг заполнила унылая серая муть, в которой смутно вырисовывались продолговатые темные фигуры. Из-за полной неподвижности и смазанности очертаний они больше напоминали кегли, чем людей. Затем вверху, соединяя макушки «кеглей», вспыхнуло узкое кольцо, состоящее из язычков холодного голубого пламени. Язычки непрерывно удлинялись, и вскоре кольцо разрослось в трепещущую корону. Потом зубцы короны наклонились внутрь и изогнулись, образуя воронку. Видимо, ту самую, о которой говорил Берт.

В горловине воронки возникло облачко ярких белых искорок. Оно закрутилось вокруг своей оси и, непрерывно уплотняясь, превратилось сначала в веретено, а затем — в ослепительную иглу. Раздался тонкий, на пределе слышимости, свист, от которого все тело Алекса пронзила мелкая дрожь.

После этого случилось невероятное. Алекс ощутил, как в него, заставив потесниться собственное «я», влились чужие сущности. И ему открылась истина.

Каждый в этом удивительном сообществе играл свою роль. Берт был мозгом Круга, холодным и почти всемогущим, способным решать сложнейшие задачи. Костик выполнял менее заметную, но тоже полезную функцию. Он постоянно во всем сомневался, заставляя того же Берта убавить самомнение и относиться к своим успехам более критически. Вика несла в себе эмоциональное начало, отыскивала других «новых людей» и благодаря врожденной эмпатии налаживала с ними контакты. Что же касается Тони... Поразительно — она-то и была главной в Круге! Немного-словная, сдержанная — и в то же время умеющая каким-то незримым воздействием удерживать все звенья в одной связке.

А затем Алекс понял собственное предназначение. И в первый момент не поверил — настолько жалкой и смехотворной оказалась его роль.

Он был всего-навсего «батарейкой» Круга. Чтобы совершить прыжок во времени, нужна биоэнергия. Много биоэнергии. Не той, которую сосали придуманные машины в «Матрице», но вполне реальной, физически обоснованной. Отнимать ее у действительно значимых звеньев было нецелесообразно. Требовалось еще одно звено — добавочное, ни на что другое не годное, кроме как служить источником питания. Звено, которое можно выжать досуха, а затем, уже на месте, отбросить, как отработавшую свое ступень ракеты. Потому что на самом деле этот Круг — никакой

не квинтет. Он — квартет, нашедший, наконец-то, дурачка с подходящей совместимостью, чтобы на его горбу въехать в рай. Что станет с дурачком потом, никому не интересно — пусть выживает, как умеет. А сумеет ли — большой вопрос: в мире, где заправляют Круги, одиночке не позавидуешь...

Только сейчас Алекс в полной мере осознал, как жестоко, чудовищно его обманули. Прозрение походило на обжигающий удар хлыста.

«Гады! — взорвалось в мозгу. — Гады, гады, гады!»

Он им страшно отомстит. Никто из мерзавцев не уйдет от расплаты — будут знать, с кем связались. Но это потом. А сейчас — разорвать Круг! Разорвать Круг! Разорвать Круг...

Алекс дергался, извивался, как червяк, но Круг держал свою «батарею» мертвой хваткой. Он многое умел, этот гениальный новорожденный.

На подавление бунта ушла какая-нибудь пара минут. Мятежное звено, сломленное в ментальной схватке, уже не пыталось вырваться из замкнутой цепи. И вся пятерка, скользнув сквозь прокол в пространстве-времени, отправилась в прекрасное далеко... □

Наследие Франсиско Гойи огромно. Он писал королей и их приближенных, простых испанцев и их жен, гордых красавиц и уродов. Теофиль Готье когда-то сказал: «Время показало: он создал настоящий исторический портрет своей родины». Гойя писал свою страну Испанию такой, какой ее видел, и тогда, когда ей

Франсиско Гойя

«Расстрел повстанцев...»

Расстрел повстанцев, 1814

было хорошо, и тогда, когда она страдала, истекая кровью. Но эта картина стала не только «испанской» — она давно вышла за национальные рамки и приобрела широкое, мировое значение. Все, что пришлось пережить человечеству уже после смерти великого художника, только придало ей глубину и, к сожалению, непреходящую актуальность. Ведь и сегодня, спустя более 200 лет после ее создания, люди все так же убивают себе подобных, все так же те, кто наделен властью, уверены, что имеют право отбирать у человека самое святое — жизнь, и все так же безжалостно работает машина смерти, лишая жизни тех, кто жаждет свободы и справедливости.

В начале XIX века в Испании жить было непросто. Назревал острейший политический кризис. Высшее общество требовало ужесточения законов и даже возрождения инквизиции, а быстро растущий средний класс с восторгом впитывал идеи свободы и равенства, провозглашенные Французской революцией. Король Карл IV, слабый, нерешительный, подверженный влияниям, был совсем не политик. Дабы уйти от ответственности за страну и свой народ, он всю власть фактически передал жене королеве Марии Луизе и ее фавориту Мануэлю Годою. В результате Испания оказалась совершенно разорена. В 1808 году Карл и вовсе отрекся от престола, передав корону своему сыну Фердинанду. Этой ситуацией воспользовался Наполеон и ввел войска в Испанию. Конечно же, и эта страна должна принять французский порядок! Однако на самом деле французы принесли с собой в Испанию не

порядок, а разбой, разрушения и смерть.

23 марта 1808 года французы подошли к Мадриду. Перед этим Наполеон заманил Карла и Фердинанда во Францию — якобы на переговоры, а потом коварно арестовал обоих — они оказались в заключении в Байонне. Утром 2 мая мадридцы узнали, что командующий французскими войсками Иоахим Мюрат собирается вывезти из страны еще и дочь и младшего сына Карла IV. Это уже было чересчур! Вооружившись, чем придется, жители Мадрида собрались на площади перед дворцом. И тут появились вооруженные кавалеристы Мюрата. Это были опытные воины, прошедшие уже не одну кампанию. К 2 часам дня все было кончено — восстание после нескольких часов отчаянных уличных боев было безжалостно подавлено. Французы потеряли 30 человек, зато взяли в плен несколько сотен мадридцев. А Мюрат

Восстание 2 мая 1808 года в Мадриде

выпустил приказ, в котором были такие строки: «Жители Мадрида, давшие увлечь себя на ложный путь, предались мятежу и убийствам. Была пролита французская кровь. Это требует возмездия. Все, арестованные при бунте с оружием в руках, будут расстреляны». Многие ремесленники Мадрида носили с собой рабочие ножи, и теперь они, эти ножи, стали страшной уликой — даже те, кто не участвовал в восстании, попали под страшный молот смерти. Их вместе с действительными участниками восстания арестовывали, а потом, под покровом ночи, убивали. Расстрелы шли, в основном, на месте свалки, около

холма Принсип-Пио — французы привозили арестованных группами, примерно по 15 человек, а потом методично расстреливали свои жертвы. В ту ночь лишились жизни более 600 мадридцев. Но их гибель была не напрасна — после жестокого подавления мадридского восстания и воцарения в Испании брата Наполеона Жозефа весь народ Испании поднялся на борьбу с ненавистными французами. 2 мая стало началом гверильи, партизанской войны испанцев, в конце концов, одолевших «непобедимую» армию Наполеона...

Существует легенда, что Гойя был свидетелем расстрела 3 мая.

Справа:
*Шабаш ведьм,
1798*

*Сбор
винограда,
1786*

*Портрет
семьи короля
Карла IV,
около 1800*

Якобы он наблюдал его из своего «Дома Глухого» (в 1792 году художник тяжело заболел, после чего совершенно оглох), а уже под утро пошел туда вместе со своим садовником с фонарем, чтобы запечатлеть тела убитых. Но это все-таки легенда — Гойя тогда еще жил в другом месте, а свою картину написал спустя 6 лет после этих трагических событий. Но он хорошо знал, что творилось в Мадриде в те страшные дни. Ему об этом рассказывали друзья, к примеру, художник Леон Ортега-и-Вилла, раненый во время восстания. По движению губ собеседника художник «слушал» мятежный Мадрид. Тогда от своих возбужденных происходившими событиями гостей он узнал, что власти не разрешили сразу похоронить убитых — боялись волне-

ний. Так, 43 расстрелянных возле Принсип-Пио нашли покой лишь восемь дней спустя — в глубокой тайне их предали земле только благодаря мужеству кюре церкви Сан-Антонио де ла Флорида, купол которой Гойя расписывал еще в 1798 году. Тот же кюре укрыл в храме Хуан-Суарес единственного уцелевшего после расстрела — юноша вовремя сумел притвориться мертвым...

В годы французского нашествия Гойя, по понятным причинам, не мог писать большие картины о том, что происходило в стране. Поэтому он создавал серию гравюр, которую назвал «Дезастрес», «Бедствия», и там, на этих страшных листах, уже были безликие убийцы и трупы их жертв, голод, смерть, — все, что несет с собой людям война.

Так рождался замысел и композиция «Расстрела 2 мая...».

В 1813 году французы были изгнаны из Испании. До возвращения короля Испанией правил Регентский совет, главу которого Гойя знал много лет. Ему он и сделал предложение, где выразил «горячее желание увековечить на холсте значительные и героические действия и сцены знаменитого восстания против тирана». Его предложение было принято, и Гойя получил от Совета аванс — 150 000 реалов. Он задумал запечатлеть на холсте эти два трагических дня — 2 и 3 мая 1808 года. Его картины так и будут называться — «Восстание 2 мая 1808 года в Мадриде» и «Расстрел повстанцев». Это будет его дань героизму мадридцев, его прославление тех, кто погиб за свободу, за

независимость любимой Испании. Гойя работал быстро и вдохновенно, первый слой краски еще не успевал просохнуть, как он уже накладывал второй.

И вот на холсте — схватка испанцев с мюратовскими солдатами на Пуэрта-дель-Соль. Мы видим, как французы пытаются вывезти из королевского дворца младшего сына Карла инфанта Франсиско де Паула, и словно ощущаем энергию и силу практически невооруженных испанцев, напряженность боя и смерть, которая совсем рядом...

Но подлинным шедевром стала вторая картина, посвященная расстрелу испанских мятежников мюратовскими солдатами в ночь со 2 на 3 мая 1808 г. В желтом свете фонаря стоит группа повстанцев. Именно на них нацелены ружья французских

Справа:
Маха одетая,
1797–1798

Метель,
1786

солдат. Кто-то уже убит, и вот-вот раздастся новый залп. У палачей нет лиц. Они написаны художником как единое целое, как машина смерти, темная сила, символ безжалостной, беспощадной власти. А вот и сами повстанцы. Каждый из них — личность. В центре полотна — человек в белой рубашке, в глазах его — боль и отчаяние ... Он что-то кричит своим убийцам, и слова его — сильнее их ружей, потому что за ним — весь его народ, за ним — правда. А на переднем плане — уже убитый повстанец, с распростертыми в стороны руками. Рядом с главным героем священник, взывающий к Богу, но Тот его не слышит...

Среди героев 2-3 мая 1808 года были самые разные люди — ювелиры, шорники, рабочие, садовники, и

даже один секретарь суда. Был среди казненных ночью 3 мая и священник. Его звали Франсиско Галлего-Давилла, и именно его изобразил Гойя на своей картине — чтобы мадридцы не забывали, что в восстании принимали участие и многие монахи.

Картины были выполнены к торжественной эксгумации останков жертв на холме Пасео-дель-Прадо. Собравшиеся оплакивали своих отцов и братьев, погибших в те трагические дни, но картины Гойи не участвовали в скорбной церемонии, власти не пустили их к людям. Они остались в запасниках Академии Сан-Фернандо, а потом музея Прадо — вплоть до середины XIX века висели в темном коридоре, недоступные тем, для кого были написаны. Королю картины его придвор-

ного художника показались слишком откровенными, слишком яркими. К тому же, от Гойи ждали композиции на тему героизма великих полководцев и их благородных воинов, а он страстно проклинал ужасы войны и прославлял простых, не обладающих никакими титулами испанцев, которые, в конечном итоге, и обеспечили победу своей страны в борьбе с таким грозным противником, как Наполеон. Неудивительно, что королю эти картины не понравились — уж слишком они были непривычны, слишком демократичны, слишком отличались от царившего тогда стиля. И их спрятали. Народ, которому посвятил свои шедевры Гойя, так их и не увидел. Гойе не заплатили оставшуюся сумму гонорара, и он, глухой, неугодный, спрятавшись в своем «Доме Глухого», продолжил создавать страшные «Диспаратес», «Безумства», гравюры, на которых — ужас и безумие окружающего его мира. Таким он теперь его видел...

(Опасаясь гонений со стороны нового правительства, Гойя в 1824 году покинул Мадрид и уехал во Францию. Казалось бы, все было хорошо, но через два года он затосковал. Один из его друзей писал: «Гойе засело в голову, что у него много дел в Мадриде. Если бы мы его не отпустили, то он сел бы на мула и пустился бы в путь один»... Но в Мадриде его никто особенно не ждал, и вскоре он вернулся в Бордо. Великий испанский художник умер в ночь с 15 на 16 апреля 1828 года, через семнадцать дней после своего 82-летия.)

В 1819 году открылся для всеобщего посещения музей Прадо, и его настоящим хозяином стал Веласкес, признанный тогда главным художником Испании. А о Гойе почти забыли.

Шли годы, времена менялись, в искусстве рождались новые направления. И вот однажды Прадо посетил молодой француз Эдуард Мане, один из основателей импрес-

сионизма. «Расстрел 2 мая...» уже можно было тогда увидеть. Мане был потрясен выразительностью картины, мастерством ее создателя. Через два года он напишет свой «Расстрел» — «Казнь императора Максимилиана». 19 июня 1867 года французы узнали, что в Мексике местные повстанцы убили герцога Максимилиана и его приближенных. Максимилиан был назначен правителем Мексики Наполеоном III, а потому Мане, считая именно его настоящим виновником смерти герцога, изобразил на картине палачей во французской военной форме. Неудивительно, что власти поняли идею Мане, и его картина, как когда-то и картина Гойи, была запрещена.

Прошло еще несколько десятков лет, и на землю Испании вновь пришла война — гражданская. В 1936 году, во время бомбардировки Мадрида республиканское правитель-

ство решило эвакуировать фонды Прадо. Грузовик, везший картины Гойи, попал в аварию, и «Восстание 2 мая 1808 года...» сильно повредилось. На холсте остались порезы, а некоторые части полотна вообще потерялись. Позже картина была отреставрирована, но мастера решили оставить часть повреждений у левого края и таким образом напоминать зрителям об ужасах гражданской войны. (Лишь во время повторной реставрации 2008 года картина была полностью восстановлена.)

На протяжении всего XX века творение Гойи вдохновляло художников на создание своих картин, — трагедий в нашем мире происходит немало. В 1937 году Пикассо пишет «Гернику», и на его холсте возникают образы, навеянные великим испанцем — и лампа-фонарь, и человек с поднятыми, как у героя Гойи, руками. Позже появилось полотно о

Слева:

*Дом
умалишенных,
1812–1814*

*Продавец
посуды,
1779*

войне в Корее, и опять художник использовал образы своего гениального соплеменника.

Наша современница Марсия Анненберг создала картину о гибели варшавского гетто во время Второй мировой войны, а Роберт Балло — о событиях в Северной Ирландии, он так и назвал ее — «3 мая 1970 года»; Рой Келн — картину, посвященную подавлению волнений на пекинской площади Тяньаньмэнь в 1989 году, а Питер Хаусен — войне в Боснии в 1991 году.

Жизнь полотна Гойи продолжается, и рожденные им гениальные образы по-прежнему заставляют нас размышлять, о том, что происходит вокруг, и любить жизнь,

свободу, красоту, а еще — ненавидеть насилие и бороться с властью, порождающей несправедливость и смерть.

Испанцы каждый год отмечают 2 мая. На месте казарм, куда отвозили арестованных повстанцев, сейчас площадь, которая так и называется — Площадь 2 мая, а прилегающие кварталы называются Маласанья, в честь юной Мануэлы Маласаньи, погибшей в ночь со 2 на 3 мая 1808 года. В столице Испании установлены несколько монументов в память о героях восстания. И очень хочется думать, что память о том, что произошло более 200 лет назад, помогает им делать свою страну счастливее. □

Майя Орлова

Ее называли иногда «последней принцессой Голливуда». Она и выглядела, как сказочная принцесса: некоторые мужчины, впервые увидев ее, восклицали:
— Таких не бывает!

ЭЛЬФ

с глазами

Как девушка, считающая себя гадким утенком и всю жизнь стесняющаяся собственной худобы, стала столь популярна и любима зрителем? Потому ли, что слишком выделялась на фоне знойных красоток Голливуда того времени — Риты Хейворт, Грейс Келли, Мэрилин Монро? А может, благодаря своей стройной фигуре с талией в 50 сантиметров и кошачьей поступи? Или все дело в ее непосредственности и искренности, которая пробуждала в мужчине не столько сексуальное влечение, сколько чувства благородных рыцарей?

Хрупкая и загадочная, она снялась в 31 фильме, и все ее роли были запоминающимися. Но мало кто знает, что звезда Голливуда Одри Хепберн выкуривала по три пачки сигарет в день и до самой своей смерти держала данное себе обещание никогда не весить больше 47 кг. А счастливую любовь великая актриса встретила, только разменяв шестой десяток.

олёнёнка

Мать Одри, баронесса Элла ван Хеемстра, происходила из старинной голландской семьи, возводившей свой род к началу XVI века и включавшей в себя длинную череду аристократов — землевладельцев, армейских офицеров в высоких чинах, государственных слу-

жащих и придворных. Но в баронессе Элле текла смесь множества кровей — голландской, французской, венгерской. А замуж она вышла за ирландца сомнительного происхождения — Джозефа Виктора Энтони Хепберн-Растана. В нем тоже подозревали смесь

разных кровей, в том числе азиатских.

Так что неповторимый, необыкновенный облик их дочери, родившейся в мае 1929 года в Брюсселе, где обосновались ее родители, сформировался под воздействием этого весьма своеобразного «коктейля» и... лишений военных лет, превративших вполне нормальную девочку в хрупкого эльфа с бесповоротно испорченным пищеварением.

Характеры супругов были несовместимы, они часто ссорились. В результате в 1935 году Хепберн-Растон бросил жену с дочерью, после того как Элла застала мужа в постели с няней, присматривавшей за Одри.

Но еще до этого родители Одри были вовлечены в политику. В начале тридцатых годов они стали поддерживать нацистов, выступали против еврейского доминирования в банковском деле и торговле, посещали различные нацистские собрания в Германии. Джозеф не числился в списках партии и не ставил своей фамилии под манифестами, Элла же была включена в список активных сторонников Британского союза фашистов, написала несколько статей в их издание «Черная рубашка».

Однако после того как немцы оккупировали Голландию, Элла отреклась от своих взглядов и стала активной участницей движения Сопротивления. Джозеф же продолжал сотрудничество с немцами на посту директора европейской пресс-службы в Лондоне, занимавшейся

нацистской пропагандой в Англии и сбором секретной информации для рейха. На основании «Постановления 18-B» он был арестован в 1940 году и пробыл в заключении до апреля 1945 года. Тем не менее, ему жилось легче, чем жене и дочери в оккупированной немцами Голландии — он, по крайней мере, не голодал и не боялся внезапных облав. Одри даже пришлось всеми правдами и неправдами доставать себе фальшивые документы на имя Эдды ван Хеемстра, поскольку «английское» имя считалось неблагонадежным и опасным. Данная выдумка оказалась удачной, и многие считали, что именно это имя (Эдда ван Хеемстра) и есть настоящее имя Одри Хепберн. (Хотя существует подлинная метрика Одри Кэтлин Растон.)

После высадки союзников положение населения на оккупированных немцами территориях ухудшилось. Зимой 1944-го наблюдался острый недостаток продовольствия: в истории Голландии этот период называется «голодная зима». Никаких карточек на продовольствие и пунктов его распределения не было, топливо можно было достать лишь за большие деньги на черном рынке. Без тепла и пищи жители Нидерландов голодали, некоторые замерзали прямо на улицах.

Городок Арнем, где жили Одри с матерью, опустел во время бомбардировок союзников. Дядя и двоюродный брат матери Одри были расстреляны за участие в движении Сопротивления, сама Элла чудом из-

бежала ареста. А у будущей «принцессы Голливуда» из-за вечного недоедания возник ряд проблем со здоровьем. Она лежала в кровати и читала, пытаясь забыть про голод.

Впрочем, сама она не считала эти времена такими уж плохими, и была в состоянии радоваться светлым периодам детства. В 1992 году Хепберн говорила в интервью:

«Пока у ребенка есть определенный минимум, он совершенно счастлив. Я помню, что нам бывало очень весело. Мы же не сидели на полу и не плакали пять лет подряд. Конечно, висела тень страха и репрессий, и происходили страшные вещи...»

Например, странный вкус имел хлеб, поскольку в него из-за недостатка муки подмешивались истол-

ченые в порошок луковицы знаменитых голландских тюльпанов. И хотя ей порой «бывало очень весело», депрессия, от которой она страдала в последующие годы, скорее всего, являлась результатом перенесенного голода и страха.

После освобождения Нидерландов в страну начала поступать гуманитарная помощь. Хепберн как-то упоминала, что однажды съела целую банку сгущенки, а потом заболела от одного из блюд гуманитарной помощи, потому что насыпала слишком много сахара в овсянку. После этого она всю жизнь была крайне умеренна в еде и соблюдала строгую диету.

Чтобы получить профессию, надо было учиться, и Одри серьезно увлеклась танцами: брала уроки в Арнемской консерватории, а затем ее заинтересовала и актерская профессия. Хотя в детстве Одри любила рисовать, и некоторые из ее детских рисунков сохранились.

В 1945 году, после окончания войны, Одри закончила арнемскую консерваторию и переехала вместе с матерью в Амстердам, где параллельно с работой медсестры в доме ветеранов брала уроки балета у известного тогда педагога Сони Гаскелл. Соня дала своей способной ученице рекомендательное письмо к прославленному педагогу Мари Рамперт, которая когда-то учила самого Нижинского, и в 1948 году Одри приехала в Лондон.

Мари Рамперт была с новой ученицей абсолютно откровенна. Да, Одри может стать балериной, и наверняка будет иметь успех, но ее рост (примерно 170 см) в сочетании с хроническим недоеданием во время войны не позволят ей стать примой. Девушка прислушалась к мнению педагога и решила посвятить себя драматическому искусству, карьере, в которой у нее хотя бы был шанс преуспеть. Когда Одри стала звездой, Мари Рамберт сказала в интервью:

«Она была чудесной ученицей. Если бы продолжала заниматься балетом, она была бы выдающейся балериной».

Могла бы стать, а могла бы и не стать, всю жизнь танцевать, как го-

ворится в балетном мире «у воды». Одри выбрала сцену — и не прогадала, хотя какое-то время и продолжала работать танцовщицей — ради денег.

Ее актерская карьера началась с учебного фильма «Голландский за семь уроков». Кроме того, она играла в музыкальном театре в таких постановках, как «Высокие ботинки на пуговицах» и «Пикантный соус». Первым же художественным фильмом для нее стал британский фильм «Дикая птичка», в котором она играла девушку-регистратора в отеле. Затем было еще несколько второстепенных и эпизодических ролей, когда ее, наконец, заметили американ-

ские режиссеры и пригласили на главную роль в бродвейской постановке «Жижи». Это было в начале пятидесятих годов.

Бродвей всегда считался «поставщиком звезд» для Голливуда. Хрупкую девушку с необыкновенными глазами заметил режиссер Уильям Уайлер и пригласил ее сняться в роли... принцессы. Одри с детства любила сказки про принцесс и с наслаждением сыграла фактически саму себя в суперсказке «Римские каникулы», героиня которой, принцесса Анна, очаровала всех, без исключения, принесла актрисе «Оскар» за главную роль. Прирожденный аристократизм и внешность женщины-ребенка

К/ф «Завтрак у Тиффани»

придавали свежую прелесть не слишком замысловатому сюжету.

Изначально планировалось поместить имя Грегори Пека, исполнившего роль американского репортера Джо Брэдли, крупными буквами над названием фильма, а внизу приписать имя Одри Хепберн. Но Пек добился, чтобы имя Хепберн было напечатано так же, как и его собственное, поскольку он уже тогда предсказывал, что Одри получит «Оскар» за эту роль. Ходили слухи о романе между нею и Пеком, но оба категорически отрицали подоб-

ные утверждения. Хепберн, однако, добавила:

«Вообще-то надо быть немного влюбленным в своего партнера. Если вы собираетесь изображать любовь, вам надо чувствовать ее. Иначе ничего не получится. Но не обязательно уносить ее за пределы сцены».

В 1953 году после оглушительного успеха в прокате «Римских каникул» Хепберн получила за роль принцессы Анны премии «Оскар», «Золотой глобус» и BAFTA и на долгие десятилетия стала эталоном женской

красоты и элегантности. Женщина, с лицом эльфа и глазами олененка, покорила миллионы зрителей всего мира.

Вторым несомненным успехом актрисы стал фильм «Сабрина», вышедший на экраны в 1954 году. За роль в этом фильме Одри снова была номинирована на «Оскара». Кстати, глубокий четырехугольный вырез на платьях стали называть «Сабрина-декольте», поскольку именно в таком снималась Одри.

Даже если вы не смотрели ни одного фильма с участием Хепберн, при упоминании ее имени перед глазами встает хрупкая фигурка, облаченная в черное платье без рукавов, перчатки до локтя и заключительный штрих — сигарета с мундштуком, который она держала весьма элегантно.

Это — образ из культового фильма «Завтрак у Тифани» (1961 год), где Одри сыграла легкомысленную красавицу, добывающую себе пропитание сомнительными способами. Героиня картины Холи Голайтли в маленьком черном платье от Живанши стала символом очарования и стиля для целого поколения. Именно благодаря таланту Одри эта охотница за миллионерами, словно стрекоза, не думающая о зиме, парящая над обыденностью Нью-Йорка и живущая по собственным правилам, завоевала сердца зрителей. К тому же они с изумлением открывали для себя, что за внешней экстравагантностью и беспечностью кокетки скры-

вались ранимость, страх одиночества и потребность в душевном тепле.

За эту роль Хепберн также номинировалась на «Оскара» — уже в третий раз. Это был своего рода реванш за вышедший на экраны в 1956 году фильм «Война и мир», практически незамеченный критиками и оставивший равнодушной публику. Хотя Одри, игравшая Наташу Ростову, смогла передать всю сложность образа толстовской героини, правильнее было бы назвать фильм «Наташа», тем более, что трактовка классического романа была достаточно своеобразной, а обилие «клюквы» в сценах, изображавших русскую жизнь, само по себе было достойно отдельного приза.

Фильм, кстати, шел в советском прокате и стал одной из основных причин, побудивших Сергея Бондарчука снять советскую киноэпопею.

Возвращаясь к фильму «Завтрак у Тиффани», следует сказать, что роль Холли Голайтли, сыгранную в нем, сама Одри назвала «самой джазовой в своей карьере». Когда ее спросили, в чем заключалась сложность этой роли, она сказала:

«Я — интроверт. Играть девушку-экстраверта оказалось самой сложной вещью, которую я когда-либо делала».

На съемках она носила знаменитое платье, созданное ею в соавторстве с Живанши, и добавила высветленные пряди к своим каштановым волосам. Найденный таким образом

стиль Одри сохранила и вне съемок. Дружбу с Живанши актриса пронесла через всю жизнь, став его постоянной клиенткой. Свои первые духи «L'Interdit» знаменитый кутюрье посвятил именно ей.

К середине 50-х Хепберн стала признанной законодательницей мод. Ее внешность в стиле *gamine* и широко признанное чувство шика имели массу поклонников и подражателей.

Но еще до этого, в 1954 году, Одри вышла замуж за актера Мела Феррера и в 1960 году родила своего первого сына — Шона. Это событие было для нее куда более знаменательным, чем все престижные премии вместе взятые: долгие годы врачи уверяли ее, что она никогда не сможет стать матерью. Чтобы Шон появился на свет, Одри провела в постели семь месяцев, педантично выполняя все медицинские назначения.

Через год на экраны вышел «Завтрак у Тиффани» — наглядное доказательство того, что успешная актерская карьера и материнство вполне совместимы. Но брак с Феррером, увы, распался. В основном потому, что супруг Одри не смог перенести еще одного ее шумного успеха: в 1964 году на экране вышел мюзикл «Моя прекрасная леди», появления которого ждали с нетерпением, достойным «Унесенных ветром».

Хепберн даже записала вокальные партии для роли, но впослед-

ствии профессиональная певица Марни Никсон перепела все ее песни. Говорят, что Одри в гневе покинула съемки после того, как ей рассказали об этом. На следующий день она вернулась с извинениями. Пленки с записью некоторых песен в исполнении Хепберн все еще существуют, они были включены в документальные фильмы и DVD-версию фильма. Но некоторые вокальные номера в исполнении Хепберн все же остались в фильме: это «Just You Wait» и отрывки из «I Could Have Danced All Night». Так что мы и теперь можем наслаждаться не только великолепной игрой, но и чарующим голосом актрисы.

С 1967 года после пятнадцати весьма успешных лет в кинематографе и съемок в фильме «Дождись темноты», принесшем ей очередную номинацию на «Оскар», Хепберн снималась уже только от случая к случаю, и большого успеха не имела.

После развода со своим первым мужем она вышла замуж за итальянского психиатра Андреа Дотти, совершенно не похожего на избалованных и себялюбивых актеров. Андреа был моложе Одри на десять лет. Бракосочетание состоялось в Швейцарии. Невеста была одета в белое короткое приталенное платье с воротником-стойкой, а вместо фаты ее голову украшала модная в те времена косынка. Этот простой и изящный свадебный наряд позже копировали многие невесты. Ведь

знаменитая актриса считалась иконой стиля, которой подражали женщины всего мира.

После свадьбы парочка поселилась в Риме. Несколько лет спустя у них родился сын Люк. Беременность снова протекала тяжело, и опять от Одри потребовалось почти постоянное соблюдение постельного режима.

Но счастливое время взаимопонимания и любви с годами исчезло, популярный психоаналитик все чаще стал изменять жене. Одри, мечтавшая сохранить семью, не замечала постоянных измен сластолюбивого мужа, даже когда о них трубили все газеты, но и ее ангельского терпения хватило на одиннадцать

лет. В итоге — опять развод и печальное признание знаменитой актрисы в одном из интервью, что нельзя быть звездой экрана и надеяться на личное счастье.

Увы, она постепенно переставала быть и звездой. Фильм «Робин и Мэриан», в котором Одри играла вместе с Шоном Коннери, получил в 1976 году очень умеренное признание, далекое от обычных высоких оценок фильмов с ее участием. Цепляться за появление на киноэкране любой ценой Одри не стала, снялась — после долгих уговоров — только еще один раз в фильме Стивена Спилберга «Всегда» в роли ангела. Но этот фильм не имел и десятой доли успеха ее первых «хитовых» ролей. Одри

Хепберн простилась с миром кино.

Тем не менее, в 1999 году она была поставлена Американским институтом киноискусства на третье место в списке величайших актрис американского кино, а многие из партнеров по фильмам остались ее друзьями. Рекс Харрисон назвал

Одри своей любимой партнершей. Кэрри Грант любил баловать ее, и однажды сказал: *«Все, чего я бы хотел в подарок на Рождество, — это сняться еще в одном фильме с Одри Хепберн»*. Дружба с Грегори Пекком продолжалась всю жизнь. После кончины Хепберн Пек вышел на камеру и со слезами в голосе прочитал ее любимое стихотворение «Unending Love» («Вечная Любовь»).

В 1980 году актриса подала на развод. И в том же году начала встречаться с голландцем Робертом Уолдерсом, который недавно овдовел. Они встретились на дружеском ужине и сразу понравились друг другу, смеялись, болтая на голландском языке и вспоминая о детстве в Нидерландах. Потом они увиделись в Нью-Йорке и провели вместе весь день. Одри была печальна, ее развод затянулся, и Роберт успокаивал подругу.

Их крепкая дружба постепенно переросла в любовь. Но жениться они не спешили. «Нет никаких причин, мешающих нашему браку, — объясняла легендарная актриса, — но мы очень счастливы и без него».

Вскоре после последнего появления в кино Хепберн была назначена специальным послом ЮНИСЕФ. Испытывая благодарность за собственное спасение в период нацистской оккупации, она посвятила остаток своих дней судьбам детей, проживающих в беднейших странах мира. Работа Хепберн сильно облегчалась благодаря знанию цело-

го ряда языков. Близкие утверждают, что мысли об умирающих, беспомощных детях преследовали ее всю оставшуюся жизнь. Ее первая миссия была в Эфиопии в 1988 году. Она посетила детский дом с 500 голодающими детьми и добилась, чтобы ЮНИСЕФ выслал им еду. В августе 1988-го Хепберн ездила в Турцию участвовать в кампании по иммунизации. Она назвала Турцию самым ярким примером возможностей ЮНИСЕФ. По возвращении она сказала:

«Армия дала нам грузовики, торговцы рыбой дали вагоны для вакцины, и как только дата была назначена, потребовалось только 10 дней, чтобы привить всю страну. Неплохо».

Затем были Венесуэла, Эквадор, страны Центральной Америки, Судан, Бангладеш, Вьетнам... Одри тратила много сил, работая в ЮНИСЕФ. Отрицательные последствия многочисленных поездок актрисы с каждым днем становились все заметнее, она слабела физически.

Последняя ее поездка — в Сомали и Кению — состоялась за четыре месяца до смерти, в сентябре 1992 года. Во время поездки у актрисы начались боли в животе. Африканские врачи не смогли поставить диагноз, так как в их распоряжении не было соответствующего оборудования. Однако они предположили, что проблемы со здоровьем могут быть серьезными, и предложили прервать поездку, но Хепберн отказалась.

В начале 1992 года президент США наградил ее президентской медалью Свободы в знак признания ее работы в рамках ЮНИСЕФ, а в середине октября Одри Хепберн вместе с Уолдерсом отправилась в Лос-Анджелес на обследование. Результат оказался неутешителен: опухоль в толстой кишке. Диагноз после операции был обнадеживающим, однако через три недели актрису вновь госпитализировали с острой болью. Опухолевые клетки захватили и соседние ткани. Это говорило о том, что жить актрисе осталось всего несколько месяцев.

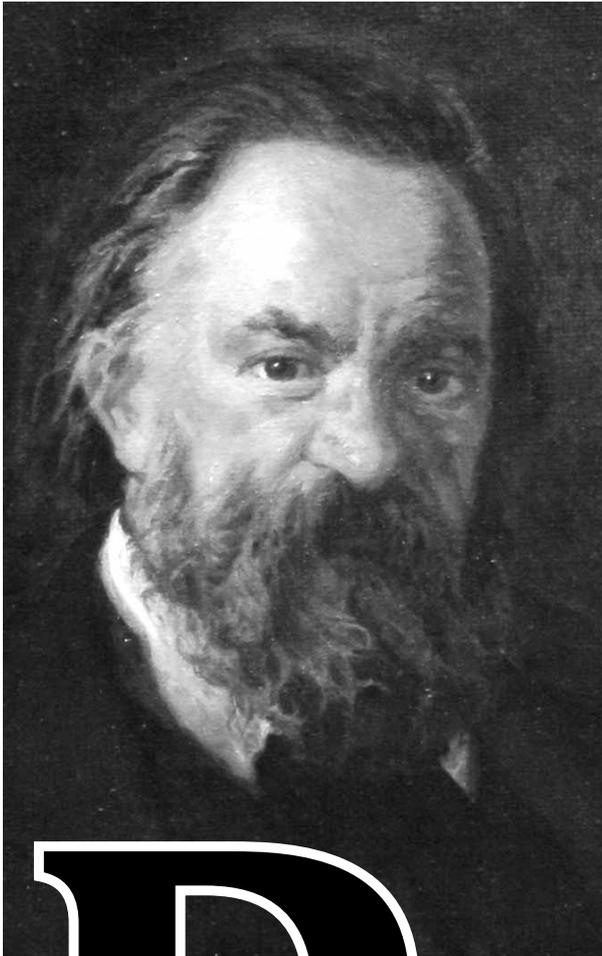
Последнее Рождество она провела с детьми и Уолдерсом. Она назвала это Рождество самым счастливым в ее жизни.

20 января 1993 года легендарная актриса умерла в возрасте 63-х лет.

Американская академия киноискусства наградила Одри Гуманитарной премией им. Жана Хершолта за ее помощь человечеству. Эта премия была присуждена ей посмертно и вручена ее сыну Шону.

P.S. Рецепт красоты от Одри Хепберн:

«Чтобы губы были красивыми, говори добрые слова; чтобы глаза были красивыми, излучай добро; чтобы фигура была стройной, делай еду с голодными, а главное — красота женщины не в одежде, фигуре или прическе. Она — в блеске глаз». □

Евгения Гордиенко

«У тебя ужасно много ума, так много, что я, право, не знаю, зачем его столько одному человеку...»

В. Белинский

нии — матерью его была немка Луиза Гааг, которую Яковлев привез в Россию из Штутгарта. Именно она называла сына «Herz», то есть «сердце», и производную от этого имени Александр сохранил на память о матери.

ВЕЛИКИЙ

...Внебрачный сын богатого русского барина Ивана Алексеевича Яковлева Саша, еще будучи ребенком, прекрасно понимал, что хоть его в семье любят и балуют, но все же не забывают о его происхожде-

Отец не чаял души в сыне, но обладал весьма своеобразным характером: не любил ни общества, ни выездов, ни компаний, ни новостей. Зато любил брюзжать, сидя в старом кресле, и указывать всем домочадцам, как им должно поступать. Все в доме происходило исключительно с позволения Ивана Алексеевича, и никак иначе.

Богатство позволяло семье жить на широкую ногу, и маленький Саша

ни в чем не знал отказа. До определенного момента он был невероятно избалованным ребенком, и только мать периодически пыталась призвать сына к порядку — сказывалась ее немецкая педантичность, зачастую шедшая вразрез с широтой русской души.

Как-то Саша так надоел матери своей детской шумной возней, что она строго остановила его. Для него это было так удивительно (прежде никто не прерывал его игр!), что ребенок вскрикнул: «Прощайте, умираю!» — бросился на пол, сложил руки крестом, закрыл глаза и долго оставался неподвижным, как ни уговаривали его подняться. «Я умер», — повторял он и дрыгал ногами при малейшем прикосновении.

между маленьким Сашей и рекрутом, которому вот-вот надо было идти в солдаты.

Увидев, что рекрут плачет, Саша спросил:

— Ведь ты не хочешь идти в солдаты?

— Не хочу...

— Как же тебя посылают, если ты не хочешь?!

Вся будущая философия Герцена выразилась в этом возмущенном вопросе.

Уже став постарше, он понял, что вседозволенность его жизни — следствие лишь характера отца-самодура, которому вздумалось разрешать ребенку делать все, что угодно... Однако и это разрешение имело свои границы. Так, отец воспротивился

ПУБЛИЦИСТ

Это сработало и стало любимым методом Саши. Но однажды, когда он растянулся на полу, Луиза Ивановна закричала: «Подите сюда кто-нибудь! Саша умер: вынесите его и похороните...» Ребенок в одно мгновение вскочил на ноги: «Как, меня хоронить? Нет! Я умер, но пойду». С этими словами он исчез в соседней комнате и больше умереть не собирался.

Ему было позволено решительно все, и показательным будет диалог

тому, чтобы Саша ехал учиться в университет. Но, поразмыслив и устроив сыну показательный скандал, в конце концов, все же согласился.

Герцен рвался в университет. Родительский дом стал ему тесен, ему необходимо было общество таких же, как он, юных вольнодумцев, с которыми он мог бы обсуждать идеи, уже появившиеся в его голове. Вместе с товарищем Огаревым Саша легко выдержал вступительные экзамены.

Сам он позже вспоминал: «Началась университетская жизнь. Жизнь эта оставила у нас память одного продолжительного пира идей, пира науки и мечтаний, непрерывного, торжественного, иногда бурного, иногда мрачного, разгульного, но никогда порочного».

Стали образовываться кружки. Сначала — Станкевича, потом и самого Герцена. В этих кружках бурлила философская мысль, мысль социальная, что не могло не повлечь за собой естественной реакции того времени — арестов.

и ставили ее под стол таким образом, чтобы из окон нельзя было ее видеть, потом ложились на каменный пол, и начинался пир до позднего вечера; тут, кажется, и засыпали, а ночью — опять пир. И так все семь дней...»

Но университет был окончен, и нужно было возвращаться к прозе жизни — студенческие аресты казались теперь ерундой, начались настоящие, а за ними и ссылка. Арест Герцена следовал за арестом Огарева, который был арестован за знакомство с приятелем Соколов-

Г*ерцен рвался в университет. Родительский дом стал ему тесен, ему необходимо было общество таких же, как он, юных вольнодумцев. И он легко, вместе со своим товарищем Огаревым, выдержал вступительные экзамены*

Первый арест, по воспоминаниям Герцена, прошел весело: *«Как только наступала ночь, Ник и еще четверо товарищей с помощью четвертак и полтинников являлись к нам; у кого в кармане ликер aихquatrefruits, у кого паштет, у кого рябчики, у кого под шинелью бутылка клико. Разумеется, мы встречали с восторгом и друзей, и их съестные знаки дружбы. Свечей зажигать нам, заключенным, не позволялось. Опрокинув стулья, мы делали около них юрту из шинелей, высекали огонь, зажигали принесенную сальную свечу*

ского, Соколовский — за то, что сочинил вольную песню. Песня, разумеется, только предлог. Настоящей причиной были опасения, которые возбуждал кружок своими громкими и страстными речами...

Абсурд происходящего Герцен понимал, но относился к нему отстраненно. Отстраненно уехал из Москвы, приехал в Пермь, потом переехал в Вятку. В ссылке он завел роман с некоей госпожой Р., муж которой вскоре умер, и которая стала иметь на Герцена «виды». Однако он в это время уже вел переписку с Ната-

льей, будущей своей женой, приходившейся ему кузиной.

Поначалу переписка молодых людей носила исключительно дружеский характер, однако вскоре в таком виде она стала тяготить их обоих. Обменявшись признаниями, они поняли, что любят друг друга и должны соединить свои судьбы. Но тому было немало препятствий, и, прежде всего, — родство.

Княгиня, у которой жила Наталья, узнав о переписке воспитанницы с Александром, решила тут же выдать девушку замуж. Наталье

пришлось пережить немало неприятных минут в роли потенциальной «невесты». На ее счастье, женихи, которых ей прочили, оказывались порядочными людьми, и, узнавая о том, что девушка любит другого, благородно исчезали.

К этому времени Герцена перевели из Вятки во Владимир. Рискуюя получить новую ссылку, он вырвался в Москву, к любимой. Они проговорили несколько часов, и Герцен уехал с твердым намерением выкрасть Наталью. При помощи нескольких друзей его план удался — в мае 1838 го-

да состоялась свадьба, о которой Александр сообщил отцу постфактум.

Иван Алексеевич не изменил своим привычкам: ответил обыкновенным письмом, где лишь в конце упоминал о важном событии в жизни сына и сообщал, что содержание его в связи с этим обстоятельством не изменится, так как посоветоваться с отцом сын не пожелал.

Но Герцену было все равно. Главное, что он вместе с любимой, и тяготы практически нищенского проживания во Владимире не пугали ни его, ни его супругу. Так они прожили год, пока отец не сменил гнев на ми-

лость и не стал присылать деньги.

Это был период счастья, который продолжался несколько лет. Но потом все как-то разладилось: Наталья стала впадать в истерики, считая, что не может составить для мужа должного счастья, ревновала — и не без оснований. Герцен же, по детской своей привычке, делал все, что ему казалось необходимым. Позже он просил прощения у жены, она хотела простить — и не могла. На пятом году семейной жизни их брак дал такую глубокую трещину, которой уже не суждено было зарости.

В 1840 году семья перебралась в Петербург: Герцен все-таки был

прощен и даже принят на службу. Однако характер его ничуть не изменился: он по-прежнему далек от государства, в котором жил. И служба тяготила его — было невыносимо каждый день выслушивать просителей, рассказывающих о тяготах своего существования. В результате, не выдержав, он оставил службу и переехал в Новгород — под над-

лай I наложил резолюцию «Не надо», но впоследствии паспорт был Герцену выдан.

Он отправился в Рим, который невероятно нравился ему, как и вся Италия, затем в Париж, который сразу напугал его своей грязью, неустроенностью, бедностью. К тому же надо помнить годы, в которые происходило это путешествие — 1847–1848.

П

ериод счастья у супругов продолжался несколько лет. Но потом все как-то разладилось: Наталья стала впадать в истерики, считая, что не может дать мужу должного счастья, ревновала — и не без основания, а Герцен делал все так, как считал нужным. В результате на пятом году жизни их брак дал глубокую трещину, которой уже не суждено было зарости

зор полиции, поскольку оставался неблагонадежным гражданином.

Но в Новгороде Герцен прожил недолго, в 1842 году, стараниями Огарев он перебрался в Москву. И именно с этого периода отсчитывается начало его литературной деятельности.

Когда умер отец, Александр получил огромное наследство и решил, что ему необходимо путешествовать — и, прежде всего, посмотреть Европу, революционные веяния которой давно занимали его.

Он тогда и не думал об эмиграции, но закончилось все именно ею...

Поначалу на его просьбу о заграничном паспорте император Нико-

Во Франции бушевали революционные волнения, к власти пришел Наполеон III. Через некоторое время Париж пришлось покинуть — Герцен стал подозрителен наполеоновским властям. Этот человек нигде не мог найти общего языка с властью...

Он перебрался в Швейцарию, откуда наблюдал за революционными настроениями в Европе. А на него смотрели как на большое кредитное учреждение — всем было известно, что Герцен богат.

И хотя все, что происходило в Европе, не казалось Герцену образцом для подражания, он решил остаться здесь, чтобы отсюда пытаться вли-

ять на ситуацию в России, насколько это в его силах.

Он с семьей переехал в Ниццу, и здесь началась его личная драма...

За годы, проведенные в «Гнезде близнецов», Наталья родила двоих детей — Ольгу и Владимира. Через два дня после рождения сына она умерла, а Владимир прожил еще

Когда умер отец, Александр получил огромное наследство и решил, что ему необходимо путешествовать — прежде всего, посмотреть Европу, революционные веяния которой давно занимали его. Он тогда не думал об эмиграции, но закончилось все именно ею...

Наталья, уже давно уставшая от брака с Герценом, влюбилась в поэта и революционера Георга Гервега. То, что у Натальи с Александром было уже четверо детей, ее не остановило.

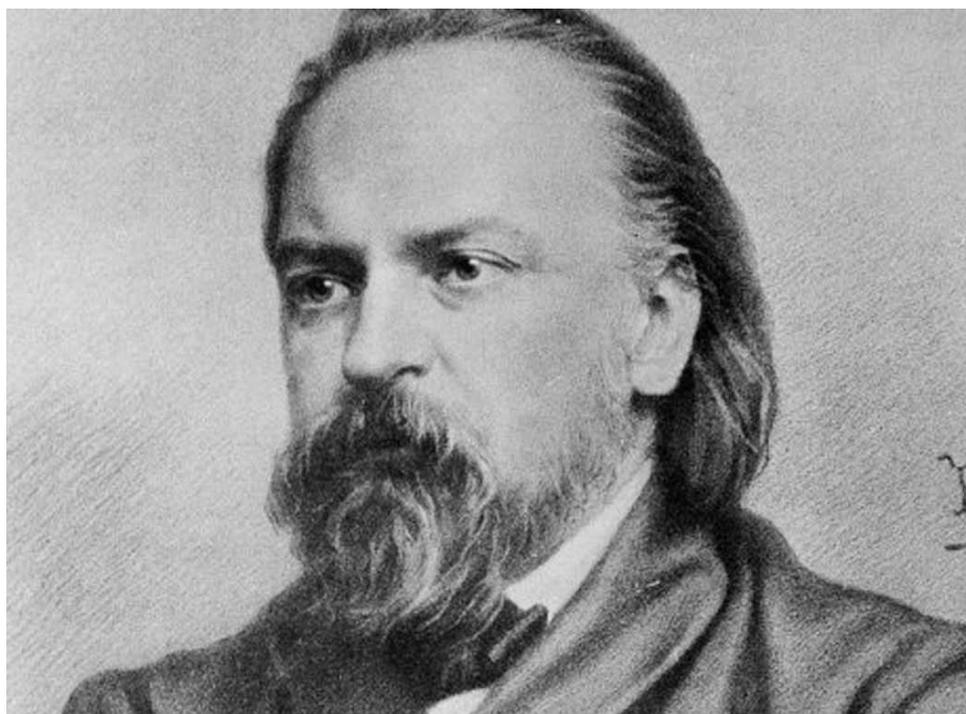
В Ницце Гервег с женой Эммой и Герцены жили в одном доме, который Герцен называл «Гнездом близнецов». Но это совместное сосуществование было совсем не счастливым. Наталья устраивала истерики то мужу, то Гервегу, Герцен требовал отъезда Гервегов, а Георг, в свою очередь, шантажировал Герцена, что покончит с собой или убьет детей...

Все это было, конечно, сказано в порыве страсти, однако реальность оказалась еще более жестокой. 16 ноября 1851 года около Гиерского архипелага в результате столкновения с другим кораблем затонул пароход «Город Грасс», на котором плыли в Ниццу мать Герцена и его глухонемой сын Николай, оба они погибли...

лишь несколько дней и ушел вслед за ней. Но, надо сказать, несмотря на странные отношения ее и Гервега, и Ольга, и Владимир считались детьми Герцена.

После смерти жены Александр Иванович перебрался в Лондон, где основал типографию. Первый номер знаменитого «Колокола» вышел 1 июля 1857 года. Его программа заключала в себе три конкретных положения: 1) освобождение крестьян от помещиков, 2) освобождение слова от цензуры и 3) освобождение податного сословия от побоев.

Набрасывая эту программу, Герцен смотрел на нее как на программу-минимум и, называя себя в знаменитом письме к Александру II «неисправимым социалистом», писал такие строки: «Я стыжусь, как малым мы готовы довольствоваться. Мы хотим вещей, в справедливости которых вы так же мало сомневаетесь,

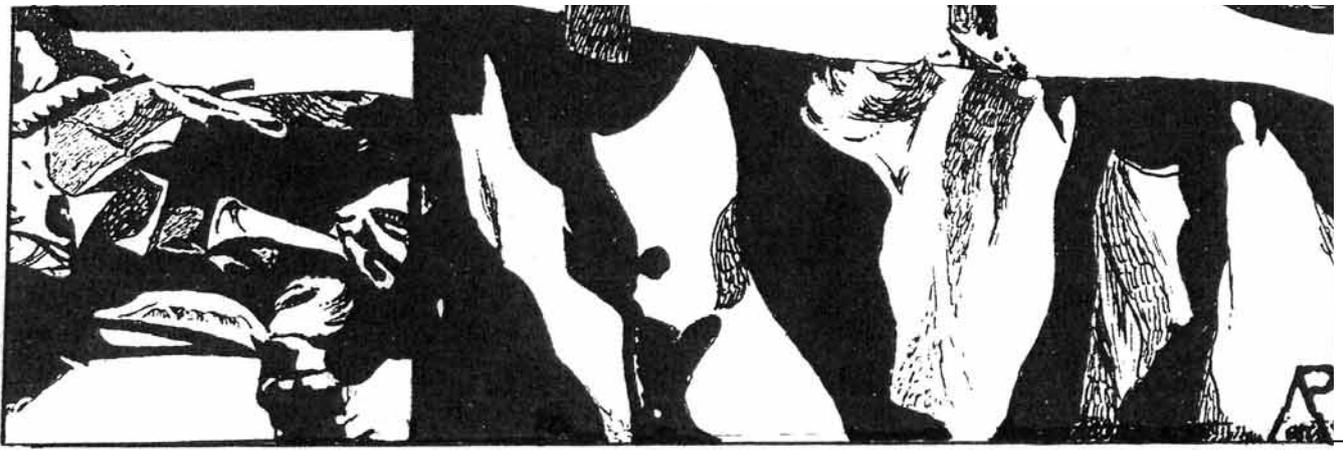
как и все. На первый случай вам и этого довольно».

Каждый выпуск «Колокола», который можно назвать первой русской свободной трибуной, ложился на стол Александра II, каждый раз внимательно изучавшего это издание. Тургенев шутливо писал Герцену: «Вот, брат, в какие районы ты попал».

Но, поставив целью «Колокола» освобождение крестьян, Герцен обрек издание на гибель после достижения той самой цели. После 1861 года «Колокол» стал просто не нужен....

Через несколько лет после смерти жены Герцен стал сожителем с женой Огарева — Натальей Алексеевной Тучковой — она помогала ему заботиться о детях, а вскоре у них родилась и общая дочь. Поступок Герцена по отношению к многолетнему другу Огареву в данном случае, вероятно, лучше просто оставить за скобками.

В 1870 году диабет, давно терзавший Герцена, осложнился воспалением легких, и он скончался. По его просьбе, Герцена похоронили в Ницце рядом с Натальей. Над могилой высится памятник работы скульптора Забелло, изображающий Герцена во весь рост, с лицом, обращенным в сторону горячо любимой им России, куда он так мечтал вернуться. Не получилось. А вот «духовное возвращение» на родину произошло, и сегодня автобиографический роман Герцена «Былое и думы» остается одним из лучших произведений мемуарной литературы. Г. Плеханов считал, что «в истории русской общественной мысли он всегда будет занимать одно из первых мест». А И.С. Тургенев отзывался о Герцене как о писателе: «Язык его, до безумия неправильный, приводит меня в восторг: живое тело...» □

— Послушайте, мистер Цумвальт, вы что-то недоговариваете. Так дело не пойдет! Если вы нанимаете меня, то должны рассказать все без утайки.

Он задумчиво глянул на меня прищуренными голубыми глазами. Затем поднялся, подошел к двери кабинета и распахнул ее. Я увидел за его спиной бухгалтера и стенографистку, сидевших за своими столами. Цумвальт снова закрыл дверь, вернулся к рабочему столу и, перегнувшись через него, заговорил хриплым шепотом:

— Полагаю, вы правы. Но то, что я скажу, нужно держать в строжайшем секрете.

Я кивнул, и он продолжил:

— Около двух месяцев назад один из наших клиентов, Стенли Горэм, передал нам облигации на сумму 100 000 долларов. Он уезжал работать в Азию и полагал, что в его отсутствие облигации достигнут номинальной стоимости. А нам оставил для того, чтобы мы их продали, если его ожидания сбудутся. Облигации лежали в банковском хранилище трастовой компании «Голден Гейт». Вчера я заглянул в депозитную ячейку — они исчезли!

— У кого-то был доступ к ячейке, кроме вас и вашего компаньона?

— Нет.

— Когда вы последний раз видели облигации?

— Они были в ячейке в последнюю субботу перед отъездом Дэна. И банковский служащий, который работает в хранилище, сказал мне, что Дэн заходил в понедельник.

— Хорошо! Теперь давайте посмотрим, все ли я понял правильно. Предполагалось, что ваш компаньон, Дэниел Рэтбоун, двадцать седьмого числа прошлого месяца, в понедельник, поедет в Нью-Йорк для встречи с Р. У. Депью. Вместо этого Рэтбоун пришел с багажом в контору и сообщил, что из-за важных личных дел вынужден отложить поездку, потому что до следующего утра должен оставаться в Сан-Франциско. В чем состоят личные дела — не рассказал. Вы начали протестовать против отсрочки, так как считали, что он должен выполнить нью-йоркские обязательства в срок. У вас с Рэтбоуном в тот период были натянутые отношения — вы уже несколько дней ругались из-за того, что он провернул теневую махинацию. Так что вы...

— Только не поймите меня неправильно! — перебил меня Цумвальт. — Дэн не совершил ничего бесчестного. Просто оказалось, что он ведет одновременно несколько сделок — ну, я и подумал, что этику он принес в жертву барышу.

— Ясно. В общем, из-за того, что он не поехал в Нью-Йорк, возник спор, в итоге вы припомнили друг другу старые обиды и фактически решили как можно скорее прекратить деловое партнерство. Спор завершился в вашем доме на Четырнадцатой авеню. Поскольку было уже поздно, а Рэтбоун выписался из гостиницы еще до того, как передумал ехать в Нью-Йорк, ему пришлось остаться на ночь у вас.

— Правильно, — согласился Цумвальт. — Я проживал в гостинице, потому что миссис Цумвальт была в отъезде, но ради наибольшей конфиденциальности разговора мы с Дэном поехали ко мне домой. Когда закончили выяснять отношения, было слишком поздно, и мы остались там.

— Утром вы с Рэтбоуном отправились в контору и...

— Нет, — поправил он. — В смысле, мы прибыли сюда не вместе. Я приехал сразу, а Дэн еще завершал дела, которые держали его в городе. Он пришел в контору чуть позже полудня и сказал, что уезжает на Восток вечерним поездом. Потом Милдред, это наша стенографистка, попросила Куимби, бухгалтера, забронировать билеты и сдать его багаж, который оставался на ночь здесь, в конторе. Мы с Дэном вместе сходили на ланч, вернулись в контору на несколько минут — ему нужно было подписать корреспонденцию, — а затем он уехал.

— Ясно. После этого вы не получали о нем никаких известий до тех пор, пока дней через десять не пришла телеграмма Депью, желавшего узнать, почему Рэтбоун так с ним и не встретился.

— Правильно. Как только поступила телеграмма Депью, я сразу связался с чикагским братом Дэна — подумал, что Дэн задержался у него. Но Том в

ответ телеграфировал, что брата не видел. После пришли еще две телеграммы от Депью. Я злился на Дэна за то, что он заставляет его ждать, но все же не очень беспокоился. Дэн — не самый ответственный человек, и если бы ему внезапно захотелось остановиться на несколько дней где-то по пути отсюда к Нью-Йорку, он бы так и сделал. Но вчера я узнал, что из банковской ячейки пропали облигации, и выяснил, что Дэн был возле нее за день до отъезда, поэтому решил сделать хоть что-нибудь. Но не хотелось бы, чтобы дело дошло до полиции, если этого можно избежать. Уверен, если я сумею найти Дэна и поговорить с ним, мы сможем как-нибудь без скандала привести все в порядок. У нас бывали разногласия, но, даже при всех его неоднократных выходках, не настолько плохо я к нему отношусь, чтобы желать ему тюрьмы. Так что я хочу найти его как можно скорее и при этом произвести как можно меньше шума.

— В каком банке он держал деньги? Я имею в виду его личный банковский счет.

— В трастовой компании «Голден Гейт».

— Есть его фотографии?

— Да.

Цумвальт достал из ящика стола два снимка: один анфас, другой в три четверти. На них был запечатлен мужчина средних лет, с худым лицом, с пронизательными глазами, расположенными слишком близко друг к другу, и с темными редкими волосами. Даже при всей своей плутоватости лицо было довольно приятным.

— Что насчет его родственников, друзей и так далее, особенно насчет знакомых женщин?

— Из родственников у него только брат в Чикаго. Что касается друзей, то их у Дэна столько же, наверное, сколько у любого жителя Сан-Франциско. Дэн поразительно общительный человек. В последнее время он хорошо ладил с миссис Эрншоу, она жена агента по недвижимости. Живет, кажется, на Пасифик-стрит. Не знаю, насколько они были близки, но Дэн часто звонил ей по телефону, да и она сама звонила ему сюда почти каждый день. А еще есть девушка по имени Ева Дати, актриса кабаре, она живет в доме 1100 на Буш-стрит. Вероятно, были и другие, но я знаю только про этих двух.

— Вы уже просмотрели вещи, которые он оставил здесь?

— Да, но вы, наверное, и сами хотели бы с ними ознакомиться.

Он проводил меня в кабинет Рэтбоуна: тесная комнатка, места в которой хватало только на стол, шкаф с документами и два стула. Двери выходили в коридор, в приемную и к Цумвальту.

— Пока я осматриваюсь, вы могли бы сделать список серийных номеров пропавших облигаций, — сказал я. — Вряд ли это нам сразу поможет, но мы договоримся, чтобы Министерство финансов сообщило, когда и где появятся купоны.

Я не надеялся найти что-либо в кабинете Рэтбоуна — и не нашел.

Перед уходом я расспросил стенографистку и бухгалтера. Они уже знали об исчезновении Дэна, но им еще не было известно, что облигации тоже пропали.

Девушка, ее звали Милдред Нарбет, сообщила, что двадцать восьмого — в день, когда Рэтбоун поехал в Нью-Йорк, — он продиктовал ей два письма, и оба были связаны с бизнесом компаньонов. Также он распорядился, чтобы Милдред отправила Куимби забронировать билеты и сдать чемоданы в багаж. Вернувшись с обеда, она распечатала письма и отдала Рэтбоуну на подпись, причем едва успела перехватить его до отъезда.

Джон Куимби, бухгалтер, описал багаж, который сдавал в багажное отделение: два больших чемодана из свиной кожи и саквояж из кордовской дубленой кожи, к тому же, он точно помнил номер того места, которое заказал Рэтбоуну в вечернем поезде: нижнее четвертое в восьмом вагоне. Компаньоны были на ланче, когда Куимби вернулся в контору, поэтому он положил билеты и багажные квитанции Рэтбоуну на стол.

В гостинице я узнал, что Рэтбоун съехал утром двадцать седьмого, сдав номер, но оставил два чемодана, поскольку собирался снова там поселиться после возвращения из Нью-Йорка, через три-четыре недели. Больше ничего интересного персонал гостиницы мне не сообщил, кроме, пожалуй, того, что постоялец уехал на такси.

На стоянке такси я нашел водителя, которой отвозил Рэтбоуна.

— Рэтбоун? Конечно, помню! — ответил он, не вынимая изо рта мятую сигарету. — Видать, вы про тот день, когда я отвез его к трастовой компании «Голден Гейт». У него была парочка больших желтых чемоданов и один маленький коричневый. С этим маленьким он помчался в банк, и выглядел так, словно кто-то наступил ему на любимую мозоль. Потом я отвез его к Фелпс-билдинг, — значит, таксист доставил клиента к тому зданию, где располагалась контора Цумвальта и Рэтбоуна, — и он даже пяти центов не накинул мне сверх тарифа!

В трастовой компании «Голден Гейт» пришлось долго убалтывать и даже умолять, но, в конце концов, мне выдали то, что я просил: двадцать пятого числа, в последнюю субботу перед отъездом, Рэтбоун снял со счета почти пять тысяч долларов. От трастовой компании я направился к багажному отделению на паромной пристани Ферри-билдинг и при помощи сигары добыл право просмотреть записи за двадцать восьмое. Под этой датой значилась только одна партия из трех чемоданов, отправленная в Нью-Йорк.

Я отбил телеграмму в нью-йоркскую контору нашего агентства, указав контрольный номер багажа и описание внешности Рэтбоуна, с поручением отыскать чемоданы, а через них — и самого Рэтбоуна.

В компании Пульмана мне сообщили, что вагон №8 — это вагон прямого сообщения, и обещали выяснить за пару часов, до самого ли Нью-Йорка занимал Рэтбоун свое место.

По пути к многоквартирному дому 1100 на Буш-стрит я оставил одну из фотографий Рэтбоуна в фотомастерской, сделав срочный заказ на дюжину копий.

Чтобы найти квартиру Евы Дати, потребовался почти пятиминутный поиск по списку жильцов в вестибюле. Я поднял девушку буквально с постели. Это была миниатюрная блондинка в возрасте где-то между девятнадцатью и двадцатью девятью, в зависимости от того, судите вы по глазам или читаете по лицу.

— От Рэтбоуна почти месяц ни слуху ни духу, — сказала Ева. — Прошлым вечером я звонила ему в гостиницу — устраивала вечеринку, хотела его пригласить, но мне сказали, что он уехал из города и вернется через неделю-другую. — А после того как я задал следующий вопрос, ответила: — Да, раньше мы были хорошими друзьями, хотя и не слишком близкими. Ну, вы понимаете, о чем я. Мы приятно проводили время вместе, но больше нас друг в друге ничто не интересовало.

Миссис Эрншоу оказалась не настолько откровенной. Но у нее имелся муж, что означало совершенно иное положение дел. Это была высокая стройная женщина, смуглая, как цыганка, с высокомерным выражением лица и привычкой нервно покусывать нижнюю губку.

Мы сидели в плотно мебелированной комнате, и дамочка морочила мне голову минут пятнадцать, пока я не рубанул напрямик:

— В общем, так, миссис Эрншоу. Мистер Рэтбоун исчез, и мы его ищем. Помогите мне — и вы поможете себе. Я пришел сюда выслушать все, что вам о нем известно. Если вы не скажете то, что я хочу узнать, мне придется пройтись по округе и задать кучу вопросов вашим друзьям. И хотя я буду деликатен, насколько это возможно, в них, тем не менее, обязательно проснется любопытство, возникнут смелые догадки, и пойдут слухи. Даю вам шанс избежать всего этого. Решать вам.

— Вы допускаете мысль, — ответила она холодно, — будто мне есть что скрывать?

— Я ничего не допускаю. Я добываю информацию о Дэниеле Рэтбоуне.

Она прикусила нижнюю губку и некоторое время молчала, но, наконец, принялась выдавать по крупицам нужные сведения. Явно не все в ее рассказе было правдой, но в целом история выглядела достоверно. Если отсеять то, что не выдерживает никакой критики, остается следующее:

Миссис Эрншоу и Рэтбоун задумали совместный побег. Она покинула Сан-Франциско двадцать шестого, направляясь напрямик в Новый Орлеан. Рэтбоун должен был уехать на следующий день, якобы в Нью-Йорк, но с пересадкой на другой поезд где-нибудь на Среднем Западе, чтобы встретиться с ней в Новом Орлеане. Оттуда они собирались уплыть в Центральную Америку.

Она сделала вид, что и понятия не имела о его намерении украсть облигации. А может, и в самом деле ничего не знала. Как бы то ни было, миссис Эрншоу выполнила свою часть плана, а вот Рэтбоун так и не появился в Новом Орлеане. Она не слишком старалась замести следы, и вскоре ее разыскали нанятые мужем частные детективы. Супруг прибыл в Новый Орлеан и убедил ее вернуться домой, не подозревая, очевидно, о существовании другого мужчины.

Она была не такой женщиной, что могла бы легко стерпеть предательство Рэтбоуна, поэтому даже не пыталась снова связаться с ним и выяснить причину, помешавшую ему присоединиться к ней.

Ее рассказ звучал вполне правдоподобно, но ради перестраховки я закинул удочку среди соседей, и слова миссис Эрншоу вроде бы подтвердились. Обнаружилось, что у нескольких соседей имелись догадки по поводу этой связи.

Позвонив в компанию Пульмана, я услышал, что в вагоне №8, отправленном в Нью-Йорк двадцать восьмого числа, на протяжении всего пути четвертое место оставалось незанятым.

Цумвальт переодевался к обеду, когда я поднялся в его гостиничный номер.

Я рассказал ему все, что сумел выяснить за день, и озвучил свои мысли по этому поводу:

— Все имеет смысл ровно до того момента, когда Рэтбоун выходит из хранилища компании «Голден Гейт». Больше ничего не происходит! А ведь он задумал выкрасть облигации и сбежать с миссис Эрншоу, и даже снял с банковского счета все свои деньги. План в действии. Но ради чего Рэтбоун вернулся в контору? Зачем остался в городе еще на одну ночь? Какое важное дело его задержало? Почему он бросил миссис Эрншоу? И почему не использовал купленные билеты, чтобы проделать хотя бы часть пути, как намеревался? Да, может, это ложный след, но ведь совсем никчемный! Остается одно, мистер Цумвальт: придется нам привлечь полицию и газеты и посмотреть, чем помогут огласка и общенациональный поиск.

— Но тогда Дэн отправится в тюрьму без малейшего шанса по-тихому уладить вопрос! — запротестовал он.

— Вы правы! Но тут уж ничего не поделаешь. И помните, вам нужно защитить себя. Вы компаньон Рэтбоуна, и хотя уголовной ответственности за его действия не несете, финансовая ответственность лежит на вас. Вы должны расплатиться по долгам.

Он кивнул, неохотно соглашаясь, и я схватился за телефон.

Целых два часа я был занят передачей сведений: в полицию — всех, что у нас имелись, а в прессу — тех, что мы хотели напечатать. К счастью, у газетчиков нашлись фотографии Рэтбоуна, сделанные год назад, когда о нем писали как о соответчике в бракоразводном процессе.

Я отправил три телеграммы. Одну — в Нью-Йорк, с просьбой открыть интересующий нас багаж, как только будут получены необходимые полномочия. (Если Рэтбоун так и не приехал в Нью-Йорк, багаж должен ждать на вокзале.) Вторую — в Чикаго, с просьбой допросить брата Дэна, а затем последить за ним несколько дней. И третью отослал в Новый Орлеан, чтобы в городе поискали нашего беглеца. Затем вернулся домой и лег спать.

С новостями было негусто, поэтому газеты на следующий день выдали материалы о Рэтбоуне на первые полосы, с фотографиями и описанием внеш-

ности, с нелепыми догадками, которые успели появиться у газетчиков за короткий срок между временем получения информации и временем, когда она ушла в печать.

Я провел утро за подготовкой объявлений, планируя охватить поисками всю страну, а, кроме того, договаривался о доступе к регистрационным записям с пароходов.

Незадолго до полудня прибыла телеграмма из Нью-Йорка, в которой перечислялись вещи из багажа Рэтбоуна. Содержимое двух больших чемоданов не имело значения. То, что там обнаружилось, могло быть упаковано как для использования, так и для отвода глаз, так же, как и вещи из саквояжа, который почему-то был не заперт...

Цумвальт, его бухгалтер и стенографистка, когда я прибыл в их контору, наблюдали, как двое из полицейского управления обыскивают кабинет Рэтбоуна. Я показал телеграмму, и детективы вернулись к своему занятию.

— Что означает этот список? — поинтересовался Цумвальт.

— Он показывает, что нет никакого смысла в том, как сложились обстоятельства, — ответил я. — Саквояж собирали для того, чтобы всегда держать под рукой. В багаж его сдавать было ошибкой, да еще оставлять незапертым! И вообще, никто не сдает в багаж сумку с туалетными принадлежностями. Может, Рэтбоун поначалу и не хотел ее сдавать, а потом передумал — решил избавиться от саквояжа, когда понял, что в нем не нуждается? Но как могла пропасть нужда в туалетных принадлежностях? И не забывают, это наверняка тот же самый чемоданчик, который он брал даже в хранилище трастовой компании, когда шел за облигациями. Какого черта я не могу в это вникнуть?!

— Вот тебе еще кое-что для вникания, — сказал один из городских детективов, протягивая мне бумажный лист. — Я нашел это за одним из ящиков, соскользнуло вниз.

Это было письмо, написанное синими чернилами на плотной белой бумаге решительным, угловатым и, без сомнения, женским почерком.

Милый мой Дэнни,

Если еще не слишком поздно, я хочу изменить свое решение о поездке. Подожди еще денек, до вторника, и я поеду. Позвони мне сразу как получишь письмо. И если ты еще хочешь быть со мной, я приеду за тобой на «родстере» во вторник, в полдень, к станции на Шэттак-авеню.

Твоя больше чем навеки, Бутс.

Датировано двадцать шестым — это было воскресенье перед исчезновением Рэтбоуна.

— Вот что заставило его поменять планы и задержаться на день, — заметил полицейский детектив. — Думаю, нам лучше поехать в Беркли и попытаться что-нибудь найти на станции на Шэттак-авеню.

— Мистер Цумвальт, — сказал я, когда мы остались с ним наедине, — как насчет вашей стенографистки?

Он вскочил со стула, его лицо налилось краской.

— А что насчет нее?

— Была ли она... Насколько близки они были с Рэтбоуном?

— Мисс Нарбет, — заговорил он с нажимом, медленно, как будто хотел удостовериться, что я улавливаю каждый слог, — выйдет за меня замуж, как только жена даст мне развод. Поэтому я и отменил продажу дома. А теперь не могли бы вы объяснить, чем вызван ваш вопрос?

— Просто случайная мысль, — солгал я, пытаюсь его успокоить. — Не хочу ничего упустить. Но это уже не важно.

— Правильно, — ответил он все с тем же нажимом, — мне вообще кажется, что у вас слишком много случайных мыслей. Вы можете вернуться в свою контору и выслать мне счет за услуги. Думаю, теперь я обойдусь без вашей помощи.

— Как скажете. Но вам придется оплатить мне сегодняшний день. Так что, если не возражаете, я поработаю над вашим делом до наступления ночи.

— Прекрасно! Вот только я занят, так что не извольте беспокоить меня своими отчетами.

— Хорошо, — сказал я, выходя из его конторы, но оставаясь в деле.

Когда я осматривал стол Рэтбоуна, письма от «Бутс» не было. Я вынимал все ящики и даже наклонял стол, чтобы заглянуть под него. Письмо подбросили потом! И почему Цумвальт уволил меня? Может, из-за того, что испытывал недовольство моей работой и негодовал из-за вопроса о девушке, а может, и нет.

Предположим (думал я, идя по Маркет-стрит, толкаясь и наступая прохожим на ноги), компаньоны были заодно. Кому-то из них следовало стать козлом отпущения, и эта участь выпала Рэтбоуну. С моей теорией хорошо согласуются и поведение Цумвальта, и его действия после исчезновения Рэтбоуна.

Нанять частного детектива перед обращением в полицию — прекрасный ход. В первую очередь потому, что создает впечатление невиновности Цумвальта. Вдобавок, частный сыщик будет рассказывать ему все, что сумеет выяснить, известит о каждом сделанном шаге, позволяя Цумвальту исправить ошибки и недоработки их плана, пока расследованием не занялась полиция. А если частный детектив зайдет слишком далеко, можно сразу отказаться от его услуг.

Еще предположим, что Рэтбоуна найдут в городе, где его никто не знает — именно в такое место он и должен отправиться. Цумвальт добровольно поедет туда, чтобы установить личность компаньона. Посмотрит и скажет: «Нет, это не он». Рэтбоуна отпустят, и расследованию придет конец.

В этой теории остается неучтенным внезапное изменение планов Рэтбоуна, хотя становится более понятным его возвращение в контору к полудню двадцать седьмого. Он вернулся, чтобы обсудить пока неизвестную причину нарушения замыслов, и компаньоны решили обойтись без миссис Эрншоу. Потом они двинулись домой к Цумвальту. Для чего? И почему Цумвальт отказывается продать дом? И зачем он позаботился дать мне объяснение этому? Может быть, они спрятали там облигации?

Было бы неплохо проверить дом.

Я позвонил Беннету в полицейское управление Окленда.

— Не мог бы ты оказать мне услугу, Фрэнк? Позвони Цумвальту. Скажи, что вы задержали человека, который точь-в-точь отвечает описанию Рэтбоуна, и попроси прийти для опознания. Когда Цумвальт у вас появится, постарайся не выпускать его, сколько сможешь. Соври, что у задержанного берут отпечатки пальцев и снимают мерки, или еще что-нибудь в таком духе. А потом скажи, что вы установили личность, и это не Рэтбоун, принеси извинения за беспокойство, и так далее. Если проточишь Цумвальта у себя хотя бы полчаса или три четверти часа, этого будет достаточно. Еще полчаса займет у него поездка в каждую сторону. Спасибо!

Зайдя в нашу контору, я положил в карман фонарик и отправился к Четырнадцатой авеню.

У Цумвальта был двухэтажный дом двухквартирного типа, замок на парадной двери задержал меня минуты на четыре. Вторгаться в дом — не совсем, мягко говоря, законно, но, с другой стороны, я все еще работал на Цумвальта и, пока не наступила ночь, юридически оставался его представителем.

Я начал с верхнего этажа, постепенно продвигаясь вниз. Бюро, комоды, обеденные и рабочие столы, стулья, стены, двери, оконные рамы, картины, ковры, водопроводные трубы... Пришлось осматривать каждый предмет, толщины которого хватало для хранения бумаг.

Не найдя в доме ничего дельного, я спустился в подвал.

Это было большое, разделенное на две части помещение. В ближней половине на бетонном полу стоял полный доверху ящик с углем, имелось немного мебели, консервы и всякая всячина для ведения домашнего хозяйства. В задней части подвала, за гипсовой перегородкой, куда спускалась лестница из кухни, окон не было, и единственным источником света служила включенная мной голая электрическая лампочка, висящая на проводе.

Половину пространства заполнял штабель досок, с другой стороны до самого потолка громоздились ящики и бочки. Рядом с ними лежали два мешка цемента, а в углу валялись обломки мебели. Пол был сильно испачкан.

Я повернулся к штабелю. Мне не нравилась предстоящая работа — сдвигать эту груду досок в сторону, а потом возвращать на место. Но поддаваться унынию не следовало.

Вдруг за моей спиной гроыхнула доска, я обернулся и увидел, как из-за бочки поднимается Цумвальт, хмуρο наставивший на меня черный пистолет.

— Руки вверх, — произнес он.

Я подчинился. У меня не было при себе пистолета — не имею привычки брать его, кроме тех случаев, когда собираюсь применить. В общем, я поднял руки. Одной из них случайно задел лампочку и тут же раздавил ее в кулаке. Подвал погрузился во тьму, а я бросился в сторону. Пистолет Цумвальта полыхнул огнем...

Некоторое время ничего не происходило. Я обнаружил, что упал у дверного проема, от которого шла лестница и начиналась передняя часть подвала, но не мог пошевелиться, так как любой шум вызовет ответную стрельбу.

Началось состязание, недостаток действий в котором восполнялся изматывающим напряжением.

В подвале, где мы находились, имелись две двери. Одна, на противоположной стороне, выходила во двор, но была, вероятно, заперта. Поперек второй лежал я — в ожидании пары ног, чтобы схватить их. Где-то в темноте, с пистолетом, в котором недоставало лишь одной пули, таился Цумвальт. Судя по его молчанию, он понимал, что я еще жив.

Мне пришло на ум, что у меня есть преимущество. Я ближе к единственному реальному выходу, Цумвальт не знает, что я безоружен, и ему неизвестно, идет мне кто-нибудь на помощь или нет. Для него время крайне ценно, но так ли оно ценно для меня? Поэтому я ждал.

. Не знаю, сколько прошло времени, может быть, полчаса.

Пол был влажный, твердый и очень неудобный. Осколки электрической лампочки изрезали мою ладонь, и мне никак не удавалось определить, насколько сильно она кровоточила. Вдруг с грохотом упал ящик или бочка — очевидно, Цумвальт выбрался из убежища, где поджидал меня, и я услышал, как он осторожно крадется...

Без предупреждения, из пистолета ударили две вспышки, отправив пули в гипсовую перегородку куда-то выше моих ног. Не только я изнывал от напряжения.

И вновь тишина. Я обнаружил, что стал мокрым от пота.

Затем послышалось мягкое, скользящее шуршание по земляному полу! Я представил, как Цумвальт неловко ползет на коленях, выставив перед собой пистолет, и вытянул вперед руки. Если успею нащупать его первым, у меня будет шанс.

Он появился внезапно. Мою руку задела его волосы, и я, вцепившись в них, со злостью рванул к себе все еще невидимую голову и двинул правым кулаком чуть ниже, вложив в удар все, что накопилось во мне за это время. Цумвальт упал, но я рывком поставил его на ноги, вытолкнул в переднюю часть подвала и скомандовал:

— Выкапывай!

Надежнее всего было похоронить здесь. Я не знал, где именно оно лежит, но раз Цумвальт выбрал именно эту часть подвала, чтобы устроить мне засаду, то мы находимся в нужном месте.

— Сам выкапывай! — огрызнулся он.

— Ладно, — сказал я, — так и сделаю. Но у меня нет времени связывать тебя. Придется для начала тебя оглушить, чтобы копать спокойно. А ты будешь тихонько спать, пока все не закончится.

Вымазанный кровью, потом и грязью, я, должно быть, выглядел способным на все. Поэтому, как только шагнул к Цумвальту, он сдался. Вытащив из-за штабеля лопату, отодвинул бочки в сторону и начал рыть яму.

Когда появилась рука — да, человеческая рука, мертвенно-желтая в тех местах, где к коже не прилипла влажная грязь, я остановил его.

Итак, оно нашлось. Но три недели оно лежало в сырой земле, и у меня не хватило решимости на него посмотреть...

Вскоре состоялся суд над Лестером Цумвальтом, и он заявил, что убил компаньона при самозащите. А потом дал показания, что присвоил облигации Горэма при неудачной попытке возместить потери на фондовой бирже. Рэтбоун, тоже собиравшийся прихватить их, сбегая в Центральную Америку с миссис Эрншоу, заглянул перед отъездом в банковскую ячейку и ценных бумаг в ней не обнаружил. Вернувшись в контору, он обвинил Цумвальта в краже.

Цумвальт тогда еще не подозревал, что у компаньона есть собственные преступные намерения, и обещал вернуть облигации. Для обсуждения этого вопроса они отправились в дом Цумвальта, где Рэтбоун, недовольный планом компаньона по возмещению убытков, напал на него и в завязавшейся борьбе был убит.

Цумвальт рассказал обо всем Милдред Нарбет, своей стенографистке, и убедил ее помочь ему. Они договорились сделать вид, будто Рэтбоун заходил в контору на следующий день — двадцать восьмого, — после чего уехал в Нью-Йорк.

Однако жюри присяжных, вероятно, решило, что Цумвальт преднамеренно заманил компаньона в свой дом на Четырнадцатой авеню с целью убийства, и он был признан виновным в убийстве первой степени.

Что касается Милдред Нарбет, первый состав жюри, судившего ее, к единому мнению не пришел, а второй состав ее оправдал, посчитав, что нет никаких доказательств участия девушки ни в краже облигаций, ни в убийстве, и даже отсутствуют свидетельства, что ей заранее было известно о подготовке этого преступления. А ее более позднее соучастие, учитывая любовь к Цумвальту, не так уж предосудительно... □

Перевод с английского **Андрея Бударова**

Светлана Бестужева-Лада

ОБОРОНА

СЕВАСТОПОЛЬ

Пусть меня поправят, если я ошибаюсь, но нигде в мире, кроме России, нет такого понятия — «героическая оборона». И городов-героев нет. Любая осада везде и всегда кончалась вместе с продуктами и запасами воды. И только эти непостижимые русские зубами вгрызались в обреченную уже землю и на ней — за нее — умирали, так и не сдав ее, так и не сдавшись.

Первая героическая оборона Севастополя (а ведь была еще вторая столетие спустя!) относится именно к таким феноменам. 25 сентября 1854 года город был объявлен на осадном положении. Оборона продолжалась 349 дней, до 8 сентября 1855 года. Несмотря на шесть масштабных бомбардировок и два штурма, союзники так и не смогли взять военно-морскую крепость Севастополь. Хотя в результате русские войска (точнее, то, что от них осталось) отступили, они оставили противнику одни развалины.

Но Севастополь был не началом Крымской войны, а ее кульминацией и завершением. До этого Россия нанесла сокрушительное поражение Османской империи в 1853 году — в основном, в ходе знаменитой Синопской битвы, одержала ряд серьезных побед в затяжной кавказской кампании и похоронила надежды Англии и Франции взять реванш в Балтийском и Белом морях, а также у берегов Камчатки.

Тем не менее, было очевидно, что Россия не в состоянии выдержать затяжной войны против мощной коалиции Англии, Франции и Турции, к которой, к тому же, в любой момент могли присоединиться Австрия, Пруссия и Швеция. В июле 1854 года коалицией были выработаны так называемые «Четыре пункта», предъявленные России как исходные условия для начала переговоров о мире.

От России потребовали — всего-навсего! — передать Молдавию и Валахию под протекторат Австрии, отказаться от защиты интересов христианских подданных Османской империи, согласиться на полный и безраздельный контроль западных держав над устьями Дуная и пересмотреть договор о Черноморских проливах, то есть фактически блокировать выход России из Черного моря.

Русское правительство не сочло возможным принять эти условия, что позволило союзникам, даже после очевидных поражений на Дальнем Востоке и на севере, «не выпустать» Россию из войны и нанести

сильный удар на юге, по Крыму, точнее, по базе русского флота — Севастополю.

С нападением на Крым союзники связывали большие надежды. «Взятие Севастополя и занятие Крыма, — предвкусала успех английская печать, — покроют все издержки войны и предоставят нам выгодные условия мира». Представлялось, что серьезных препятствий к взятию Крыма не существует, главное — высадиться и нанести один сильный удар по Севастополю, а потом можно спокойно пить коллекционное вино из погребов Массандры, закусывать крымскими фруктами и загорать на песочке.

Накануне Крымской экспедиции французский главнокомандующий маршал Сент-Арно писал:

«Лишь только я высажусь в Крыму, и бог пошлет нам несколько часов штилю — кончено: я владею Севастополем и Крымом».

А ведь со времени позорного бегства Наполеона из России и полувек не прошло. Плохо знал маршал собственную военную историю, а русских — не знал вообще.

Союзники были настолько уверены в успехе своего плана, что не озаботились даже о сохранении его в тайне: английские и французские газеты взахлеб повествовали о мельчайших деталях предстоящей операции. Их читали и в России, в том числе и при дворе, но император и верховное командование отказывались признавать реальность угрозы. В основном потому, что с ранней

осени до весны на Черном море часто свирепствуют штормы, и высадка в Крыму в таких условиях целой неприятельской армии представлялась маловероятной.

Севастополь не получил ни новых артиллерийских орудий, ни боеприпасов, ни дополнительных воинских частей. Посчитали, что успешно действовавшая до тех пор защита от турок окажется достаточной и дальше. Хотя адмиралы Нахимов и Корнилов неоднократно настаивали на необходимости существенного усиления сева­стопольских укреплений. По их требованию, в частности, подготовке солдат и матросов к боевым действиям начали проводить не только на судах флота, но и на береговых батареях.

По их же настоянию были проведены важные оборонительные мероприятия: затемнены маяки, сняты ограждения фарватеров, увеличено число застав по побережью, расширена сеть семафорно-светового телеграфа. Но все равно Севастополь оставался недостаточно надежно прикрытым с моря и слабо защищенным с суши.

13 сентября 1854 года англо-французский флот в составе 80 боевых кораблей и свыше 300 транспортных судов проследовал к Евпатории, и на следующий день началась высадка 62-тысячной соединенной армии на узкой песчаной косе между озером Сасык и морем, которая продолжалась в течение шести дней.

Следует отметить, что переброска армии союзников происходила чрезвычайно медленно и крайне неорганизованно, без какого-либо плана, при полном отсутствии организации снабжения, без боевого охранения на случай нападения противника. Случись такое нападение, когда иностранные солдаты ночевали под открытым небом беспорядочными кучами, Крымская война закончилась бы, не начавшись. Только ничем не объяснимое абсолютное бездействие командующего русскими войсками князя Меншикова позволило союзникам сосредоточить, наконец, войска в Евпатории и двинуться к Севастополю, на защиту которого встали 25 тысяч моряков и семитысячный гарнизон города.

Первое сражение произошло 20 сентября 1854 года на реке Альме. Союзники нанесли поражение русской армии, которая вынуждена была отступить. Во время этой битвы впервые сказался качественный перевес нарезного оружия союзников над гладкоствольным русским, которое так и не удосужились заменить на более современное. Русская пехота была вооружена кремневыми гладкоствольными ружьями с дальностью стрельбы 300 шагов. Англичане и французы имели нарезные ружья Штуцера с дальностью стрельбы 1200 шагов. Именно это и решило не только исход сражения, но впоследствии и исход всей военной кампании.

Французов напрасно считают легкомысленными. Через два года по-

сле этой «блистательной» победы император Наполеон III приказал построить на памятном месте большой арочный мост через Сену возле площади, нареченной Альма. Мост, естественно, получил то же самое имя, а многие годы спустя так же окрестили и тоннель, проложенный под мостом. Так что свои военные подвиги французы не забывают. В Париже существуют и Севастопольский бульвар — одна из важнейших транспортных магистралей центра города, а на севере есть Крымская улица.

Правда, и русские не забыли битву на Альме. После нее в русский язык прочно вошло выражение «шапками закидаем». Считается, что его автор — генерал Кирьяков, кото-

рый перед началом битвы браво заявил главнокомандующему:

— Не извольте беспокоиться, ваше сиятельство. Шапками-с закидаем неприятеля!

Тоже, своего рода, увековечивание события в истории...

Командование Черноморского флота собиралось атаковать вражеский флот, чтобы сорвать наступление союзников. Однако Черноморский флот получил категорический приказ в море не выходить (?!), а оборонять Севастополь с помощью матросов и корабельных пушек. Более того, вместо того, чтобы бросить все силы на защиту Севастополя, князь Меншиков приказал основной русской армии отойти к Бахчиса-

раю, с тем, чтобы... «угрожать флангу и тылу противника в случае его наступления». О поддержании связи с защитниками Севастополя князь не озаботился, и город оказался фактически брошенным на произвол судьбы, пока основные силы русской армии «угрожали противнику с тыла и фланга».

Союзники рассчитывали захватить береговые батареи Северной стороны с тыла, а затем артиллерийским огнем уничтожить русский флот на

рейде и военные склады на Южной стороне. Одновременно они планировали прорваться на севастопольский рейд со стороны моря. Казалось, они учли все, кроме... некоторых особенностей русского характера.

Адмирал В.А. Корнилов в одном из своих приказов так оценивал героические усилия севастопольцев, самоотверженно отстаивавших свой родной город:

«С первого дня обложения Севастополя превосходным в силах не-

приятелем войска, предназначенные его защищать, выказывали решительную готовность умереть, но не отдать города... В продолжение короткого времени неутомимую деятельностью всех и офицеров и нижних чинов выросли из земли сильные укрепления, и пушки старых кораблей расставлены на этих грозных твердынях...»

К началу войны в Севастополе насчитывалось до 42 000 жителей, из них около 30 000 военного мужского населения. Подступы с моря к городу были защищены батареями береговой обороны. Всего здесь было 14 батарей, имевших 610 орудий разных калибров. С суши Севастополь почти не был укреплен. На всем семикилометровом пространстве оборонительной линии имелось 134 орудия небольших калибров, установленных в еще не законченных земляных укреплениях.

Оборону города возглавил начальник штаба Черноморского флота вице-адмирал Владимир Алексеевич Корнилов. Все свои знания, силы и организаторские способности он отдал делу укрепления Севастополя, взяв на себя руководство всей обороной города, и действовал с величайшей энергией.

Ближайшим помощником Корнилова был вице-адмирал Павел Степанович Нахимов, являвшийся начальником обороны Южной стороны Севастополя. Под руководством Корнилова и Нахимова героические защитники города превратили Се-

вастополь в мощную крепость, которая успешно отражала натиск противника в течение 349 дней.

Оборонительные работы в Севастополе велись и днем и ночью одновременно по всей оборонительной линии. Трудились не только солдаты и моряки, но и все гражданское население. Женщины работали наравне с мужчинами. Одна батарея была целиком сооружена женскими руками, поэтому она и сохранила за собой название «Девичьей».

В эти дни начала героической обороны города для преграждения входа кораблей противника на Севастопольский рейд было решено затопить часть старых кораблей при входе в Севастопольскую бухту. В приказе В.А. Корнилова о необходимости затопления кораблей говорилось:

«Товарищи! Войска наши после кровавой битвы с превосходным неприятелем отошли к Севастополю, чтобы грудью защищать его. Вы пробовали неприятельские пароходы и видели корабли его, не нуждающиеся в парусах. Он привел двойное число таких, чтоб наступать на нас с моря; нам надобно отказаться от любимой мысли — разрезать врага на воде. К тому же мы нужны для защиты города, где наши дома и у многих семейства».

11 сентября при входе в Севастопольскую бухту было затоплено пять старых линейных кораблей и два фрегата. Корабельные орудия

Крымская война 1853–1856 гг. Вид на Константиновскую батарею с Нахимовского укрепления в Севастополе. Фото. 1855 г.

были использованы для усиления береговой обороны, а матросы и офицеры направлены на оборону города.

14 сентября союзные армии подошли к Северной стороне Севастополя. Удачно распространенная русскими дезинформация о сильно укрепленной Северной стороне привела к тому, что противник решил атаковать город с Южной стороны.

Это была грубейшая ошибка: переходом на Южную сторону союзники дали защитникам Севастополя дополнительное время на строительство новых укреплений. На всей линии обороны Южной стороны русским удалось сосредоточить около 16 тыс. человек, из них 10 тысяч матросов. На кораблях флота, стоявших в бухте, оставалось 3 тысяч моряков.

Противник занял расположенный в 14 км от Севастополя городок Балаклаву, обладавший небольшой, но глубокой гаванью, способной принимать корабли с большой осадкой. Сюда на судах подвозились подкрепления англо-французским армиям.

К концу сентября неприятель имел под Севастополем армию численностью в 67 тысяч человек, в том числе 41 тысячу французов, 20 тысяч англичан и 6 тысяч турок. Это в два раза превосходило численность гарнизона Севастополя.

Англо-французское командование решило разместить линию батарей вокруг Южной стороны города, а затем обрушить огонь ее и артиллерии флота на город и его укрепления, подавить оборону, а затем штурмовать Севастополь.

Бомбардировку Севастополя с последующим штурмом противник назначил на 5 октября. Никаких сомнений в том, что все это займет, от силы, два-три дня, у нападающих не было, тем более что запасы воды и продовольствия в осажденном городе были, мягко говоря, ограничены.

Около 7 часов утра 5 октября батареи неприятеля открыли ожесточенный огонь по городу. Несколько позже вражеский флот подошел к входу в Севастопольскую бухту и начал бомбардировку города, рассчитывая подавить батареи и прорваться в бухту.

Корабли французской эскадры располагали 794 орудиями с одного борта; против них действовали 84 русских орудия, установленные на двух батареях южной части Севастопольской бухты. Английская эскадра вела огонь из 546 орудий, имея против себя всего лишь 31 орудие. Таким образом, соединенный флот

действовал 1340 орудиями одного борта, которым противостояли только 115 орудий русских.

За время 8-часового обстрела с моря корабли союзников выпустили 50 тысяч снарядов. Хотя гарнизон Севастополя и имел потери, но ни одна батарея полностью подавлена не была. Самой страшной потерей была гибель адмирала Корнилова, убитого при бомбардировке. Во время сильной канонады он объезжал батареи, давал наставления командирам, ободрял матросов и солдат. На Малаховом кургане он был смертельно ранен ядром и вечером того же дня скончался.

«Отстаивайте же Севастополь», — был предсмертный наказ Корнилова.

После его гибели Нахимов стал единственным фактическим руководителем обороны Севастополя.

В тот же день флот союзников попытался совершить прорыв на

внутренний рейд Севастополя, но потерпел поражение. В ходе боя проявилась лучшая подготовка русских артиллеристов, превосходивших по скорострельности противника более чем в 2,5 раза, а также уязвимость кораблей союзников, в том числе железных пароходов, от огня русской береговой артиллерии.

Так, русская трехпудовая бомба пробила все палубы французского линейного корабля «Шарлеман», разорвалась в его машине и разрушила ее. Остальные корабли, участвовавшие в бою, тоже получили серьезные повреждения. Один из командиров французских кораблей оценил этот бой так:

— Еще одно такое сражение, и половина нашего Черноморского флота не будет годна ни к чему.

План врага был сорван. Несмотря на десятикратное (!) превосходство в артиллерии, неприятельский флот не смог уничтожить батареи русских. Командование союзников, учитывая значительные повреждения своих кораблей, отказалось от бомбардировок Севастополя с моря. Но и с суши бомбардировка была такой же безрезультатной.

В ходе артиллерийского состязания начал ощущаться недостаток боеприпасов. Для подноски их с пристани добровольцы отправлялись к бухте. Это было очень опасно, так как ядра и бомбы противника покрывали всю площадь не только укреплений, но и подступов к ним. К концу дня большая часть подноски-

ков снарядов выбыла из строя. К 3 часам пополудни артиллерийский расчет многих орудий сменился уже дважды.

Около 10 часов 5 октября артиллеристы 5-го бастиона взорвали пороховой погреб французской батареи № 4. На многих французских батареях были подбиты орудия. Огонь французов постепенно затихал и к 11 часам совсем прекратился.

В результате героических действий севастопольцев противник не достиг цели. Напрасно неприятельские армии, стоявшие под ружьем весь день, ожидали возможности броситься на штурм. Штурм не состоялся.

Убедившись в невозможности быстро взять Севастополь, союзники перешли к осаде города. Пришлось спешно готовиться к зимней кампании, о чем прежде и не помышлялось в надежде на скорое падение Севастополя.

В ноябре наступила ненастная, холодная погода, пошли сильные дожди. Вспыхнули эпидемии, увеличилась смертность. Тяжелое положение неприятельских армий привело к появлению дезертиров и перебежчиков — в холодные зимние дни к русским перебежало до тридцати человек в сутки.

В ноябре-декабре 1854 года английская армия была деморализована. Однако русский главнокомандующий Меншиков не сумел этим воспользоваться и не предпринял до февраля следующего года ни одного серьезного действия. Неприятель ждал весны и подкреплений.

Русские войска, казалось бы, должны были находиться в лучшем положении. Но это было не совсем так. Отсутствие достаточной заботы о солдате со стороны Меншикова и плохое снабжение войск, дезорганизованное бюрократизмом, казнокрадством и взяточничеством царских чиновников, привели к тому, что солдаты и матросы не были обеспечены самым необходимым. В русской армии тоже вспыхнула эпидемия желудочных и простудных заболеваний. Доставка боеприпасов и продовольствия в Севастополь затруднялась также чрезвычайно плохим состоянием дорог.

В конце февраля 1855 года Меншиков был, наконец, заменен кня-

зем Горчаковым, главнокомандующим Дунайской армией. Конечно, лучше поздно, чем никогда, но тут, по-видимому, перемены произошли слишком поздно.

В течение зимы Севастополь жил деятельной, кипучей жизнью. Проводились работы по восстановлению разрушенных укреплений, выдвигались вперед траншеи для ружейного обстрела противника, часто проводились ночные вылазки, чтобы разрушить возводимые противником укрепления и батареи и захватить пленных.

В вылазках участвовало от 50-60 до 200-300 человек. Иногда в одну ночь проводилось несколько вылазок на разных участках. На вылазки

вызывали добровольцев, их каждый раз находилось больше, чем требовалось. Впоследствии стали назначать отдельные подразделения, к которым примыкали добровольцы. Были специалисты по ночным вылазкам как среди матросов и солдат, так и среди офицеров.

Лейтенант Бирюлез, подполковник Головинский, лейтенант Завалишин, матросы Петр Кошка, Федор Заика, Аксений Рыбаков, Иван Димченко, Игнатий Шевченко и солдат Афанасий Елисеев прославились среди многочисленных героев Севастополя. Их имена знала вся Россия.

Значительный размах в осаде Севастополя получила подземная

минная борьба. Французы, не будучи в состоянии продвинуться к 4-му бастиону, решили идти вперед подземными минными галереями, чтобы подорвать бастион.

Главный военный инженер Севастополя Тотлебен разгадал намерения противника и приступил к созданию впереди бастиона обширной системы контрмин. Идея русской контрминной системы выражалась в том, чтобы под землей наступать на осаждающего, подрывать его галереи и отбрасывать врага назад.

Во время подземной минной войны при обороне Севастополя русские проложили до 7000 метров галерей и рукавов и произвели 120

взрывов. Героический 4-й бастион отбил все попытки французов подойти к нему по земле и под землей.

Благодаря столь энергичному отпору противник не рискнул идти на штурм 4-го бастиона в течение весны и лета 1855 года, и это было одной из причин того, что неприятель с весны 1855 года перенес основные усилия на другой фланг русской оборонительной линии, где главными укреплениями были Малахов курган и 2-й бастион. Чтобы улучшить положение Малахова кургана, русское командование решило опередить врага в занятии этой высоты. Но для этого сначала нужно было утвердиться на высотах за Килен-балкой. В противном случае неприятель мог отсюда действовать во фланг и тыл высоте, находящейся впереди Малахова кургана.

Укрепиться на высотах за Килен-балкой было поручено отряду под командованием генерала Хрущева. Отряд состоял из Волынского и Селенгинского полков. В ночь на 10 февраля оба полка в полной тишине подошли к намеченному месту. Волынский полк выдвинулся вперед, прикрывая Селенгинский полк, начавший работы по возведению укрепления. Только с рассветом неприятель обнаружил русских и открыл артиллерийский огонь. Но работы продолжались. Новое укрепление получило название Селенгинского редута. Враг решил, во что бы то ни стало, захватить еще не законченный редут, но и эта попытка провалилась.

В ночь на 17 февраля русские продвинулись здесь еще дальше и в 500 метрах от траншей противника заложили другой редут — Волынский. К 27 февраля оба редута были закончены. Так как на высоты, где были расположены оба редута, доставить тяжелую артиллерию было невозможно, поэтому ограничились установкой там двадцати двух легких орудий.

Неожиданное выдвижение русских опять вынудило неприятеля изменить план продвижения к оборонительной линии города. Непосредственно на Малахов курган и 2-й бастион уже нельзя было нападать. Нужно было избавиться от новой помехи в виде двух редутов, но понадобились месяцы, чтобы преодолеть это препятствие.

Между тем русские захватили высоту впереди Малахова кургана, на которой соорудили укрепление, получившее название Камчатского люнета (строил укрепление Камчатский полк). Командование важнейшим участком обороны, включавшим Малахов курган, 2-й бастион, Селенгинский и Волынский редуты и Камчатский люнет, Нахимов доверил контр-адмиралу Владимиру Ивановичу Истомину.

Истомин являл собой пример бесстрашия и удивительного спокойствия даже во время самого жаркого боя, в самые критические моменты он не терял присутствия духа и ясности мысли, всегда находя выход из тяжелого положения.

Он не бравировал опасностью, но смерти не боялся и всегда оказывался в бою на самых опасных местах. За полгода бесслезного пребывания на Малаховом кургане Истомин был один раз ранен и один раз контужен, но не покидал укреплений. А 7 марта, обходя люнет, он был убит ядром, попавшим ему в голову.

28 марта началась вторая крупная бомбардировка Севастополя и продолжалась без перерыва днем и ночью до 6 апреля. За первые сутки враг не добился успеха. Англо-французское командование решило еще трое суток продолжать интенсивный обстрел днем и ночью и одновременно возводить подступы к 4-му бастиону и Камчатскому люнету. Но 2 апреля выяснилось, что русская артиллерия продолжает вести такой же огонь, как и в начале бомбардировки. Решено было продолжать бомбардировку еще трое суток, а затем штурмовать: французам — 4-й бастион и Камчатский люнет, англичанам — 3-й бастион. Однако и 5 апреля штурм не состоялся. 6 апреля на совете союзные командующие отложили штурм на 16 апреля, чтобы за это время усилить свою артиллерию.

Жены рабочих, солдат, матросов каждый день разносили воду и квас по бастионам, приносили мужьям обеды, и нередко одна бомба уничтожала всю семью, хлебавшую щи из принесенного горшка.

Всем известна история знаменитой Дарьи Михайловой, прозванной

Дашей Севастопольской. В 15 лет она осталась сиротой и зарабатывала на жизнь стиркой белья. Ей было 17 лет, когда началась Крымская война. Распродав все свое имущество, она купила лошадь, бричку, настирала тряпья для перевязок, взяла с собой бочонок с водой, переделалась в матросскую форму, оставшуюся от отца, и отправилась на поле боя. До позднего вечера девушка перевозила раненых под непрерывным огнем. Когда в Дворянском собрании открылся перевязочный пункт, она упросила врачей разрешить ей ухаживать за ранеными.

За свой подвиг во время войны Даша Севастопольская была награждена императором Николаем I золотой медалью с надписью «За усердие» на Владимирской ленте. Сверх того, ей было даровано пятьсот рублей серебром.

К сожалению, защитники Севастополя израсходовали почти полностью запас снарядов, за исключением неприкосновенного запаса на случай штурма. Но 16 апреля штурм так и не состоялся. В апреле — мае к противнику под Севастополь продолжали прибывать подкрепления. В конце мая численность неприятельских войск возросла до 200 тысяч, то есть почти в десять раз превосходила численность защитников города.

Противник, учитывая свое громадное превосходство в численности, лучшее вооружение и крупные запасы боеприпасов, начал готовиться к

решительному штурму. В первую очередь он решил захватить три русских укрепления, которые выдвинулись далеко вперед относительно оборонительной линии и очень мешали вражеским войскам. Это были Селенгинский и Волынский редуты и Камчатский люнет.

25 мая в 15 часов началась третья бомбардировка Севастополя, которая продолжалась до 30 мая. 27 мая 35 тысяч французов атаковали Волынский и Селенгинский редуты и Камчатский люнет. Выбитые несколько раз контратаками русских, французы, поддержанные англичанами, наконец оттеснили защитников к Малахову кургану. Находяв-

шийся на люнете Нахимов попал в окружение, но вместе с матросами и солдатами вырвался из вражеского кольца.

5 июня 1855 года началась четвертая бомбардировка Севастополя, после которой противник предпринял штурм укреплений города. Против Малахова кургана, по которому наносился главный удар, 1-го и 2-го бастионов было сосредоточено около 30 тысяч французов. Одновременно англичане решили штурмовать 3-й бастион.

Весь день вражеские батареи вели огонь с неослабевающей силой. К вечеру последствия бомбардировки были очень заметны. Боль-

*Строительство укреплений в Севастополе
во время Крымской войны*

ше всего пострадали Малахов курган, 2-й и 3-й бастионы.

С наступлением темноты начались энергичные работы по восстановлению разрушенных участков оборонительной линии. Основные повреждения были к рассвету исправлены, подбитые орудия заменены.

К 3 часам артиллерийский огонь противника внезапно прекратился, и французы начали штурм 1-го и 2-го бастионов. Защитники 1-го и 2-го бастионов встретили колонны французов картечным и пушечным огнем. Атака противника захлебнулась в 30–40 шагах от русских укреплений. Неся огромные потери, французы стали отходить. Че-

рез 15 минут атака была повторена, но безрезультатно. Одновременно начались атаки французов на Малахов курган, и англичан — на 3-й бастион, которые были также отбиты.

Противник вынужден был на время отказаться от нового штурма, но усилил артиллерийский огонь с целью нанесения как можно больших потерь русским войскам. 28 июня защитники Севастополя понесли невозместимую потерю: на Малаховом кургане был смертельно ранен адмирал Павел Степанович Нахимов. Пуля попала ему в висок в тот момент, когда он рассматривал траншеи противника, высунувшись из

прикрытия. 30 июня, не приходя в сознание, Нахимов умер.

В приказе по гарнизону о гибели адмирала говорилось:

«...Не мы одни будем оплакивать потерю доблестного сослуживца, достойнейшего начальника, витязя без страха и упрека, — вся Россия вместе с нами прольет слезы искреннего сожаления о кончине героя синопского.

Моряки Черноморского флота! Он был свидетелем всех ваших доблестей, он умел ценить ваше несравненное самоотвержение, он разделял с вами опасности, руководил вас на пути славы и победы...»

Севастополь со смертью Нахимова «потерял «душу обороны», русский флот потерял талантливейшего флотоводца, русский народ — одного из своих славных сынов». Наступили особенно тяжелые дни.

5 августа началась усиленная бомбардировка Севастополя, которая не прекращалась в течение двадцати суток. В один из редких часов затишья главнокомандующий Горчаков посетил 2-й бастион. Он обратился к матросам и солдатам с вопросом:

— Много ли вас на бастионе?

Один из солдат ответил:

— Дня на три хватит, ваше сиятельство.

Комментарии относительно боевого духа севастопольцев, по-моему, излишни.

Горчаков решил отвести войска на Северную сторону. К 15 августа был готов 900-метровый пла-

вучий мост через Севастопольскую бухту.

22 августа на военном совете союзников главный инженер французских войск указал на крайнюю опасность работ русских по возведению второй оборонительной линии; если бы эти работы русским удалось закончить, то союзникам пришлось бы провести вторую зиму под Севастополем, на что у них не хватило бы сил. Нужно было во что бы то ни стало помешать окончанию этих работ, а единственным средством для этого являлся штурм. Было принято решение — штурмовать Севастополь, произведя предварительно усиленную бомбардировку.

24 августа началась шестая бомбардировка Севастополя. С утра укрепления и город затянулись густым облаком дыма, который, закрывая солнце, висел над героическим городом в течение трех суток. Потери русских от бомбардировок все увеличивались, доходя до 2,5 и 3 тысяч человек в сутки.

Противник пускал зажигательные ракеты, вызывавшие пожары, севастопольцам приходилось вести борьбу с огнем вблизи укреплений. Борьба с пожарами в городе перестали из-за недостатка сил. Заканчивались 348-е сутки обороны Севастополя. Приказ штурмовать город был отдан 27 августа.

На этот раз к штурму подготовились более тщательно. Хотя русские и ждали штурма постоянно, особенно с рассветом или с наступлением

темноты, противник, учтя все это, назначил начало штурма на 12 часов дня.

В течение нескольких часов продолжалась усиленная канонада. Русские войска, сосредоточенные на укреплениях, несли большие потери. Ввиду этого резервы были отведены. В полдень одновременно начался штурм всей оборонительной линии Севастополя. Главный удар наносился французскими войсками по 2-му бастиону и куртине между 2-м бастионом и Малаховым курганом. Французы трижды атаковали 2-й бастион, вводя в бой крупные свежие силы, но безуспешно.

Несмотря на значительное количественное превосходство противника, русские матросы и солдаты с величайшим упорством защищали Малахов курган. На помощь защитникам начали прибывать резервы. Их вел генерал Хрулев. Французы встретили колонны убийственным сосредоточенным огнем. Остатки всех русских полков пошли в новую атаку. Закипел жестокий рукопашный бой. Русские отчаянно отбивались от наседавших французов, но предпринять новую крупную контратаку так и не смогли. Большая часть офицеров выбыла из строя, командиры полков и батальонов были убиты или ранены. Малахов курган остался в руках французов, но дальше они уже не продвинулись.

Исключительно неблагоприятная для русских войск обстановка вынудила командование отвести вой-

ска на Северную сторону Севастополя, несмотря на их решимость отстаивать родной город. В сумерки 27 августа 1855 года взвилась ракета — сигнал к отходу.

Приказ об отходе на Северную сторону защитники Севастополя встретили недоверчиво и даже враждебно. Возникли разговоры об измене. Да и как было не возмущаться таким решением: противник отбит, настроение у всех бодрое, стойкость в борьбе нисколько не ослабела, а тут нужно оставлять свои позиции.

Матросов и солдат чуть ли не силой приходилось направлять на мост. Они все еще ждали отмены приказа об оставлении города.

На бастионах оставалось по 100 человек для ведения ружейного огня и артиллеристы из расчета, чтобы четвертая часть орудий продолжала вести огонь (для маскировки отхода войск). Специальные команды матросов и саперов готовились взорвать орудия и пороховые погреба. На эти же команды была возложена задача сжечь в городе все те постройки, которые могли представлять для противника какую-нибудь ценность. Одновременно с переправой войск были затоплены в бухте остатки Черноморского флота.

Противник заметил, что в городе происходит большое движение, и решил, что это смена войск. Он догадался об отходе русских только тогда, когда начались взрывы укреплений. Отряды покидали укрепле-

Бой на Малаховом кургане в Севастополе в 1855 году

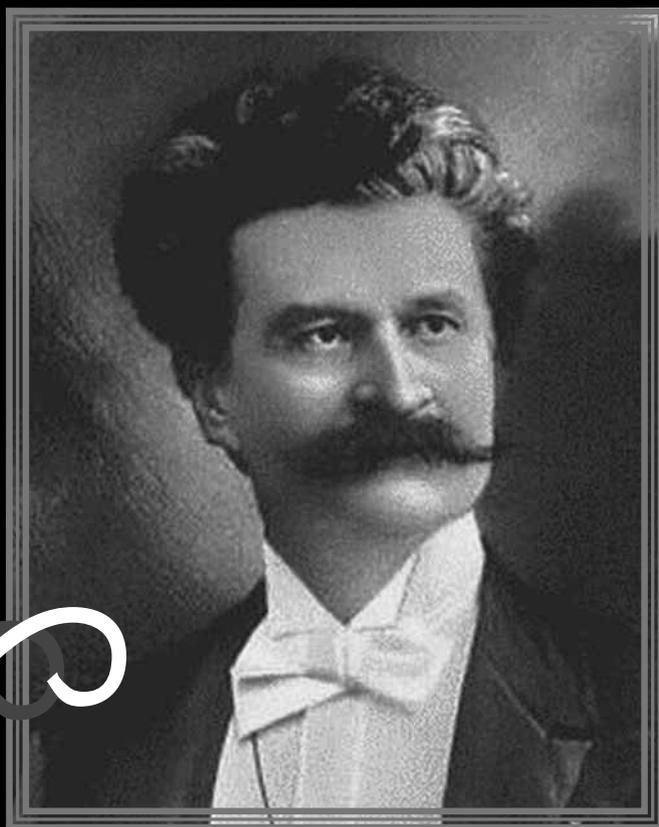
ния, оставляя на каждом пороховом погребе зажженные фитили различной длины, чтобы взрывы следовали друг за другом с длительными промежутками. Вскоре вся Южная сторона представляла собой сплошную массу пламени и дыма, внутри которой временами слышался грохот взрывов. Врагу досталась только груда камней и пепла.

Надежды его на то, что с уходом русских войск он получит крупный портовый город в качестве базы для дальнейших действий, не оправдались. Даже в смысле расквартирования войск на предстоящую зиму город не давал сколько-нибудь сносных возможностей. Несмотря на овладение Южной стороной Севастополя, англичане и французы

не решились предпринять активные действия.

В начале 1856 года начались мирные переговоры. Согласно предлагаемому договору, Россия должна была вернуть Османской империи все захваченное в южной Бессарабии, в устье реки Дунай и на Кавказе. Империи и Турции запрещалось иметь боевой флот в Черном море, провозглашенном нейтральными водами, однако Севастопольская бухта, место дислокации российского флота, осталась под контролем России. Только угроза присоединения к войне Австрии и Пруссии вынудила русских принять навязанные союзниками условия, и 30 марта в Париже мирный договор был все-таки подписан, чем и завершилась Крымская война. □

Под его музыку кружились в вальсе королевские дворы и казармы, города и деревни, шелковые туфельки и деревянные сабо. Да и сегодня его мелодии чаруют нас ничуть не меньше, недаром в венской Опере до сих пор живет традиция провожать старый год гала-представлением бессмертной «Летучей мыши».

Алла Зубкова

Король

На чествованиях и банкетах его называли «человеком, в жилах которого пенится шампанское». Иоганн Штраус только улыбался в ответ. Зачем рассказывать людям о постоянных страхах, которые отравляли ему жизнь? Страх перед сквозняками и простудами, перед железнодорожными катастрофами. Он за целую милю обходил кладбища, не мог заставить себя написать завещание, а по ночам его мучили мысли о смерти. Одного только не боялся «король вальсов» — того, что иссякнет источник его божественного вдохновения...

Вальсов

Иоганн Штраус-младший появился на свет 25 октября 1825 года в семье знаменитого венского капельмейстера. Внешне в доме все как будто обстояло благополучно. Однако совместная жизнь с преуспевающим, но вспыльчивым и деспотичным маэстро была весьма нелегкой для

его супруги Анны. Полностью поглощенный работой, Иоганн-старший не уделял времени воспитанию трех сыновей и двух дочерей, предоставив заниматься этим жене. Дети росли в атмосфере, насыщенной музыкой. Оркестр часто репетировал у них дома, и маленький Иоганн, которого домашние ласково называли Шани, притаившись в укромном

*Иоганн Штраус
в юные годы*

уголке, любовался элегантной манерой игры музыкантов и дирижерским умением отца. Он, как и его младший брат Иозеф, пел в хоре и брал уроки фортепиано, но отец и думать ему запретил о карьере музыканта. Мальчик, по его мнению, должен заниматься чем-то более серьезным. Но все его старания отвести Шани от музыки были тщетны, тем более что и мать оказалась на стороне сына. Как драгоценную реликвию хранила она первый вальс, написанный Шани в шестилетнем возрасте. Однажды отец услышал звуки скрипки, доносившиеся из детской. Подойдя к двери, он был поражен: Шани в праздничном ко-

стюме стоял перед зеркалом и играл один из вальсов отца, в точности подражая его манере держаться на эстраде, дирижировать, раскланиваться. В результате допроса «с пристрастием» выяснилось, что сын уже давно тайно берет уроки игры на скрипке. Более того, его учителем оказался один из лучших скрипачей штраусовского оркестра. А оплачивались эти занятия из заработков от уроков, которые он давал в семье соседа — портного. По приказу отца скрипка была немедленно упрятана в сундук. Но и на этот раз выручила мать: взамен старого инструмента она купила новый, и все пошло по-прежнему.

В угоду отцу, Шани, окончив курс гимназии, поступил в коммерческое училище, но через два года был отчислен — во время урока, увлекшись сочинением какой-то мелодии, он запел во весь голос. Между тем над семьей Штраусов все больше сгущались тучи. Отец завел роман с молоденькой модисткой Эмилией Трампуш и после длительных хлопот, получив развод, женился на ней. У Штрауса появились дети от второго брака, и он все реже выплачивал ежемесячное пособие первой семье. В дом пришла нужда. Перед Иоганном-младшим встал вопрос о необходимости содержать семью, главой которой он оказался. К этому времени ему исполнилось восемнадцать. Иоганн уже несколько лет занимался контрапунктом и гармонией у капельмейстера одной из венских церквей, Иозефа Дрекслера. Тот высоко ценил музыкальный талант юноши. Правда, порой, когда Иоганн садился за орган, своды церкви оглашали звуки не торжественной фуги, а жизнерадостного вальса. Но Дрекслеру было трудно сердиться на своего обаятельного ученика, который утверждал, что «славит господа на том языке, к которому привык с детства». Кстати, именно рекомендация Дрекслера оказалась решающей, когда Иоганн обратился в венский магистрат с просьбой разрешить ему «зарабатывать на жизнь дирижированием». Он твердо решил стать композитором и руководителем танцевальной

«капеллы», поклявшись сделать все, чтобы превзойти отца. Девятнадцатилетний Иоганн собрал небольшой оркестр и после непродолжительной, но весьма грамотно организованной рекламной кампании, 15 октября 1844 года дебютировал в знаменитом казино Фердинанда Доммайера. Это событие стало сенсацией. Все понимали, что своим дебютом Штраус-младший сознательно и демонстративно противопоставляет себя отцу, который был общепризнанным властителем в мире венской музыки. Казино было заполнено до отказа еще до наступления вечера. От столика к столику переходила молва, что старший Штраус сделал все, чтобы воспрепятствовать дебюту сына. И это была суцая правда. Отец не хотел делиться славой даже с собственным сыном. Но, после того как в зале появился бледный, необычайно элегантный в своем синем фраке с серебряными пуговицами Иоганн (журналисты разнюхали, что за костюм этот портному еще не заплачено) и уверенно повел за собой свой оркестр, венцы поняли, что отныне в их городе — два Штрауса. Произведения молодого композитора встречались бурными аплодисментами. А когда в знак уважения к отцу Иоганн исполнил его шедевр, вальс «Лорелея», аплодисменты усилились — публика оценила этот жест. На следующее утро друг старого Штрауса, присутствовавший на концерте, кратко, но емко поды-

тожил свои впечатления: «Негодник был чертовски хорош».

Последующие несколько лет отношения между отцом и сыном оставались прохладными. Неприязнь Штрауса-старшего еще больше усилилась после отказа Иоганна пойти помощником к нему в оркестр. Вкусивший первые плоды славы молодой человек теперь уже не мог пожертвовать творческой самостоятельностью. Примирение наступило только в 1847 году. В день рождения отца Иоганн с десятью музыкантами появился рано утром под окнами именинника и исполнил одно из лучших его творений — «Дунайские песни». Расстроганный Штраус спустился во двор и молча протянул сыну руку. Впервые после долгих лет они обнялись.

Штраус-старший скончался в конце сентября 1849 года. Он заразился скарлатиной от одной из своих дочерей от Эмилии Трампуш, и болезнь осложнилась менингитом. Прихватив детей, Эмилия сбежала из дома. Знаменитый композитор умер в одиночестве в большой пустой квартире. Вскоре после этой трагедии музыканты его оркестра в полном составе явились к Иоганну и торжественно преподнесли ему дирижерскую палочку отца. Это был знак окончательного примирения.

В течение трех последующих лет Штраус убедительно доказывал свое право занимать место отца. Он руководил уже не одним, а четырьмя оркестрами, с трудом поспевая с одного концерта или бала на дру-

гой. Кстати, сам Штраус никогда не танцевал, и не потому, что у него не было времени — просто не умел. Напряжением всех своих сил он завоевывал симпатии публики и одновременно раскрывал все богатство своего гения. Позже он привлек к управлению оркестрами и двух своих талантливых братьев, Иозефа и Эдуарда. Теперь уже все члены семьи Штраусов становятся кумирами Вены, а вскоре со своими оркестрами они начали гастролировать по всей Европе, принося туда очарование и аромат венского вальса.

Осенью 1855 года Иоганн неожиданно получил настоящий подарок судьбы в виде приглашения дирекции Царскосельской железной дороги в России занять место дирижера летних концертов в Павловске, с огромным по тому времени окладом в 22 тысячи рублей за сезон.

Павловск был конечным пунктом пригородной линии, идущей от Санкт-Петербурга. Вдоль железной дороги шли поместья царя и высшей русской знати, а сам Павловский вокзал располагался посреди огромного парка и вмещал в себя гостиницу, ресторан и концертно-танцевальный зал. Чтобы сделать линию рентабельной, дирекция дороги в течение всего лета устраивала концерты и балы. В середине мая 1856 года Штраус начал свой первый из двенадцати павловских сезонов. Он открыл программу увертюрой «Черт знает что» и сразу же покорила публику своими вальсами и польками, став кумиром рус-

Ольга Смирницкая

ской публики, прежде всего, разумеется, дам.

Однажды к Штраусу явился офицер одного из гвардейских полков и заявил, что вынужден вызвать маэстро на дуэль, так как его жена каждый день посылает в дом музыканта букет красных роз. Иоганн провел офицера в огромную комнату, свободную от мебели и целиком заваленную цветами. «Эти цветы доставлены только за вчерашний день, — объяснил он, — желаете найти букет вашей супруги?» Офицер щелкнул каблуками и, извинившись, заявил, что инцидент исчерпан.

На концертах Штрауса довольно часто присутствовали члены царской семьи, а брат императора, ве-

ликий князь Константин, сам очень неплохой музыкант, иногда исполнял в оркестре партию виолончели.

В Павловске Иоганн впервые познал и настоящую любовь. Ее звали Ольга Смирницкая, и она принадлежала к высшему петербургскому светскому обществу. В этой девушке причудливо сочетались детская непосредственность и лукавое кокетство, сентиментальность и острый ироничный ум. Она отличалась не только пленительной красотой, но получила блестящее воспитание и была намного образованнее и начитаннее девушек того круга, с которыми встречался Иоганн в Вене. Благожелательность Ольгиной тети позволила им встречаться почти каждый вечер, а когда свидания были невозможны, они переписывались. Романтичная Ольга отыскала в парке старое дерево, в дупле которого влюбленные оставляли друг другу нежные послания. Иоганн просил девушку поговорить с родителями, но Ольга постоянно откладывала роковое объяснение, понимая, что при одном только намеке на ее брак с музыкантом, даже таким известным, как Штраус, дома разразится буря. Так оно и случилось. Визит Иоганна в дом Смирницких положил конец всем его надеждам. Мать Ольги решительно потребовала прекращения их встреч и переписки. Какое-то время после этого они еще переписывались, но постепенно и переписка сошла «на нет». Иоганн вернулся в Вену, а Ольгу вскоре выдали замуж.

Генриетта Трефц (Йетти)

Время брало свое, зарубцовывалась и эта рана, тем более что в Вене Иоганн встретил женщину, которой суждено было сыграть огромную роль в его жизни. На одном из светских раутов он познакомился со знаменитой в прошлом певицей Генриеттой Трефц. Талантом этой оперной дивы восхищались Берлиоз и Мендельсон, посвящавшие ей свои произведения. За несколько лет до встречи со Штраусом она в расцвете творческих сил покинула сцену, однако по-прежнему оставалась заметной фигурой в творческих кругах Вены. Иоганн влюбился в нее с первого взгляда. Ни почти десятилетняя разница в возрасте, ни ее прошлые увлечения и связи (у нее было не-

Адель Штраус и Иоганн Штраус

сколько детей от разных мужчин) не повлияли на принятое им решение жениться. Чувства Йетти были не менее сильны. Но она уже почти тринадцать лет являлась официальной любовницей и хозяйкой дома банкира Морица Тедеско, от которого имела двух дочерей. Тем не менее, Йетти, не задумываясь, приняла предложение Штрауса. Тедеско оказался человеком великодушным. Он не только не препятствовал сближению влюбленных, но выделил ей щедрое содержание. Это дало возможность новобрачным (а обвенчались они в конце 1862 года) устроить свою жизнь достаточно богато. Вскоре они приобрели изящный особняк близ Шен-

бруннского парка. Теперь Штраус был свободен от необходимости зарабатывать себе на хлеб насущный и мог всецело отдаться сочинению музыки. Что касается Йетти, то она стала для Иоганна всем: возлюбленной и секретаршей, музой и сиделкой, министром финансов и импресарио. Это было время наивысшего творческого подъема композитора. Именно тогда он написал ряд вальсов, каждый из которых сам по себе мог бы обессмертить его имя — «Голубой Дунай», «Жизнь артиста», «Сказки венского леса», «Вино, любовь и песни», «Венская кровь». Любопытна судьба создания самого знаменитого вальса Штрауса — «Голубой Дунай». Впервые он

был исполнен в феврале 1867 года. Штраус посчитал это выступление чуть ли не провалом — публика не потребовала повторения вальса, но уже через несколько месяцев на Международной выставке в Париже «Голубой Дунай» покорила всех. Издатель Штрауса не успевал удовлетворять нахлынувшую лавину заказов. В короткий срок тираж вальса достиг фантастической цифры в 1 миллион экземпляров. Издатель сделал себе на нем целое состояние, а Иоганн получил 150 талеров — сущие крохи. Впрочем, на заработки в то время он уже не жаловался. В голове его роились бесчисленные замыслы. «Все мы, чтобы жить, должны вдыхать воздух, Штраус должен

еще и выдыхать мелодии», — писал в то время один близко знавший его журналист. Сочинять Штраус мог в любое время и в любом месте. Если под рукой не оказывалось нотной бумаги, он мог записывать музыкальные фразы на оборотной стороне меню, на своих крахмальных манжетах, денежных купюрах или носовых платках. Однажды интересная мелодия пришла к нему в голову ночью, и он записал ее на простыне.

Ему приходилось много путешествовать по Австрии и Европе, и это было для него настоящей пыткой. Он смертельно боялся ездить на поездах. Страх крушения преследовал его постоянно. Он наглухо задергивал занавески в купе и ложился на пол, ставя рядом с собой бутылку

шампанского. Увы, это было не единственной его фобией. Композитор, воспевавший радости жизни, панически боялся простуд, приступов невралгии и других недугов. Но все эти страхи меркли перед тем поистине животным ужасом, который он испытывал при одном упоминании слова «кладбище». Достаточно сказать, что он не смог заставить себя пойти даже на похороны горячо любимой матери. Интересно, как он реагировал бы, узнав, что одна дама в своем завещании просила похоронить себя под его музыку?

Популярность Штрауса не только в Австрии, но и во всем мире росла с каждым годом. Способствовало этому и начало его работы в новом жанре — оперетте. За короткое

время им было создано несколько замечательных произведений, среди них и блестящая «Летучая мышь». В 1876 году Штрауса пригласили в США, отмечавшие столетие своей независимости. Празднества носили поистине грандиозный характер. В Бостоне специально был воздвигнут колоссальный концертный зал, вмещавший сто тысяч зрителей. В нем Штраусу предстояло дирижировать двадцатью тысячами музыкантов и певцов, и, чтобы облегчить ему задачу, каждый его жест должен был передаваться всей этой массе исполнителей через сотню помощников — «промежуточных дирижеров». Естественно, в подобных условиях говорить о художественности исполнения не приходилось. Предстояло исполнить «Голубой Дунай». Сигналом к началу выступления был пушечный выстрел, и Штраус взмахнул палочкой. Сотня дирижеров старалась как можно быстрее повторять его движения. Позднее композитор вспоминал: «Поскольку мы вступили более или менее одновременно, я думал только о том, как бы и окончить так же одновременно. Слава Богу, это тоже как-то удалось. Публика разразилась воплями и аплодисментами, а я с облегчением покинул зал. Мне все время казалось, что оркестр играет чужую музыку. Вместо «Голубого Дуная» американцы услышали завывания океана».

Поклонники буквально не давали ему проходу, особенно экзаль-

тированные дамы, жаждущие получить от маэстро на память локон его волос. Предприимчивый лакей Штрауса не отказывал никому, продавая надушенные конверты, правда, для этого ему пришлось основательно постричь любимого ньюфаундленда композитора.

Наконец турне завершилось, и Штраус с триумфом вернулся в Вену.

Между тем в его личной жизни назревала серьезная драма. Верной Йетти было уже за шестьдесят. Ее силы заметно пошли на убыль, одолевали серьезные недуги. Настроение не улучшали и доходившие до нее слухи о романах Иоганна на стороне. Но главные осложнения возникли из-за ее детей. Вернее, старшего сына. Человек без определенных занятий, он постоянно вымогал у матери деньги. Штраус был человеком великодушным и щедрым, но наглость молодого человека выводила его из себя, и он, в конце концов, указал ему на дверь. Естественно, все это заставляло Йетти жестоко страдать. Однажды вечером, вернувшись домой, Иоганн застал слуг в смятении. Йетти, оказывается, получила от сына письмо, полное угроз, и потеряла сознание. Так и не придя в чувство, она через несколько часов скончалась. Нужно знать тот непреодолимый страх, который Штраус всегда испытывал перед смертью, чтобы понять все произошедшее дальше. Потрясенный Иоганн немедленно покинул дом. Упросив своего младшего бра-

та Эдуарда заняться похоронами, он уже через два часа выехал в Италию, и похороны Йетти прошли без него. Это случилось в начале апреля 1878 года, а уже через полгода музыкальная Вена с удивлением узнала, что «король вальсов» женился на молодой певице Анжелике Лили Дитрих. Штраус действовал с безрассудством юности. В театральных кругах ему, разумеется, могли бы разъяснить, на какую авантюру он пускался, вступая в брак с этой тщеславной дамочкой, но маэстро никого ни о чем не спрашивал и никого не желал слушать. Он упивался своей страстью. Отрезвление пришло доста-

точно скоро. Штраус узнал, что Лили находится в любовной связи с другим мужчиной, директором одного из венских музыкальных театров, и, взбешенный, бежал от всех: отправился путешествовать.

Впрочем, маэстро недолго оставался в одиночестве. И на этот раз провидению было угодно вознаградить его за прошлые потери и разочарования. По странному совпадению, женщина, с которой композитору суждено было связать свою судьбу, еще до замужества с «королем вальсов» носила фамилию Штраус. Это была фамилия ее умершего супруга, который не приходил-

ся родственником семейству музыканта. Для того, чтобы развестись с Лили и заключить новый брак, Иоганну пришлось перейти из католичества в лоно евангелической церкви. Но он был готов и не на такие жертвы. Адель была еще моложе Лили, а в нравственном отношении полной ее противоположностью. Необычайно эффектная, грациозная женщина отличалась глубокой порядочностью, а, главное, искрен-

не любила и уважала Штрауса. Иоганн утверждал, что Адель подарила ему «третью молодость», а по ее собственному признанию, у нее никогда не возникало ощущения, что она вышла замуж за пожилого человека. За шестнадцать совместно прожитых лет они ни разу не расставались больше, чем на сутки. Ради Адели Штраус старался выглядеть молодо. Он поддерживал себя в форме, занимался верховой

*Памятник
Штраусу
в венском
парке*

ездой. Кстати двух своих любимых чистокровных лошадей он в эти годы вывез из России — таков был гонорар за несколько его концертов в Москве.

Дом маэстро славился своим гостеприимством. Друзья, среди которых был и великий Брамс, наслаждались чудесной искренней атмосферой, царившей на званых вечерах Штрауса. Дружеский смех и аплодисменты неизменно вызывало выступление любимого попугая хозяина, который виртуозно, без единой ошибки, насвистывал вальс «Голубой Дунай».

Адель старалась создать мужу идеальные условия для работы, и он трудился много и плодотворно. Среди его вальсов особенной популярностью пользовались «Весенние голоса». Великий Лист был без ума от этого вальса. Огромный успех имела оперетта Штрауса «Цыганский барон», которая впервые была исполнена 24 сентября 1885 года, за день до шестидесятилетия автора. Он сам дирижировал ею, и публика устроила ему настоящую овацию.

Согласно опросам общественного мнения (они уже стали проводиться в то время), Штраус был одним из самых популярных людей в Европе, уступая лишь английской королеве Виктории и германскому канцлеру Бисмарку. На чествовании композитора в связи с пятидесятилетием его творческой деятельности он получил поздравления от

многих выдающихся деятелей культуры — Верди, Леонковалло, Сары Бернар. Великий французский писатель Эмиль Золя заявил: «Я написал 22 романа, но у меня не хватает слов, чтобы выразить свое восхищение маэстро Штраусом».

Шел 1899 год. Композитор был еще полон дерзаний и решил испытать свои силы в создании балета. В качестве сюжета он выбрал сказку «Золушка». Увы, ему не суждено было закончить эту работу. В конце мая он простудился, и врачи диагностировали двустороннее воспаление легких. Штраус всю жизнь боялся смерти, но она оказалась милостивой к нему. Он скончался во сне 3 июня в 16 часов 15 минут. Спустя час, во время концерта, который проходил в Фольксхартене, кто-то принес музыкантам весть о кончине великого маэстро. Дирижер взмахнул палочкой. Приглушенно и печально полилась музыка «Голубого Дуная». Слушатели как по команде поднялись со своих мест. Они все поняли. Многие плакали. Через три дня почти сто тысяч венцев провожали Иоганна Штрауса в последний путь. Похоронен он был на венском Центральном кладбище.

Все свое состояние композитор завещал музыкальному обществу. А Адель, живя на ренту, пережила своего мужа на 30 с лишним лет, полностью посвятив себя созданию музея Штрауса и публикации его произведений... □

Чисто КОМПЬЮТЕРНОЕ Убийство

ГЛАВА 4

ГЛАВНОЕ — НЕ ПРОПУСТИТЬ

Когда-то Казик Слухотский и Валик Петляков учились в одной школе, в параллельных классах. Тесно общались на футбольном поле, выступали вместе за сборную команду школы. Казик был центральным нападающим и капитаном команды, а Валик — вратарем, поэтому в школе они были личностями известными и уважаемыми. Из этой пары Слухотского учите-

Окончание. Начало в №4, 2014

ЧИСТО КОМПЬЮТЕРНОЕ УБИЙСТВО

ля считали более одаренным, но неупорядоченным. Он мог бы учиться на одни пятерки, но из-за несерьезного отношения к оценкам перебивался с двойки на пятерку, получая и то, и другое с одинаковой легкостью. Кроме того, Казик постоянно принимал участие в каких-то сварах, драках, что к его популярности футболиста добавляло и славу хулигана. В общем, амплу футбольного нападающего подходило и ко всем другим его жизненным установкам.

Валик же в учебе и в игре руководствовался принципом — не пропустить. Не пропустить гол в защищаемые им ворота, запятую в предложении, урок или комсомольское собрание. Естественно, что он был членом комсомольского комитета школы и учился на круглые четверки. До пятерок не хватало даровитости, а тройку в своем табеле он просто не мог допустить, потому что по жизни был вратарем.

Последний раз их видели вместе на школьной дискотеке в выпускном классе. Но год этот оказался выпускным только для Валика Петлякова. У Казика Слухотского этот год стал «впускным», точнее «вступительным». Он попал под суд то ли за злостное хулиганство, то ли за попытку ограбления, и это стало блестяще сданным вступительным экзаменом в особый университет.

А у Валика дальше был институт, стройка, райком комсомола. Перестройку он встречал, уже будучи инструктором райкома партии. Затем вместе с товарищами по партии перестроился в хозяйственника — стал заведовать крупной универсальной базой, которую в результате и приватизировал, превратив практически в единоличную частную собственность. Здорово нагрел руки на черной торговле модным в недавнем прошлом заграничным спиртом «Ройял» и импортной электроникой, он, таким образом, остался верен себе и не пропустил ни одной возможности присвоить ничейное и обогатиться. Правда, Валерий Яковлевич иногда сильно расстраивался по поводу того, что

другие его соратники достигли гораздо больших материальных высот в виде серьезной недвижимости и солидных счетов в иностранных банках. Но утешением ему служило то обстоятельство, что другая группа однопартийцев, в свою очередь, преуспели гораздо меньше Петлякова, ограничившись владением разнообразными ТОО и ООО — обществами с ограниченной ответственностью. Ограниченность, она и предназначена для ограниченных людей, думал он с тайным злорадством, никак не причисляя себя к этим ограниченным.

Однако в своих действиях Валерий Яковлевич был все же сильно ограничен и в глубине души это сознавал. Но привычка выполнять все приказы сверху, даже если ты с ними не согласен, позволяла ему не тяготиться теми рамками, в которые он был зажат. А зажат он был между двумя монолитными и нерушимыми стенами. С одной стороны, это были официальные службы охраны законности, опасаться которых у Петлякова имелись веские основания. С другой — совершенно противоположные по назначению службы, не имеющие на своих фуражках кокарды с гербом. У этих служб были свои гербы, но в других местах, нанесенные синей краской на всевозможных участках тела, не отвинчивающиеся и не смываемые.

Людей в фуражках с гербом было отчего побаиваться, и причиной этого страха служила вся хозяйственно-экономическая деятельность Петлякова и его огромной, с уже многочисленными филиалами, универсальной базы. Но к ним, фуражкам, Валерий Яковлевич пошел сам. И прямо в верхний эшелон. Там он нашел своих друзей по комсомольско-партийной работе и заручился у них взаимопониманием и поддержкой. Тоже взаимной. Они поддерживали его, он поддерживал их. А их он поддерживал не только за локоть после совместных возлияний где-нибудь в частной сауне.

Его взаимоотношения с людьми в татуировках были в чем-то похожими на только что описанные, только там, наоборот, инициатива исходила не от Петлякова. Не он к ним пришел с предложением взаимопомощи, а они к нему с тем же предложением.

Валерий Яковлевич знал законы общественного развития и не стал строить из себя невинного бедного ягненка, когда к нему в главный офис, о местонахождении которого, не говоря уже о возможности прорваться лично к Петлякову, дано было знать очень узкому кругу лиц, прибыли на двух джипах неразговорчивые молодые люди. Валерий так и не понял причину их неразговорчивости: то ли у них был запрет на лишние разговоры, то ли дело заключалось в отсутствии словарного запаса. Во всяком случае, когда один из этих «краснобаев» все-таки изрек: «На вас наложен налог» и стал протягивать какую-то бумажку, очевидно, с цифрой, Петляков, уняв внутреннюю дрожь, решительно ответил, что он не отказывается, но должен все обсудить с их хозяином.

Валерий Яковлевич еще со времен своей партийной деятельности усвоил основной закон социалистического общения — обращаться всегда на самый верх. Многие ошибочно полагают, что, если тебе нужно украсть гайку или болт, вернее, выточить их на казенном оборудовании за казенный же счет, то нужно обратиться к тому, кто их вытачивает, то есть к работяге. Да, это так, если тебе нужна одна гайка или болт. А если тебе нужен минимум один вагон этих гаек или болтов? Или они нужны ежедневно в течение, скажем, десяти лет? Вот то-то же, если и обращаться к работягам, то нужно задействовать несколько тысяч человек. Или — одного директора! Вот в чем этот ребус, который давно уже разгадан умными людьми. Поэтому ушлый преступник обращается сразу к самому главному прокурору, а опытный крупный хозяйственник решает свои дела только с самым главным руководителем.

Итак, в ответ на наезд рэкета Валерий Яковлевич потребовал встречи с главарем этой шпаны. Услышав такую неожиданную претензию лысого хозяина офиса, который начал качать права и потребовал разговора с боссом, ребята переглянулись, пожали плечами и удалились почти так же молча. Только самый разговорчивый из них кивнул головой и уронил: «Ждите!» Чего ждать и сколько, он не уточнил. Но обращались они к нему, и это с удовлетворением отметил для себя Петляков, на «вы».

Математика говорит, что параллельные прямые никогда не пересекаются. Но жизнь богаче всякой математики, да и жизненные пути не бывают прямыми. Ах, эта наша жизнь! Она порой как линза преломляет траектории наших судеб и фокусирует совсем, на первый взгляд, несовместимое в одной точке. Вот и сейчас, через двадцать с лишним лет, до сих пор параллельные и, казалось, никогда не могущие перехлестнуться дорожки вора в законе и партийного функционера, центрального нападающего и вратаря, сошлись в одном фокусе —

в великолепно обставленной, соединенной из трех, квартире дома на Васильевском острове.

Следов постоянного, оседлого проживания в этой квартире не наблюдалось. Это был своеобразный штаб. Даже огромная карта России на стене, с пометками в виде оранжевых кружочков, обозначающих места расположения лагерных зон, пересылок и тому подобных географических объектов, ассоциировались в сознании если не со знаменитой по фильмам картой военных фронтов верховного главнокомандующего, то уж со штабной картой маршала Жукова — точно. И, конечно, тут же на специальных подставках стояли не запыленные бездействием современные высококлассные компьютеры.

«Да-а, ментовке далеко до этого», — глядя на них, подумал Петляков. Он перед приходом сюда побывал у своего знакомого начальника районного управления, занимающегося вопросами борьбы с организованной преступностью и, честно рассказав о притязаниях, как их называют, криминальных структур, попросил совета. Тот успокоил его тем, что высказал свои соображения насчет наезда:

— Да ты, Валерий Яковлевич, не волнуйся очень-то. Это никакие не тамбовские или там чеченские варяги. Насколько я понимаю, а я ведь тут кое-что понимаю, это наши, питерские. Можно сказать, земляки. Скорее всего, это ребята Кызи. Есть у нас тут один солидный авторитет, под ним четверть Питера ходит, а остальные три четверти с ним дружат.

— Как же так! Вы знаете и не можете ничего противопоставить? — возмутился, было, Валерий Яковлевич, но вовремя спохватился и смиренно добавил: — Хотя, конечно, понимаю.

— Вот именно! — подхватил его мысль милицейский руководитель. — Мы все о нем знаем, все мысли и дела. Ну, с мыслями-то я, может, и подзагнул, а вот дела — точно. Но лично против него у нас ничего нет, да и не будет. Он — «туз», а дела, в основном, делают «шестерки». А между тузом и шестеркой, посчитай, сколько карт этой преступной масти! Семерки, восьмерки и так далее. Потом еще дамы да короли. А у нас теперь правовое государство. Что ты сделаешь с этим Кызей, что ты ему предъявишь, если он лично давно уже ни одной мухи не пришиб, ни одного личного указания кого-нибудь обидеть не давал. Никто и никогда не подтвердит, что давал. Так что у нас с ними скорее холодный мир, чем холодная война.

Валерий Яковлевич молча слушал эти всем давно известные сентенции и согласно кивал, изображая удрученную смиренность.

— Кстати, если уж возникнет крайняя необходимость, я могу с ним поговорить. Но, сам понимаешь, просто так гусей дразнить... Они хоть и подчиняются своим законам, часто бывают непредсказуемы.

Петляков и не думал о том, чтобы получить от милиции какую-то защиту. Он был тертый в этих вопросах и знал, что платить придется. Весь вопрос в том, как соотнести эту плату с доходом. Если назначат плату рубль, значит, надо для себя украсть два. Потребуют миллион — укради два. Правда, потом вымогатели проведут корректировку на увеличение доходов и увеличат ставку своего налога, но это все в порядке вещей и объяснимо законами экономики. Государство тоже именно так и делает. Так вот, Валерий Яковлевич на всякий случай застраховался тем, что вроде бы обращался в органы милиции. В то же время он получил успокоительную устную справку о том, что ментовка в курсе его отношений с авторитетом, и, если возникнет такая крайняя необходимость, он эту заявку тому авторитету может предъявить. Удостоверившись, что связь между милицейским руководителем и воровским авторитетом существует, Петляков успокоился — значит, он пока в безопасности.

Вот с такой предысторией началась эта встреча двух бывших однокашников. Но то, что они бывшие однокашники, знал пока только один из них. Кызя собрал все необходимые сведения о приглашенном к себе госте через свои «разведывательные органы» сразу после того, как ему передали, что тот требует встречи с ним. А, узнав, не очень удивился. Чуть не четверть века тяжелой, поначалу звериной борьбы за выживание не только выбелили глаза и обтянули кожу до костей, но и напроць лишили его сентиментальности. Он спокойно вошел в просторную комнату, где возле дивана, не садясь, ожидал его прихода плотный и солидный мужчина. Не знай он, что когда-то тот, надев вратарские перчатки, показывал образцовую подвижность и реакцию, не поверил бы, что перед ним стоит бывший его кореш.

Валерий Павлович повернулся к вошедшему, цепким быстрым взглядом партийного инструктора

ра окинул его, как бы набрасывая портрет и составляя ему служебную характеристику, настороженно поздоровался, обескураженный блеклостью и бесцветностью авторитета. Что-то шевельнулось в его памяти, но он сразу не признал своего бывшего школьного друга.

— Ну, здорово, Валя! — произнес вошедший, называя Петлякова так, как его давным-давно называли товарищи по футбольной команде. В школе его обычно звали Валик, в институте — Валера, а потом, в кабинетах — Валерий Яковлевич.

— Погодите-ка, постой! Неужели Казик! Елки зеленые! Вот так встреча! — Валера засуетился, радость и страх заговорили в нем одновременно. Внутренний голос подсказывал ему, что перед ним сейчас не его школьный друг и центр нападения его команды, а закоренелый вор, пахан, властитель темных сил Петербурга Кызя.

А тот стоял напротив, бесстрастно взирая на не знавшего, как себя вести, потерявшего чувство равновесия вратаря. Наконец, прекращая душевные муки забытого вместе с прошлой жизнью приятеля, Кызя протянул руку для пожатия:

— Узнал, говоришь? Ну, тогда еще раз здорово! Как жизнь?

Как Валя жил, что делал, Кызя и так знал, поэтому импульсивную попытку гостя действительно начать рассказывать, как у него жизнь и что где болит, он сразу же прервал следующим деловым вопросом:

— Говорят, ты хотел со мной побазарить. У тебя что-то есть предложить?

Они стояли друг против друга, такие в прошлом близкие и такие теперь далекие. Один — на переднем крае нападения, а другой — на последнем рубеже защиты.

— Слушай, Казимир Пырьевич. — Как Петляков вспомнил отчество Слухотского, для него и самого осталось загадкой. Он его и знать-то мог, скорее всего, только по протоколам да заявочным спискам на матчи. Столько воды утекло с тех пор, а, поди ж ты, память сохранила его в своих закромах и сейчас выдала. — Я понимаю, что законы, хоть светского мира, хоть ваши, надо выполнять. И платить вам я буду. Единственное — я надеюсь, что плата будет соразмерна моим скромным возможностям, а «крыша» будет надежной. А то я вот до сих пор платил одной вашей организации, — при слове «вашей» Кызя поморщился, — так у меня в Озерках целую партию югославских аккумуляторов увели. Концов и по сию пору не нашли, да и убытки на себя не взяли.

— Ну, концы мы поищем, хотя дело это прошлое, к тому же и не наше. Но ты давай ближе к делу, Петля. — Кызя первый раз назвал его так, хотя в детстве это естественное прозвище не раз фигурировало в обращении подростков. Но сейчас прозвучавшая кличка «Петля» как нельзя лучше

ЧИСТО КОМПЬЮТЕРНОЕ УБИЙСТВО

укладывалась в тему разговора и в дальнейшем за ним закрепились.

— Ну а по делу я хотел рассказать вот о чем. Понимаешь, по ходу моей работы приходится встречаться и заводить отношения с очень многими людьми. И вот среди таких знакомых есть один военный чин, морской, секретный. Нас познакомила одна моя, ну, сам понимаешь, женщина, в общем. Иногда он обращается ко мне по поводу того-сего, запчасти там, фигли-мигли. А я его держу про запас, думаю, может, когда и пригодится.

Так вот, встретились мы недавно по его инициативе, и он сказал, что у него есть какое-то интереснейшее изобретение. Можно на определенной территории установить какие-то там штуки, компьютеры и всякую муру, запустить программу, и все, кто там есть, или заболеют, или с ума сойдут, или даже сдохнут. Это как настроишь регулятор. Как я его понял, он хочет найти надежного и денежного покупателя на это «ноу-хау» — так эта штукovina по-ихнему называется. И еще желательно, чтобы рядом были какие-нибудь элементы крупных конструкций и трубопроводы. Причем трубы могут быть и под землей. Главное — чтобы по ним что-то текло. Ну а у нас в городе, да и в любом другом городе тоже, все коммуникации под землей. В любом месте, куда ни ткни, попадешь на какую-нибудь трубу. Сам-то я хоть и строитель, правда, бывший, но ни хрена в этом не могу разобраться. Так вот, я и подумал, может, вас заинтересует такое предложение?

В голове Кызи промелькнули огороженные колючкой участки лагерной зоны, с ее вышками, охранниками и прочими символами смертельных запретов. Несмотря на то, что он уже несколько лет жил вольной и вполне цивилизованной жизнью, его память все измеряла по вьевшимся во все клеточки организма меркам лагерной жизни. Вот куда они могли бы применить свои научные изобретения. Никакой душегубки, газовой камеры не надо. Тут его все еще острый ум подсунул из

памяти часто мелькающую в современных кино-теле-триллерах дешевую ситуацию. В финале таких фильмов герои оказываются в каком-нибудь огромном недостроенном здании или пустующем цехе со всякими там кран-балками, перилами, многоэтажными перекрытиями, лестницами и прочей искусственно-промышленной требухой. Начинаются примитивные погони, стрельба, кто-то куда-то падает, цепляется за вдруг появившиеся канаты, ужимки и прыжки и прочая галиматья.

Но такие места, и не только в кино, а иногда и в действительной жизни, выбираются для «стрелок» и всяческих разборок. И вот если противную сторону заманить в такое помещение, например, в подвал, можно из них сделать то самое, о чем сейчас трекает этот фармазон! Да и вообще — тут такое можно придумать! Это даже лучше карманной атомной бомбочки. А, главное, никто из соперников ни о чем таком вроде бы не только не знает, но и в своих бредовых фантазиях вообразить не может.

Кызя слушал Петлякова молча, смотрел на него почти не мигая и никак не показывая, какая буря чувств всколыхнулась в нем в результате сообщенных ему сведений. Когда Валерий Яковлевич умолк и вопросительно посмотрел на Кызю, что он думает обо всем этом, тот лениво пригасил сигарету и равнодушно скользнул бесцветными глазами по возбужденному лицу Петлякова:

— Ну, и что? Ты к чему это, Петля? Я тебе подобных сказок столько могу порассказать — всем твоим базам не хватит места, куда их складывать. Ты сам видел все это?

— Да нет, Казик, сам не видел. Но человек очень уж ответственный. Говорит, не хочется просто так, по дешевке, отдавать все государству. Все равно будут использовать против нас же самих. А у вас, я смотрю, все чинчинарем, все по-современному: вон, и компьютеры, и всякая новая электронная техника. Короче, видно, что человек он с понятием, и хочет заработать.

— А раз сам не видел, так и не бери на себя ответственность за чужие слова. Слова хоть и чужие, но, если ты их произносишь, значит, ты за них и отвечать должен. — Кызя, как бы играя, жестким плотным кулаком слегка постукал несколько раз по челюсти Петлякова, но так, что голова бывшего вратаря дернулась. — А за слова, Валя, надо отвечать. Ты это учти, браток. — Он первый раз употребил такой термин, и, по мнению Петлякова, проявил этим признаки доверия к нему. Валерий Яковлевич понял, что к его рассказу отнеслись с вниманием, это его воодушевило и придало уверенности. — Ну, и как все это выглядит, ну, размеры, там, вес, транспортабельность, и сколько стоит? — уточнил Кызя.

— Насчет стоимости и всего прочего нужно еще говорить с ним. Если желаешь — я устрою встречу.

— Я буду иметь дело только с тобой, Петля, и только ты будешь за все отвечать. Твои комиссионные и прочая мура меня не интересуют. Ты называешь цену и отвечаешь за качество товара. Твоя ответственность вот здесь. — Кызя выпрямил указательный палец, направил его между бровями и чуть выше в лоб и выразительным ввинчивающим движением продемонстрировал степень ответственности посредника за предоставляемый товар. Петляков понял, что этот жест обозначал пулю, и жуткий холодок пронзил все его тело.

— Через неделю к тебе приедут мои ребята, будешь готов?

— Давай я лучше позвоню, скажи, куда. Тот чин высокий, и может куда-нибудь слинять, не сразу до него доберешься. А то слово дам, но не от меня зависит. А ты тут нагнал на меня страху.

— Вот тебе номер. — Кызя что-то крикнул в соседнюю комнату, и тот же парниша, что проводил Петлякова сюда, принес и протянул ему визитку какого-то общества, то ли массажного, то ли масонского — сразу не разглядеть, особенно, когда руки трясутся так, что хоть зажимай их в тиски. — Позвонишь, когда будет все точно определено.

И хорошо, что Валерий Яковлевич предусмотрительно не связал себя обязательством за неделю решить конкретные вопросы авторитета. Всю следующую неделю он не мог встретиться со своим военным — тот либо был в Москве, либо звонки к нему домой оставались безответными. А ровно через неделю ему самому позвонили в рабочий кабинет офиса. Секретарша по местной связи сообщила, что звонят из какого-то общества массового потребительского спроса, и спросила, соединять его или нет. Петляков вначале решил отмахнуться, не поняв, кто его добивается:

— Пусть оставят сообщение тебе, Верунчик. Я сейчас занят. — Он подумал, что опять какое-

то общество «униженных и оскорбленных» просит в порядке благотворительности выделить материальную помощь в размере. Но Верунчик через минуту снова с ним соединилась по короткой связи:

— Валерий Яковлевич, эти массовики настойчиво и как-то уж очень нагло потребовали передать вам, чтобы вы им срочно перезвонили. Говорят — это в его личных интересах.

— А номер оставили, куда звонить?

— Я спросила. У него, говорят, все есть.

Тут до Петлякова, наконец, дошло, в чем дело. Он порылся в «визитнице» и нашел нужную карточку, на которой было выбито: «Общество изучения массового потребительского спроса» и номера телефонов, факса и электронной почты. По своему прямому телефону набрал первый по порядку номер из приведенного списка. После нескольких пиканий и щелчков, связанных, очевидно, с внутренними переключениями, ему ответили.

— Это Петляков вас беспокоит, — представился Валерий Яковлевич. — Меня просили позвонить...

— Секунду, — сказала трубка ему, а кому-то там, на другом конце провода, сообщила: — это ваша «Петля».

Затем отчетливый, хорошо поставленный голос поинтересовался, как идут изобретательские дела. Петля виноватым тоном ответил, что связи с нужным клиентом пока не было, тот в командировке. Трубка молчала.

— Алло! Вы слышите меня? — Молчок. — Вы слышите меня? Алло! — повторял Петляков, не повышая голоса. — Алло! Вы слы...

— Ага, — сказала трубка, и тут же раздались короткие гудки.

Этот эпизод поселил в душе Петлякова непонятное чувство одновременно и страха, и неуверенности в себе, и ожидания чего-то неприятного. Он теперь ежедневно до часу ночи звонил и звонил своему знакомому — гудки оставались пугающе длинными. Наконец ему пришла в голову простая мысль — съездить к нему на квартиру.

Сергей Ильич Гаврилов — а это оказался он, собственной персоной, в махровым халате, с торчащими из него голыми икрами ног, — не сразу открыл дверь, долго всматриваясь в глазок.

— Ты, Валера, что ли? — для достоверности спросил он, открывая обыкновенный французский замок.

— Да ты, никак, приболел? — Валерий бочком протиснулся мимо Гаврилова в тесную прихожую и, протягивая хозяину до поры покоившуюся у него под мышкой красочную продолговатую коробку с французским «Наполеоном», добавил: — А то я звоню, звоню, думал, ты исчез куда-то. Вначале сказали — в Москве, а потом — вообще тебя нет.

— Раздевайся, проходи. У меня тут, сам понимаешь, холостяцкий бардак. Да еще, видишь ли, телефон пришлось отключить. Конспирация, по-

нимаешь. — И Гаврилов рассказал, что скрывается от притязаний одной дамочки, которая якобы обвиняет его в измене и терроризирует по телефону всякими угрозами. А на прошлой неделе его в собственном подъезде пытались избить какие-то юнцы, и, как он предполагает, это тоже связано с претворением угроз настырной дамочки. «Мне бы твои заботы», — подумал Петляков, прошел в комнату и передал по «мобильнику» водителю, ждущему внизу, в машине, что задержится минут на тридцать.

Гаврилов не скрывал, что коньяк «Наполеон» французского разлива пришелся ему по душе. Но, с другой стороны, такая штукавина является символом чего-то торжественного и очень важного. Придвинув журнальный столик к дивану и поставив на него маленькие массивные стопочки, он накромсал хлебным ножом залежавшийся в холодильнике лимон и стал ждать, что скажет гость. Спрашивать: «Ну, рассказывай, с чем пришел», вроде как-то и неудобно — ясно, с чем пришел, с коньяком, да не с простым. А вот зачем? — это другое дело. И гость не стал затягивать с прояснением ситуации.

— Видишь ли, Сергей Ильич, — начал Петляков, — ты мне недавно забрасывал удочку насчет покупателя на твою идею с изобретением. По контролю за территорией.

— Подожди-ка, ты о чем? — Гаврилов изобразил усилие, с которым он вспоминает об этом разговоре, хотя до мельчайших подробностей его помнил. Действительно, он предложил самому Петлякову быть заказчиком и профинансировать разработку идеи с инфразвуковой защитой территории. Для складов большой базы это, казалось, было самое то. Петляков тогда попросил поподробнее рассказать, как это все выглядит, как действует, сколько это может стоить, и добавил, что сможет, вероятно, еще кое-кого заинтересовать подобным предложением, даже вызвался быть посредником в поисках заказчиков.

«На комиссионных началах, разумеется», — полушутливо, полусерьезно сказал тогда он.

— Идет! — согласился Гаврилов и популярно объяснил, как действует эта штукавина, что собой представляет. Единственное, от чего он ушел — это от оценки стоимости. Просто сказал, что цена, поскольку устройство оригинальное и еще не растиражировано, будет приличная. Он не договорил тогда, что идея еще не испытана, требует серьезных проверок на «натуре», поскольку не ожидал, что Петляков так быстро развернется.

Сейчас Гаврилов изображал, что вспоминает этот разговор.

— Да-да, вспоминаю. Так что, уже и покупатели нашлись?

— Нашлись, Сережа, и очень такие, как бы это сказать... из самых крутых. — Валерий Яковлевич даже понизил голос при воспоминании о встрече с Кызей. — И их интересуют условия сделки. Люди, скажу тебе, очень серьезные. Пожалуй, даже серьезнее ваших военных.

Сергей сразу догадался, какого сорта эти покупатели. Мелькнула неприятная мысль, что этими заказчиками могут быть воинственные представители Северного Кавказа. Поэтому вслух он произнес:

— Валерий Яковлевич! Во-первых, из заказчиков я знаю, и намерен знать в будущем, только одного — тебя. Дела я буду иметь только с тобой, а что там у тебя за спиной, меня не интересует. Вернее, интересуется, раз ты мой партнер, но формально, так сказать, юридически, — я об этом не знаю и знать не хочу. Это первое условие. А, во-вторых, — я же тебе говорил и говорю, что система еще требует натуральных испытаний и доводки. Вот на это-то и нужны еще средства и время.

«Интересное кино получается, — думал Петляков, — Кызя, потребитель товара, желает иметь дело только со мной, и вся ответственность за неудачу возлагается на меня. Гаврилов, предлагающий свою идею кому-нибудь за деньги, тоже не хочет знать прямого покупателя, и здесь ответственным снова становлюсь я. Стало быть, моя ответственность удваивается, следовательно, и гонорар должен быть удвоен». Эту очевидную и сугубо коммерческую мысль он попытался внушить и своему собеседнику.

— Так что, Сергей Ильич, вопрос о цене твоего товара приобретает первостепенное практическое значение. Ты уж, пожалуйста, сделай сейчас хотя бы грубую, самую первичную прикидку.

— Ну, хорошо, — согласился Гаврилов, — давай завтра подъезжай к пяти к бассейну на Лесной. Я подготовлю тебе смету, так сказать.

На следующий день Петляков уже бегал глазами по листку бумаги с выжженными на нем лазерным принтером буквами и циферками. Здесь учтены были авторский интеллектуальный труд — так оценивалась сама идея — стоимостью пятьдесят тысяч долларов, основное и вспомогательное оборудование, включающее все необходимое, от компьютера, с соот-

ветствующим программным обеспечением, до мерной линейки для измерений расстояний между генераторами инфразвука — это еще тридцать пять тысяч, работа операторов, накладные, вспомогательные и прочие расходы. Итого, набегало сто тысяч. На словах автор и продавец идеи требовал пятьдесят процентов аванса на проведение испытаний. Кроме того, просил предоставить испытательный полигон. Запрашиваемый срок проведения всех подготовительных и испытательных работ предполагался два месяца.

Наконец-то Валерий Яковлевич с облегчением мог позвонить по одному из телефонов «Общества изучения массового потребительского спроса» и, назвав себя, попросил соединить его с Казимиром Пырьевичем. На том конце провода вели себя так, как будто все эти несколько суток непрерывно дежурили у телефона в ожидании его звонка, потому что, как только он произнес последние слова, ему сразу же ответили: «К тебе приедут. Жди».

И он ждал. Но ни сегодня, ни на следующий день никого не дождался. В субботу в семь утра его разбудил звонок в дверь, который он спросонья не сразу и расслышал. Массируя руками сонное лицо, он подошел к двери, уверенный, что это почтальон с какой-нибудь депешей. Так рано к нему никто никогда не приходил. Жена с дочерью были на даче, и в это время они никак не могли заявиться.

— Кто там? В чем дело? — широко зевая, спросил хозяин квартиры.

— НКВД, — изящно пошутил знакомый голос с четкими дикторскими интонациями. — Просыпайся, Петля. На умывание и писсуар пять минут. Машина внизу, у подъезда.

«Ни фига себе, батоны», — подумал Валерий Яковлевич, просовывая ладони между коленками, чтобы они не стукали друг о дружку, так затряслись у него ноги. Мысли быстро прокрутили

все случившееся с ним за последние дни — не сделал ли он какой-нибудь глупости? Да нет, вроде ему не в чем себя упрекнуть, оснований для страха перед братвой быть не должно. Это его немного приободрило и дало возможность в отведенный срок завершить туалет и сборы на дорогу. У него еще хватило самообладания пошутить над собой: «А не взять ли в дорогу сухариков, раз уж НКВД»? Сухарей он с собой не взял — их просто не было. А вот бумажку со сметой расходов с перепуга забыл, оставил в секретном ящичке письменного стола.

Пункт их поездки на зеленом БМВ, в котором кроме Петлякова ехали еще двое, включая водителя, причем оба сели на передние кресла, что окончательно его успокоило, находился в конце Садовой. В прошлый раз он встречался с Кызей в другом месте. Сейчас же его провели в какой-то офис, отделанный и оборудованный так, будто его готовили на выставку образцов офисной продукции двадцать первого века. Петляков с профессиональным интересом оглядывал все это совершенство, имея в виду использовать эти новинки в своей практике. Здесь все было скрыто, все вделано в стены. А сами стены в буквальном смысле радовали глаз качеством поверхности, сочетанием тонов окраски и неуловимо совершенной гармонией линий и пересечений. Непосредственно же краски меняли цвет, в зависимости от освещения, наличия в помещении тех или иных предметов, создавая полную иллюзию того, что они следуют за настроением посетителей. Однако эта гармония цвета и линий не только следовала за настроением находящихся здесь людей — задавала нужный ритм его изменения. Все это действовало как соответствующее музыкальное сопровождение.

Сейчас весь ход событий и окружающая обстановка создавал тон напряженности и тревожного ожидания. Валерия Яковлевича оставили одного в этой своеобразной камере психологической обработки. В распахнувшейся стенке появился экран монитора с настроенной ультрасовременной японской игровой установкой «Сони плэй стэйшн». «Вот это я понимаю — действительно общество изучения массового спроса!» — с восхищением подумал Петляков.

Что бы вы испытали, если бы в сверкающей стерильностью и музейной чистотой королевской опочивальне вдруг обнаружили...клопа или таракана? Вот такое же чувство испытал Валерий Яковлевич Петляков, когда в этом буквально райском помещении появился блеклый, очень даже земной и вульгарный профессиональный заключенный Казимир Пырьевич Слухотский.

— Ну, здравствуй! — одними губами прошелестел он, не протягивая руки.

Валерий напрягся, не понимая причин такой холодности. Он не знал, что в этом мире и на таком уровне, да, собственно, и в других мирах и на любых уровнях, существует неосознанный, но эффективный психологиче-

ский прием — на собеседника сначала нагоняется как можно больше страху, подавляется воля, травмируется психика. Это всегда полезно для активной договаривающейся стороны — партнер становится более покладистым и сговорчивым, независимо от темы разговора. Сразу же устанавливается ранг договаривающихся сторон и демонстрируется право сильного. Повод для такой демонстрации может быть любым, если его нет — то он тут же и придумывается.

— Ты такую эстраду мне заворачиваешь? Шо ты мне рисуешь автобиографию без лицензии! — с наигранной издевкой заговорил Кызя. У Петли от неожиданно посыпавшегося на него потока непонятных и потому обидных претензий страх частично парализовал слух. Он слышал только отрывки угрожающих речей авторитета. — ...да видел я всю эту твою команду на фотокарточках перед парашей, понял? И если это все я сейчас тебе высказываю лично, а не на похоронах по случаю безвременно погибшего бывшего любимца партии и народа, то только из быстро увядающих личных симпатий. — Тут Кызя, очевидно, заметив, что добился результата, и психологический пресс сработал, неожиданно повернулся к столу, взял поднос и протянул его Петлякову: — Держи! Да говорю же — держи, а не дрожи! — кивнул он на поднос с налитыми до краев бокалами.

Валерий Яковлевич Петляков судорожно схватился за один и дрожащей рукой быстро поднес ко рту. В мозгу мелькнула ядовитая мыслишка: «Вот сейчас отравят, как пить дать, отравят». Ну а что поделаешь? Он собрал остатки самообладания, чтобы выглядеть достойно:

— Так за что ты предлагаешь выпить, Казимир Пырьевич?

Казимир Пырьевич Слухотский, которого чуть ли не две трети из его сорокадвухлетнего периода жизни общающиеся с ним и разыскивающие его люди называют «Кызья», опустил тяжелые веки так, что на них отчетливо проступили синие татуированные букочки «они спят», и ответил:

— Что, перетрухал? Ну, извини меня за такую музыку, шо я тебе здесь напел. Но дело серьезное. За свое слово надо отвечать. Ты так ничего и не понял, Петля. Вот это и плохо. Я тебе объясню — но в первый и последний раз. Ты сам назначил себе срок — неделя, чтобы дать мне ответ по твоему же предложению: как выглядит, как транспортируется и сколько стоит.

Валерий Яковлевич чуть не подавился от такой наглости. Он же отлично помнил, что не брал на себя обязательство решить эти вопросы за неделю, и еще радовался, что не связал себя таким жестким обязательством. Но в этой компании, видимо, правила игры другие. Тут не важно, что ты сказал, важно только то, что сказал главный — авторитет.

Да-а, влип в историю, с невыразимой тоской подумал Петляков. И надо же было лезть со своей инициативой. Платил бы им положенный процент от своего кровно наворованного, и жил бы спокойно. Так нет, захотелось еще им и понравиться! А теперь не видно, как и выпутаться. Соединить бы их напрямую — так нет. Ни тот, ни другой не хотят иметь дело друг с другом — только с ним, Петляковым. Как ни крути, а везде он — крайний. Какой же выход, — мучительно думал Валерий Яковлевич, но ничего путного в голову не приходило. Шевелилась где-то на самой дальней орбите мысленного обзора идея, что его из неприятной ситуации смогла бы вытащить гибель или исчезновение одного из них. Но это же нереально. Зато самому исчезнуть в случае срыва сделки — это вполне реально. Его в этом сегодня убедили.

Все эти соображения сверкнули в возбужденном мозгу Петлякова, пока он отпивал из предложенного Кызей бокала. А в бокале была обыкновенная водка, даже не лучшей очистки. Это Петляков воспринял как оценку его личности в том мире, куда он затесался. На большее, чем неочищенная водка, по этим оценкам, он не тянул.

И такая оценка подтвердилась тотчас же, когда Валерий Яковлевич полез в карман, чтобы достать бумажку со сметой расходов. Оказалось, что он забыл ее дома. На лице Кызи, молча наблюдавшего за своим гостем, мелькнуло выражение, похожее и на улыбку, и на гримасу брезгливости.

— О, черт! Оставил на столе. — Надо же, какая досадная оплошность, и в такой неподходящий момент. Валерий чуть не зарыдал. — Но я помню смету наизусть, могу воспроизвести по памяти. — И вдруг он увидел, что перед ним стоит не Кызя, а один из сопровождавших его сюда людей. Кызя исчез так же внезапно, как и появился. Заменявший его сотрудник назвал себя Денисом и сказал, что все вопросы теперь нужно будет решать с ним.

Петляков продиктовал ему цифры, которые действительно помнил отчетливо. Да и как ему было их не помнить, если он все показатели расходов скорректировал простым умножением на полтора, то есть попросту накинул свои пятьдесят процентов комиссионных. Денис все записал, отметил, что остается неопределенность со сроками, сказал, что эту неопределенность нужно устранить как можно быстрее, и в конце добавил: «Сейчас вас доставят обратно. Ждите!»

— Постой, Денис! — вдруг спохватился Валерий Яковлевич. — Чуть опять не забыл со сроками-то. Этот военный изобретатель просит на проведение испытаний, ну, на натуре, то есть в реальной обстановке, два месяца, и для покупки оборудования и аппаратуры нужен аванс. Пятьдесят процентов. — Названные цифры испугали самого Петлякова больше, чем удивили Дениса. Тот ничем не выказал своего впечатления, только, дернув головой, бросил: «Учтем!»

Последующие дни были для Валерия Яковлевича настоящим кошмаром. Гаврилов явно увиливал от прямого ответа на вопрос: «Когда он сможет продемонстрировать свою установку в действии». Его то не было на месте — выехал в местную командировку, то он у начальства на важном совещании, а то просто в открытую — слышно было в трубку, как он говорил секретарю: «Кто там еще? Петляков? Меня сегодня нет», — и все тут. Попытки дозвониться или застать его дома тоже были безрезультатны.

Что-то здесь явно не так. Да он, похоже, просто водит его за нос, к такому выводу пришел Петляков. Нужно что-то решать! Но что решать, как решать, у него не было плана. К тому же он не знал и не мог знать о такой маленькой тайне, как «ОСПА» — особый секретный параметр Александрова. Да и откуда

ему было о нем знать, если об этом не знал и сам выдающий себя за автора разработки Сергей Ильич Гаврилов, доктор наук, научный руководитель одной серьезной военизированной организации.

Между тем, люди Кызи приехали недавно к нему на работу, в его засекреченный офис к самому началу рабочего дня. Это были другие ребята, не те, что приезжали в прошлый раз. В выражениях теневой лексики они изложили свои условия. Во-первых, финансирование испытаний они производят по факту, сколько и чего нужно — тут же покупают и оплачивают счета или наличкой. Размеры затрат значения не имеют. Во-вторых, они же обеспечивают и, так сказать, испытательный полигон. Это — облюбованный бомжами большой подвал полуразрушенного старого кирпичного здания на Пороховых. Там есть все необходимое: и сохранившиеся коммуникации, и элементы конструкции и строений. И, в третьих, готова даже натура, подопытные кролики — бомжи.

Увидев, как побледнел при этих словах Петляков, один из приехавших, которого, если бы он не открывал рот со своей сочной лексикой, можно было принять за дипломата, пояснил:

— Да сотри ты белила с рожи, начальник! Они добровольно, за хорошие бабки согласны на этот ваш эксперимент. Уже ждут — не дождутся, когда. И аванс получили. Каждый раз, как мы появляемся, на выпивку требуют, в счет будущего заработка. Так что, на худой конец, если он действительно будет для них худой, они свою вонючую жизнь уже пропили. — Так и не представившийся посланец Кызи, не спросив разрешения хозяина кабинета, закурил свой «Кэмел». — И последнее, все это нужно провести и закончить в этом месяце, до мая. И хотя сегодня первое апреля, все это, как ты понимаешь, начальник, далеко не шутки. — Посланец аккуратно постукал мизинцем по сигарете и стряхнул пепел на полированную поверхность письменного стола из карельской березы. — Ну, как, я могу передать, что вы согласны, начальник? — прищурившись, добавил он. — А, Петля? Так как, спрашиваю?

Тот попытался еще побарахтаться, мол, нельзя ли поговорить с Казимиром Пырьевичем. Ведь не все от него, Петлякова, зависит, главное тут — как управится со всем этим делом основной исполнитель и продавец, у военных ведь свои рамки и ограничители.

— Да перестань ты хныкать и сморкаться тут, — нарочито брезгливо оборвал его гость. — А с Кызей ты все разговоры уже переговорил.

И Валерий Яковлевич понял, что все это бесцеремонное и оскорбительное для него, человека, привыкшего с давних времен к почету и уважению, поведение санкционировано самим Кызей. Иначе бы эта, кто она по статусу, «семерка» или «десятка», не проявлял такую смелую самостоятельность. И Петляков затих.

— Ну, вот и ладненько! — потирая руки, сказал посланец. — Дело сделано, дуру замуж выдали! — И, удостоив Петлякова прощальным кивком головы, удалился.

Заглянувшая к шефу Верунчик, увидев его посеревшее лицо, без всяких указаний догадалась принести чашечку свежего ароматного кофе, достала из шкафчика и наполнила рюмочку коньяка, все это поставила на стол перед Петляковым и молча удалилась. Эта предусмотрительность верной и догадливой офисной спутницы чуть-чуть смягчила суровый и несправедливый удар судьбы, и Валерий Яковлевич, проделав все необходимые операции с кофе и коньяком, стал способен немножко думать.

Но как он ни разбрасывал свои мысли — карты, расклад выпадал всегда только один. Жуткий расклад. Либо бомжи в своем подвале, либо сам Валерий Яковлевич Петляков, либо заваривший всю кашу Сергей Ильич Гаврилов должны быть готовы проститься с жизнью. «Что же делать? — в который раз спрашивал себя Петляков, но реального ответа пока не находил. Отчаяние и досада душили его. — Чтоб ты сдох!» — со всей силой невысказанной страсти подумал о своем ученом приятеле Валерий Яковлевич, и ему слегка полегчало от этой мысли.

Г Л А В А 5

«ОСПА» — ОСОБЫЙ СЕКРЕТНЫЙ ПАРАМЕТР АЛЕКСАНДРОВА

Для того чтобы запретить вход в некоторую квартиру, ее дверь опечатывают. Приклеивают бумажку, одним концом к косяку, а другим — к самой двери. Лучше, для «понта», с какой-

нибудь печатью. Это, так сказать, официальный запрет. Бумажка тут не является в буквальном смысле запором. Физически такую дверь, отомкнув замок, можно легко открыть. Но при этом наклеенная бумажка разорвется, что будет свидетельством нарушения официального запрета. И это видно всем, и нарушителю запрета, и тому, кто запрещает.

Если нарушитель захочет скрыть тот факт, что он вскрывал запечатанную дверь, он может, например, выйдя из этой квартиры, прилепить точно такую же, но целую, не порванную бумажку на старое место. Тогда вы не узнаете, заходил ли кто в эту дверь.

Но, допустим, вы хотите точно знать, открывали ли в ваше отсутствие дверь вашей квартиры, ящик письменного стола и тому подобное, но так, чтобы нарушитель не догадался, что вы об этом знаете. Проще всего использовать тот же принцип опечатывания, только вместо бумажки с печатью нужно взять что-нибудь невидимое, например, человеческий волос, и наклеить его в труднодоступном месте. Для верности, подобных ловушек можно расставить не одну, а несколько. И нарушитель обязательно выдаст себя. Такой способ защиты своих секретов применялся людьми многие столетия, применяется он и поныне как самый простой и надежный.

Нечто подобное проделывают и некоторые хитроумные ученые. У них тоже есть свои секреты, которые требуют защиты от недобросовестных посягательств. Например, придумал какой-нибудь Иванов или Смит что-то новенькое, скажем, способ очистки воздуха от вредных примесей и насыщения его кислородом. Не будет же он в одиночку и скрытно пользоваться им только у себя в квартире. Ему интересно внедрить применение своего изобретения как можно шире. Это не только материальные усилия, но также известность, слава и прочие моральные дивиденды. Он публикует свои результаты и идеи в широкой научной печати или оформляет их как изобретение, если таковым его признают соответствующие официальные органы. Таким вот способом закрепляются приоритет и авторство. А далее уже закон должен защищать авторские права.

Но ведь кто такие ученые? Это такие же люди, часть нашего общества, и этим самым ученым присущи все человеческие достоинства и недостатки. Среди ученых так же, как и в неученой среде, есть, ну, может, в других пропорциях, и мелкие воришки, и крупные хапуги, и существует множество способов прикарманить чужие идеи.

В общем, разнообразие «интеллектуальных отмычек» вынуждает искать и соответствующую защиту от них. Некоторые искусственные изобретатели пользуются таким нехитрым, но эффективным приемом. Описывают свое изобретенное устройство, приводят характерные параметры, но один из них или даже несколько умышленно искажают, а то и вовсе скрывают. Причем искажают так, что, если непосвященный конструктор по-

ЧИСТО КОМПЬЮТЕРНОЕ УБИЙСТВО

пытается изготовить по этим параметрам прибор или установку, она работать ни за что не будет. Принцип действия вроде бы понятен, и воплощен он в устройство верно, а он — не работает. И чтобы докопаться до причины неудачи, нужно разобраться в работе изобретения не хуже самого автора. Некоторым иногда это удается, но многим не под силу. Особенно распространен такой способ защиты своих программных продуктов у компьютерщиков.

Вот таким-то приемом и воспользовался Юрий Борисович Александров для защиты своего детища. Причем не только для защиты, но и для наказания виновника.

Чисто техническая сторона дела заключалась в следующем. Для резонансного возбуждения инфразвуковой системы необходима значительная энергия. В природе источником такой энергии служат землетрясения, ураганы и тому подобные мощные энергетические резервуары. Но там и масштабы проявления инфразвуковых катаклизмов огромные. А если сосредоточить, сфокусировать это явление в небольших масштабах на территории площадью порядка нескольких сотен и даже десятков квадратных метров? Юрий прикинул, что длина инфразвуковой волны на частоте шесть герц, а это наиболее опасная для человеческого организма частота, составляет величину менее шестидесяти метров. А это сравнимо с масштабами, например, служебного здания.

То, что надо, подумал Александров. Но где взять энергию? Изобретательская мысль быстро подсказала выход. Во время отопительного сезона по трубам обогревательных систем циркулирует большая масса воды. Простенький расчет, произведенный Юрием, подтвердил правильность его догадки. Можно! Можно использовать эту кинетическую энергию движущихся по трубам масс воды для преобразования в энергию инфразвука. Для затравки, для раскачки этой энергии с нужной инфразвуковой частотой мож-

но использовать в качестве зародыша обычные звуковые колонки мультимедийного компьютера и элементы конструкции самого здания. Да те же самые батареи отопления. Мысль в мозгу изобретателя вибрировала, как бы сканируя, просвечивая нужную идею, и двигалась дальше. Теперь осталось придумать, как получить стоячую волну и сконцентрировать эту энергию в нужном месте. Тут уже невозможен единообразный для всех помещений расчет. Необходим перебор огромного количества вариантов, в зависимости от конфигурации, загруженности, формы и размеров помещения. А кто это будет делать? Да известно кто. Компьютер! Нужна только «самая малость» — разработать для него программу этого поиска.

И Александров сделал такую программу, да не один, а целых три варианта. Каждый рассчитан на определенный класс компьютеров, смотря по какому пути пойдет совершенствование этих умнейших спутников человека. Отдельные фрагменты — логически законченные модули — подготовили для него за умеренное вознаграждение знакомые ребята-программисты. Конечно, никто из них не знал, как и где эти модули будут использованы. Да и сам Александров поначалу тоже собирал эту программу из кусочков, еще не имея четких представлений о ее будущем конкретном применении. Правда, одно из таких применений он уже сформулировал — наказание. Наказание преступника, виновного, он теперь в этом окончательно убедился, в наглом похищении его интеллектуальной собственности, частички его души, того, что не может быть измерено ни в долларах, ни в рублях, и к чему не применимо такое понятие, как хищение в крупных, особо крупных или каких-других размерах. Это преступление, по его понятиям, было безразмерно огромным. И наказание должно быть соответствующим, или, как теперь модно стало говорить, — адекватным.

Когда собранный вариант программы поиска оптимального возбуждения инфразвука в заданном помещении был запущен в работу, машина в качестве характерного соотношения стала выдавать любопытный параметр. Это было произведение абсолютной температуры воды в батареях на объем помещения в кубометрах, и все это — деленное на модуль упругости чугуна, материала, из которого изготовлена батарея. Почему так? Александров сожалел, что в общении с человеком машину пока не научили всегда объяснять свои решения, хотя во многих случаях она это и делает.

Поначалу постоянно выдаваемое компьютером соотношение вызывало недоумение, поскольку ни в каких учебниках, ни в справочниках на уровне инженерной науки такого параметра не было. Юрий потыкался туда-сюда, побывал у ученых и в университете, и в физтехе, и в отделении Академии наук — все смотрели на него как на пришельца из космоса и спрашивали, откуда это соотношение у него взялось, и зачем оно вообще ему нужно.

А узнав, что Александров — изобретатель, снисходительно улыбались и бочком-бочком его выпроваживали. Ибо всем известно, что у этих изобретателей всегда мозги набекрень.

А, меж тем, компьютер упорно во всех вариантах расчетов выдавал этот параметр. Более того, он беспристрастно рассчитал и критическое значение этого параметра по вредному воздействию на среднестатистический человеческий организм. Оно оказывалось во всех случаях одинаковым и составляло величину, равную 0,067. Но почему?

Оставив эту загадку неразгаданной, Юрий так и сохранил во всех программах эту величину, убрав только все обозначения и цифры. Таким образом, он ввел, по сути, новую константу, назвав ее «ОСПА», что в несокращенном варианте означает «Особый секретный параметр Александрова». И этот параметр был действительно секретным, поскольку о нем знал только автор разработки, да где-то в недрах компьютерной памяти можно было в принципе разыскать толкование этой загадочной «ОСПЫ».

В чем же заключалось введение в действие этого параметра? Он фигурировал в изобретенном Александровым и присвоенном Гавриловым устройстве как ключевой регулирующий параметр. Если его специально не отключить, то при работе защитной инфразвуковой системы программа автоматически вводила его в действие и, многократно усиливая силу воздействия инфразвуковых волн на биологический, в частности, человеческий организм, превращала их в жуткую убойную силу.

Для его отключения требовалось простое нажатие определенного сочетания клавиш в определенном месте клавиатуры. Тюк — и программа становилась смертельно опасной. Еще тюк — становилась послушной в настройке, и эффект ее воздействия снижался до безопасного.

Чрезвычайно интересные и разнообразные возможности. Надо только знать — где и куда «тюкнуть», вот в чем закавыка! А знал об этой

разгадке лишь один Александров, поскольку только он был истинным создателем всей этой системы и единственным хозяином всех заложенных в ней тонкостей и ловушек.

В секретный отдел Центра патентной экспертизы поступила заявка на регистрацию изобретения способа и устройства по этому способу. Речь шла о том, как запрограммировать систему охраны определенной территории с помощью инфразвуковых приспособлений. Автор в качестве прототипа ссылался на заявку такого-то номера от такого-то числа — а это было как раз зарегистрированное Гавриловым изобретение — и предлагал усовершенствовать конструкцию и увеличить эффективность всей системы путем введения новых элементов в программное обеспечение.

Ссылки автора на секретные документы были выполнены безграмотно, а сама заявка была составлена так, что чувствовалось: автор — типичный провинциальный «чайник», из того большого количества самодеятельных изобретателей, которые ежегодно и ежедневно осаждают и досаждают очень занятым важной государственной деятельностью чиновникам.

Разумеется, раз уж заявка подана и зарегистрирована, то ей должен быть дан законный ход. Совершенно естественно, что ее направили на экспертное заключение в головную по этому направлению организацию. Это тем более представляется обоснованным, что и базовое изобретение, на которое сослался и которое усовершенствовал автор, также проходило экспертизу в этой организации. В свою очередь, в этой головной организации главным специалистом по этой тематике являлся не кто иной, как Гаврилов Сергей Ильич. И он же, кстати, считался автором того самого базового изобретения.

Когда через положенное по бюрократическим нормам время, отведенное на вылеживание в казенных столах, материалы заявки поступили к Гаврилову, тот, к приятному своему удивлению, обнаружил следующее. Автор, некто Барабашкин Ю.А., какой-то инженеришка из уральского городка, видимо, хорошо ухватил его, Гаврилова, идею и удачно развил. Причем развил как раз в том направлении, которое никак не удавалось продвинуть самому Гаврилову. Он создал программу, позволяющую компьютеру управлять настройкой параметров инфразвука. Приводилась и сама программа, и результаты ее проверки на моделях.

Капитан первого ранга, главный научный руководитель военизированного подразделения Гаврилов Сергей Ильич вызвал к себе старшего инспектора первого отдела Копышеву Маргариту Николаевну и попросил ее сделать копию с секретного документа — описательной части пришедшей ему на отзыв заявки на изобретение. Маргарита Николаевна не имела права этого делать, но уступила просьбе Гаврилова, как она себя убедила — от-

ЧИСТО КОМПЬЮТЕРНОЕ УБИЙСТВО

нюдь не потому, что когда-то была с ним в отношениях, не предусмотренных служебными инструкциями. Он уговорил ее, мотивируя свою просьбу тем, что ему для работы нужна временная копия, и что после проверки работоспособности программы эту копию можно будет уничтожить по всем правилам секретного делопроизводства, как рабочий документ, сделанный якобы самим Гавриловым. А если так, то, собственно, никаких нарушений как будто и не было — ведь рабочие секретные бумаги пишутся, уничтожаются. Главное, чтобы все сделать по инструкции.

Сергей Ильич не был программистом. Ведь для того, чтобы руководить всеми, в том числе и программистами, самому вовсе не обязательно быть программистом. Так вот, создать свою программу Гаврилов не мог, образовательный ценз не дотягивал, но испортить чужую — на это квалификации доктора наук вполне хватало. Он попросту, где выкинул, а где заменил несколько операторов в приложенной к заявке авторской программе. И хорошую копию заменил испорченной, выдавая ее за оригинал. Затем ввел в бой своих, уже настоящих, программистов, дал им испорченную копию и попросил прокатать эту программу на предмет проверки ее правильности и выполнимости. Ребята из отдела информационного обеспечения добросовестно выполнили все указания шефа и дали вполне объективное заключение, что программа своих заявленных функций не выполняет и не может быть использована по назначению. Далее следовали протоколы испытаний, официальное экспертное заключение, подписи и так далее.

Опираясь на это заключение, научное подразделение в лице своего научного руководителя, а точнее, заместителя командира по научной части Гаврилова С.И. дало отрицательный отзыв на заявку. Временно составленные копии заявки уничтожились, согласно положенным правилам.

Итог. Автор изобретения получил из Центра патентной экспертизы отказ по своей заявке

и остался с носом, а Сергей Ильич Гаврилов остался с так и недостающей ему программой. Единственный вопрос, который он в связи с этим еще для себя не решил, это — представлять ли полученную таким путем программу как свое изобретение, конечно, в слегка приглаженном виде, или же применить ее пока без официального оформления прямо сейчас. Тем более что заказчик нашелся и, судя по настырности Петлякова, жмет со сроками. Во всяком случае, теперь можно было уже не прятаться от бедняги Петлякова и предметно обсудить с ним детали проекта.

А бедняга Петляков был приперт к стенке. Находить Гаврилова и рассчитывать с ним за то, что тот спровоцировал приятеля на рискованную авантюру с поиском заказчика, а сам слинял, — это одна сторона дела. Это само по себе, если Петляков сумеет живым выбраться из той передряги, в которую вляпался по своей глупости.

Но для этого еще надо остаться в живых. Да, у него были свои люди, призванные защищать его в пиковых ситуациях. Как у всех серьезных бизнесменов — приличная команда «ломовиков». Но он отчетливо сознавал, что они могли защитить его только от мелкой бритоголовой шпаны ларькового пошиба, а противостоять преступному сообществу Кызи для них было совершенно не по силам. Именно поэтому он и не рыпался, когда посланцы Кызи увозили его к себе на «собеседования». Обращение к своим охранникам он откладывал на самый крайний случай, как последний и бесполезный шаг отчаяния. Это было бы равносильно конвульсии. В общем, он чувствовал себя как онкологический больной на последней стадии болезни.

И в такой вот ситуации однажды, на исходе первой декады апреля, Верунчик, его верная и преданная секретарша, вдруг к концу дня влетела в кабинет со словами:

— Валерий Яковлевич, на проводе Гаврилов, Сергей Ильич. Вы как, на месте или уехали по делам?

— Что? Что ты говоришь, Верунчик?! — Петляков на несколько секунд полностью лишился рассудка, а потом в порыве радости обнял секретаршу: — Подойди-ка сюда, Верунчик, золотце! Ангел ты мой! Срочно соедини его со мной!

— Конечно, Валерий Яковлевич! — пробормотала секретарша, растроганная таким всплеском эмоций шефа, и выбежала из кабинета.

Петляков поднял трубку и услышал веселый и бодрый голос Гаврилова:

— Валерий? Рад тебя слышать, дорогой! Как твои дела, как супруга?

— Ты что, яйцеголовый? — намекая на ученые степени Сергея, недоуменно ответил не склонный в данный момент к шуткам Петляков. — Я же холостяк во втором колене.

ЧИСТО КОМПЬЮТЕРНОЕ УБИЙСТВО

— Ах, да! — веселился в микрофон капитан первого ранга. — Я и забыл, что твоя будущая жена еще не замужем.

— Слушай, клоун! Мне нужно, чтобы ты свои репризы продемонстрировал при личной встрече. И срочно. Дело, Серега, очень серьезное. Я не спрашиваю, где ты пропадал. Прятался от меня у очередной своей балерины, или у тебя другие мотивы.

— Да ладно, Валера, не бухти. Ну, немножко виноват. Но я же сам кладу голову на плаху. Все объясню при встрече. Говори — где и когда. У меня есть чем откупиться.

— Откупиться и подкупить — это разные вещи, мой дорогой, — смягчаясь, сказал бизнесмен. — Давай сегодня через пару часов у меня.

— «Идет, сказал Финглей!» — согласился с предложением знакомый с творчеством Бернса военный ученый.

Через день, набрав нужный номер массовиков-потребителей, Петляков наткнулся на запрос автоответчика и, назвавшись, оставил для Дениса сообщение, что готов к конкретному разговору, и напомнил о предварительном финансировании.

Позавчера они с Гавриловым договорились, что подготовка к проведению работ на испытательном полигоне закончится в конце месяца. Осталось только еще раз проверить работу программы, подрегулировать некоторые параметры и все такое прочее, что называют одним словом — «причесать». Договорились также, что заказчики для этого выделяют предусмотренный аванс в размере пятидесяти пяти тысяч «баксов». Понятно, что пятьдесят — это по расчетам и ожиданиям Гаврилова, а по петляковскому прейскуранту этот аванс должен составить семьдесят пять «штук».

Кызины люди, выдерживая свой стиль, позволили лишь спустя несколько дней. Но зато сразу по делу. Спросили, в какой форме предоставить аванс. Если наличными — то куда подвезти, это они готовы сделать немедленно. Если перевести

на счета — пусть диктует реквизиты. Петляков непослушным от волнения голосом согласился на первый вариант и назначил встречу у себя в офисе.

Ну, в офисе, так в офисе. Денис и его молчаливые спутники появились буквально через час. Все было слишком уж буднично. Валерий Яковлевич подписал три какие-то бумажки, выслушал предупреждение об ответственности, которую он на себя берет, и семьдесят пять овальных портретов Франклина, каждый из которых красовался на стодолларовой купюре, улеглись стопочкой на его рабочий стол. За оборудование плата должна была идти отдельно, по факту его приобретения. Контрольные испытания на полигоне предполагалось подготовить ориентировочно к майским праздникам. На том заказчики удалились. Петляков разделил «франклинов» на две кучки, одну из которых, в количестве пятидесяти бумажек, положил в сейф для Гаврилова, а оставшуюся треть засунул в свой бумажник. Руки его тряслись, хотя ему приходилось пропускать через них и не такие суммы, а превышающие эту во много раз. Скорее всего, они вибрировали между двумя инстинктами — инстинктом самосохранения и жадности. И хотя деньги, несмотря на серьезность суммы, не были ему позарез нужны — человек он был далеко не бедный, — жадность брала верх.

В отличие от своего посредника, Сергей Ильич Гаврилов всегда нуждался в деньгах. Зарабатывал он на своих военных и научных постах совсем неплохо, да еще прихватывал, где только мог. Но, поскольку человек он был не скупой, да и вращаться ему приходилось в разных кругах, а ударять в грязь лицом тоже было не в характере Сергея — все, что к нему приходило, так же и уходило. Поэтому, когда реально замаячили пятьдесят тысяч «баксов», Гаврилов, со всей присущей ему целеустремленностью и энергией, взялся их отрабатывать.

Прежде всего, нужно было самому проверить действие программы, которая ему теперь досталась вместе с системой, описанной в его же заявке. Для этого программу нужно было ввести в компьютер. Набивку он поручил молодому технику-программисту совсем из другого отдела, не связанного с информатики. Эту развязку в исполнителях нужно было сделать, поскольку в этот раз запускалась в работу оригинальная авторская программа. Тут все прошло нормально. Программа, надежно защищенная двойным паролем, как особо секретная, была вскоре инсталлирована в недра компьютерной памяти.

Итак, неведомая до сих пор взрывчатка огромной разрушительной силы, которую он добыл подлым воровским способом и которую готовил для других, была им заложена под самого себя. И никто об этом не знал и не догадывался. Да и сам он, успокаивая себя, рассчитывал проверить установку в режиме слабого действия, только чтобы ощутить ее работоспособность. На себе, в одиночку.

ЧИСТО КОМПЬЮТЕРНОЕ УБИЙСТВО

Для этого Гаврилов решил остаться после окончания рабочего дня якобы для завершения отчета по одному из этапов научной разработки. Он мог бы и не усложнять все, а провести свой первичный эксперимент и в обычное время, услав всех из помещения под любым благовидным предлогом. Но Сергей Ильич решил подстраховаться — мало ли что могло произойти, дело ведь новое, незнакомое. Кроме того, он задержал после рабочего дня секретаршу, якобы помочь ему с документами, чтобы у дежурного офицера, отвечавшего за порядок в ночное время, не возникло никаких лишних посторонних мыслей, которыми бы он впоследствии мог поделиться со следователем. Более того, этот дежурный среди ночи в какой-то момент почувствовал страшную головную боль, возникшую без всяких причин, когда он сидел у своего столика. Боль сдавила голову одновременно с двух сторон, будто ее неожиданно сжали огромными тисками, и сопровождалась чувством безысходности и безосновательного ужаса. Это длилось около минуты, затем боль медленно стала рассасываться, а вскоре от нее не осталось и следа, только одно неприятное и незабываемое ощущение.

Сергей Ильич был при всем параде, в форменной одежде и при погонах. Ожидание предстоящего получения баснословной для него суммы денег располагало к шуткам, бодрому настроению и вообще повышало тонус. Аппаратура с помощью подчиненных была вся установлена и проверена еще несколько дней назад. Нужная ему программа также была в рабочем состоянии, вместе с маскирующими ее многими другими программами обработки данных. Оставалось только сделать несколько щелчков мышкой и протащить мышкой же изображенный на экране регулятор интенсивности.

Для снятия напряженности Гаврилов налил маленькую чашечку свежего кофе, капнул в него коньяка и, вдыхая аромат, нежно, как последний поцелуй, выпил. Потом нажал на нужную клавишу и включил нужную программу.

На экране монитора вспыхнула красно-черная жирная надпись: «Приготовиться! Внимание! Включите режим настройки инфразвука!» Привычно, но с легким трепетом, Сергей нажал на левую кнопку мышки и навел стрелку курсора на возникшее в окне «Windows» изображение регулятора интенсивности. Появилось ощущение как будто раздавшихся где-то далеко-далеко раскатов грома, которые быстро замерли. Но отчетливое чувство тревожного ожидания, как при страшной грозе, осталось. И оно все усиливалось.

«Все в порядке! Кажется, система работает! Так вот оно какое, чувство тревоги и ужаса», — подумал, было, Гаврилов, но появившееся ненадолго радостное ощущение от достигнутого желаемого результата было задавлено нарастающим предчувствием чего-то ужасного.

«Пора. Пора уменьшить интенсивность!» — решил Сергей и навел курсор на изображение регулятора интенсивности. Но компьютер не реагировал на его действия. В голове зашумело, возникла нарастающая боль, как будто невидимый жестокий мастер стал вкручивать туда огромные шурупы. «Так вот как приходилось бедняге Одиссею с этими сиренами» — еще успел со здоровой иронией подумать Гаврилов и попытался выключить программу, нажав «Exit», но машина словно зависла и ни на что не реагировала.

«Боже! Неужели!..» Обрушившаяся нестерпимая боль задавила все, и сознание мгновенно, как перегоревшая лампочка, погасло.

Это потом, спустя запрограммированные двадцать минут, программа сама отключится и уступит место на экране динамичной заставке: на фоне могил и крестов в фиолетовом свете мерцающих на небе звезд мрачно возвышается средневековый замок со зловеще перемещающимися тенями. И эта заставка будет гореть до тех пор, пока ее утром не увидят следователь и группа экспертов.

Г Л А В А 6

ПРЕСТУПЛЕНИЕ И НАКАЗАНИЕ

У гарнизонного начальства, судя по расслабленной позе, по тому, как оно держало сигарету и каким тоном поприветствовало Паламарчука и предложило сесть, настроение было благодушное.

— Проходи, садись, Василий Апполинарьевич. Вот сюда, поближе. Ну, как твои дела с бронжилетами?

Паламарчук, слегка удивленный столь поздним, на его взгляд, вниманием к этому делу, подробно рассказал обо всем, что успел проделать, и о том, что собирался предпринять в ближайшем будущем. Прокурор вроде бы проявил интерес к той чертовщине, которая сопровождала обстоятельства гибели капитана первого ранга.

— Да, дело, видать, интересное! Но официально в качестве причины смерти уже зафиксировано кровоизлияние в мозг. Вот так, Паламарчук. И у нас нет сейчас возможности тратить время и силы на дальнейший поиск этой черной кошки в этой черной комнате. Хотя то, что ее там нет, я бы, как, чувствую, и ты, категорически утверждать не стал. Но тут вот караульный сбежал с поста, и автомат прихватил с собой. Правда, его уже задержали. Все обошлось без стрельбы, да он и не сопротивлялся. Накрыли его у знакомой женщины. Спал без задних ног после любви с водкой. А автомат спрятал под матрасом. Но, в общем, надо бы разобраться с этим инцидентом и решить вопрос о наказании. Вот ты и разберись. Дело плевое, так что, если выкроишь себе денек-другой, можешь параллельно продолжить свою мистику и поискать этих чертей из Бронежилетного переулка.

Следователь был доволен таким поворотом событий. Быстро установив причины бегства солдата с поста, Паламарчук растянул выполнение формальных процедур на несколько дней, и таким образом выкроил время для того, чтобы подумать и поработать над делом о гибели Гаврилова.

Он вновь решил обратиться к тому, чем занимался капитан первого ранга перед своей гибелью, и копнул глубже. С разрешения вышестоящего начальства еще раз встретился с немногословным представителем того военного НИИ, и не только с ним одним. Повторно поговорил со многими компьютерщиками, с руководством части и с другими, знавшими погибшего, сотрудни-

ками с целью уточнения того, чем, какими проблемами занимался в последнее время Гаврилов, что он собой представлял в чисто человеческом плане.

В результате следователь установил, что как человек Сергей Ильич был, в целом, симпатичной личностью, простым в обращении с коллегами и не высокомерен в отношении подчиненных. У него был очень широкий круг знакомых не только в Петербурге, но и в Москве, а также в других городах, потому что туда простирались его научные интересы. Правда, некоторые из опрашиваемых Паламарчуком людей смутно намекали на то, что он был карьеристом, мог брать подношения за научные отзывы и рецензии. Попадались и ревнивцы, напрямую обвинявшие Гаврилова в излишней любвеобильности. Но все эти высеченные сослуживцами человеческие достоинства и недостатки имели чисто житейский характер и не проливали пока свет на возможные причины возможной насильственной смерти.

И все-таки в результате этих опросов и бесед следователь установил, что в научном плане Гаврилов изобрел какой-то способ защиты с помощью звука. Но когда он этим занимался, и в чем суть этого изобретения, никто толком сказать не мог. Паламарчук вспомнил, что в материалах, присланных ему в свое время академиком Жуй-Жевайло, была одна работа, то ли статья, то ли отчет, где речь вроде бы шла о таинственных особенностях какого-то звука. Тогда у него не дошли руки прочесть ее, зато сейчас он с ней внимательно ознакомился. Речь шла о случае таинственной гибели экипажа судна где-то в Индийском океане, в материале предлагалась научно обоснованная версия, объясняющая подобные явления. Описанный в статье случай очень уж походил на то, что случилось в Бронезилетном переулке. И Василию Апполинарьевичу стало все это не просто очень-очень интересно, а он понял, что направление исследований, которые проводил Гаврилов, и само изобретение могли представлять интерес для очень многих.

Чтобы разобраться во всем этом, нужен был хотя бы минимум специальных знаний, которых у следователя, естественно, не было, и Василий Апполинарьевич решил обратиться за помощью к академику Жуй-Жевайло. Дело в том, что авторское свидетельство на изобретение, содержание которого признано не подлежащим разглашению, выдается так, что там указан только номер заявки, по которой оно выдано, а само описание отсутствует. Его можно найти только в секретных архивах Центра патентной экспертизы.

Арсенид Иванович живо воспринял просьбу следователя, уточнил параметры интересующего вопроса: когда, кем, по какому научному направлению сделана заявка, и обещал помочь. Спустя несколько дней через

своих подопечных по закрытым каналам Жуй-Жевайло раскопал секретную заявку и популярно объяснил ее содержание.

— Это чрезвычайно интересная идея, — не удержался он от комментария, — но так же и чрезвычайно опасная! Если бы ее удалось воплотить в жизнь, военный мир перевернулся бы в совершенно другую плоскость. По существу военная машина получила бы способ уничтожения или более мягкого обезвреживания всего живого, с сохранением при этом всего неживого. Ну, там, зданий, инфраструктуры, памятников старины, произведений искусства и тому подобного творческого человеческого наследия. Нечто похожее говорили в связи с изобретением нейтронной бомбы, помните? Колоссальная польза и вред в одном изобретении!

— М-да! — забарабанил пальцами по столу Василий Апполинарьевич, околдованный страстной речью академика. — Значит, вы полагаете, этот, как его там, инфразвук, мог стать причиной гибели капитана? Но откуда он мог там взяться? Ни землетрясений, ни штормов, ни даже магнитных бурь в это время в этом и в прилегающих регионах не было! Я все тщательно проверил.

— Что вы говорите? — занятый своими глобальными мыслями, переспросил Арсенид Иванович. — Ах, каковы, так сказать, источники этой энергии? В той заявке предлагалось в качестве генератора энергии использовать энергию текущей по коммунальным трубам под давлением воды. Но это одна сторона дела. Важен и сам преобразователь этой энергии в тот вид волновой энергии, которая в данной ситуации требуется по биофизическим параметрам. — Академик увлекся идеей, забыл и про собеседника, и про все на свете. Говорят, в этом и сила истинных корифеев науки и искусства, что они могут на чем-то сосредоточиться в такой степени, что не замечают ничего вокруг. Поэтому рассеянность профессоров и стала пред-

метом различных шуток и анекдотов. — Ах, да! — встрепенулся он, — я же вам не все успел сказать про эту заявку! Вот вы заговорили про то, что этот инфразвук необходимо откуда-то извлечь, как-то его сформировать. Оказывается, на этот вопрос тоже есть ответ. Вернее, пока только попытка ответа, к сожалению, неудачная.

Мои молодые коллеги, которые по моему заданию, а, стало быть, по вашей просьбе, занимались раскопками по этой заявке в московских архивах в бывшем ВНИИГПЭ — это Всесоюзный научно-исследовательский институт патентной экспертизы, — установили следующее. Еще до того, как было выдано свидетельство вашему Гаврилову, нечто похожее уже предлагалось неким, — Арсенид Иванович заглянул в блокнотик и, близоруко щурясь, прочитал: — неким Александровым Юрием Борисовичем. Заявка была наша, из Питера, — с оттенком гордости произнес академик. — Так вот, она не была признана изобретением на том основании, что изложенная в ней идея показалась экспертам неосуществимой. По-видимому, эксперты подметили в ней то, о чем мы с вами только что говорили. Нет таких преобразователей, которые бы позволяли перевоплощать другие виды энергии в звуковую.

— Позвольте, — не постеснявшись своих только лишь школьных знаний по физике, не выдержал следователь, — но природа же как-то осуществляет эти преобразования? Я так понял, когда прочел переданную вами статью о гибели экипажа на морском судне. Если что-то есть в природе, почему бы это не повторить искусственно?

— Ну, не все, что создает природа, может искусственно воплотить и человек. Взять хотя бы ту же живую клетку. Или еще проще — золото, например. Но не будем отвлекаться от темы на эту вечную и пока безрезультатную дискуссию, — вернул разговор в прежнее русло Жуй-Жевайло.

— Да, вы заговорили о том, что из Питера некто Александров подавал заявку на аналогичную тему, и она была отклонена по причине технической неосуществимости, — напомнил Паламарчук.

— Так вот, я не перестаю удивляться, насколько наша необъятная Россия полна талантами, и как все взаимосвязано, так сказать, взаимно обусловлено! Представляете, дорогой Василий Апполинарьевич, из небольшого городка на Урале, Серовска, поступает заявка от частного лица, в которой развивается та же идея, но предлагается именно недостающее звено в этой интересной цепи. А конкретно — предлагается делать это преобразование, о котором мы сейчас с вами говорим, с помощью компьютера. Невероятно, как говорится, но факт! Компьютер в своих звуковых колонках создает первоначальный зародыш звука, сам же с помощью предлагаемой автором заявки программы преобразует его путем настрой-

ки в резонанс с окружающими элементами конструкции. Как корпус гитары служит резонатором для извлекаемого из струны звука, так и тут. Только здесь все масштабнее, и потому мощнее. Но меня больше всего потрясло не то, что какой-то самородок додумался до этого. Удивительно, что у нас аукнулось в одном месте, в Питере, а откликнулось в другом, за тысячи километров. А вы говорите — секреты. Вот вам и вся наша секретность!

— Так что же случилось с этой заявкой? — заинтересованно спросил Паламарчук. За свою следовательскую карьеру ему приходилось много раз сталкиваться с различными невероятными совпадениями, и всегда в результате за ними скрывались тщательно замаскированные преднамеренные действия. Иногда злонамеренные, а бывали и с добрыми намерениями. Поэтому, как только речь заходила о совпадениях, следователь вставал «в стойку» и в первую очередь выяснял, а нет ли тут случайного «рояля в кустах».

— Ну, заявка, как это бывает в подобных случаях, была составлена неграмотно, представленная автором программа оказалась неработоспособной. А потому заключение по ней отрицательное.

— А кто, интересно, давал заключение, и кто проводил апробацию программы, вам не удалось установить? — Паламарчук уже действовал автоматически как стрелок по летящим тарелочкам, мелькнуло что-то — стреляй навскидку, раздумывать некогда.

Раздумывать он начал потом, когда на следующий день академик попросил следователя захватить к нему, и там сообщил, какое учреждение давало отрицательный отзыв. Это был военный НИИ №7. В/ч 755605. Вот те раз!

— Чрезмерно вам благодарен, дорогой Арсенид Иванович! — с трудом сдерживая свою крайнюю взволнованность, поблагодарил академика Паламарчук. — Надеюсь, ваши сведения мне при-

годятся. Спасибо вам еще раз за все! И разрешите откланяться.

— Всегда рад! Всегда рад! И надеюсь, это не последняя наша встреча.

Теперь Паламарчуку предстояло официально запросить все эти сведения, оформить их в виде документов, справок, заключений и приобщить к делу. И он быстро и скрупулезно это проделал, предварительно подробно проинформировав свое начальство и получив добро на дальнейшие официальные действия. А далее он планировал разыскать в Питере Александра. Проблем тут не предвиделось — все данные о нем содержались в архивных документах по отвергнутой заявке. После этого нужно было еще раз побывать в НИИ, проверить и разобраться в процедуре подготовки отзывов вообще, и на эту заявку — в частности. И последнее, что у него значилось в ряду первоочередных мероприятий — связаться с автором заявки из Серовска по указанному в архивных документах адресу. Дальнейшие шаги определятся по итогам выполнения этого плана.

Итак, вскоре в секретном отделе военной прокуратуры уже лежали все копии документов, связанных с прохождением заявок из Петербурга и Серовска через официальные инстанции. Тех, которые были отвергнуты. А заявка с авторством С.И. Гаврилова и так у него имелась.

Василий Апполинарьевич мог теперь хоть что-то анализировать, сравнивать, сопоставлять не спеша. И первое, что ему пришло на ум — это сделать сравнительную экспертизу двух заявок, присланных из Серовска от автора Барабашкина Ю.А. и из Петербурга от Александра Ю.Б. Эксперт-лингвист, сравнив копии двух заявок, сказал:

— И к бабке нечего ходить! Стилистика обеих заявок одинакова. Они составлены одним и тем же лицом. Вот, смотрите, — и он продемонстрировал Паламарчуку характерные обороты, словосочетания и даже погрешности в расстановке знаков препинания.

— Но ведь такие заявки пишутся, насколько я понимаю, казенным языком, по шаблону, поэтому сходство стилистики можно объяснить и этим, — попробовал возразить эксперту Паламарчук. Но тот подтвердил свое мнение характерными грамматическими ошибками, одинаково повторяющимися в обоих документах, и окончательно убедил следователя в справедливости своего вывода.

Итак, обе эти заявки составлены одним лицом, которое одновременно проживает в городе Санкт-Петербурге под фамилией Александров Ю.Б. и в уральском городке Серовске под фамилией Барабашкин Ю.А. «Что из этого следует? — стал думать Василий Апполинарьевич. И придумал: надо эти два лица соединить в одно. Воплощать в жизнь этот глубокомысленный замысел он решил со знакомства с Александровым Юрием Борисовичем.

Найти Александрова действительно оказалось легко. Если верить телефонному списку, то Александровых в Питере не больше трех-пяти тысяч. А уж по указанному в заявочных документах адресу и всего проживал один — единственный Александров. Причем именно Юрий Борисович. Все сошлось как в бухгалтерском балансе.

Паламарчук сначала раздумывал, как лучше ему организовать встречу с этим Юрием Борисовичем: прийти к нему домой, предварительно позвонив, или вызвать повесткой в прокуратуру. Остановился на самом, по его мнению, простом и действенном — пришел к Александрову прямо на работу. В середине рабочего дня, в обеденный перерыв, Юрия вызвали к инспектору по режиму, и там Паламарчук, представившись чиновником госнадзора за прохождением секретной документации, задал ему ряд вопросов. Протокола пока не велось, и Юрий не проявлял признаков нервозности.

— Александров Юрий Борисович, я правильно вас называю? — спросил «чиновник госнадзора».

— Да, правильно. Именно так меня зовут.

— Вы отправляли в Центр патентной экспертизы заявку на изобретение... — Паламарчук зачитал с бумажки название первой отвергнутой заявки Александрова на способ защиты территории с помощью инфразвука.

— Да, конечно, отправлял. И не только заявку, но и в последующем неоднократно возражения и апелляции по поводу необоснованного, на мой взгляд, отказа в выдаче авторского свидетельства.

— Какие еще действия, кроме официальной апелляции, вы предпринимали для доказательства своей правоты?

— О! Я не раз ездил в Центр патентной экспертизы в Москву, встречался с экспертами, пытался объяснить им мою позицию. Но они ссыла-

лись на заключение головной по этому научному направлению организации и не принимали в расчет мои доводы.

— Какие-нибудь еще меры вы предпринимали в свою защиту?

— Да. Я узнал, что головной организацией, поставившей заслон моему изобретению, был питерский НИИ №7, и решил лично поговорить с подписавшим отрицательный отзыв доктором технических наук Гавриловым Сергеем Ильичом. Изложить свои аргументы и подискутировать с ним, поскольку приведенные в отзыве доводы, послужившие причиной отказа в регистрации изобретения, были, на мой взгляд, совершенно не убедительны. Я и сейчас так считаю и не скрываю этого ни от кого. — Александров заметно напрягся и спросил: — А что, в функции чиновника по госнадзору за прохождением секретных документов разве входит разбира-тельство в сути и содержании этих документов? Я не первый год имею допуск соответствующей формы к секретным документам, но с таким контролем, как вы проводите, сталкиваюсь впервые. Может, объясните, в чем дело?

Василию Апполинарьевичу даже понравилось, как огрызнулся этот зубастый, и, по всему видно, толковый старший инженер (все-то!) аналитического отдела перспективных разработок. И он решил «не крутить» с Александровым, а, насколько возможно, говорить начистоту.

— Видите ли, Юрий Борисович, я действительно никакой не чиновник госнадзора. Прошу меня извинить за этот бал-маскарад, но я — следователь военной прокуратуры и занимаюсь расследованием причин смерти как раз того капитана первого ранга, доктора технических наук Гаврилова Сергея Ильича, о котором вы только что упомянули. И мнение по этому вопросу всех, кто с ним сталкивался, особенно в конфликтных, как у вас с ним, ситуациях, мы выясняем. Еще раз каюсь, прошу меня извинить и ответить на несколько вопросов.

— Маскарад был действительно ни к чему, а на ваши вопросы я и так бы ответил. По именно этому делу я знаю только то, что Гаврилов скончался скоропостижно в своем рабочем кабинете то ли от сердечного приступа, то ли от инсульта. И это все.

— Хорошо. Тогда расскажите вкратце, чем закончился ваш визит к Гаврилову.

Юрий рассказал, что визит, в общем, закончился ничем, если не считать того, что на следующее после этого визита утро пришлось отпаиваться пивом для снятия похмельного синдрома.

— Как же так, вас что, насильно напоили?

— Да нет, конечно, как говорится, за компанию. Но дело в том, что этот Гаврилов, мне показалось, нарочно подстроил так, чтобы уйти от прямого

разговора со мной. Более того, он притащил меня на их «мальчишник», тоже не понятно для чего. Обещал поговорить там со мной по моему вопросу, а на деле все получилось так, что он прилюдно как бы заявил о своем приоритете в этой области. И этим все закончилось.

— А что значит, вы сказали: «О приоритете в этой области»? Он что, тоже заявил свои изобретения?

— Да в том то и дело, что он только намекнул на свои закрытые научные отчеты. И дал понять, что они мало кому известны именно по причине секретности.

— Может, я что-то не так понимаю в этой вашей секретной научной казуистике, — прикрываясь простотой как щитом, хитрил следователь, — но ведь у Гаврилова действительно есть зарегистрированное изобретение в этом направлении. Что вы на это скажете?

— Я скажу, что вы хорошо покопались в этом деле, и не такой уж простачок, каким пытаетесь казаться.

— Благодарю за комплимент! И все же...

— Да вы и без меня уже наверняка заметили, раз копнули и мои, и гавриловские заявочные бумаги. Гаврилов зарегистрировал свое изобретение чуть ли не годом позже того, как была подана моя заявка. Приоритет здесь считается со дня подачи заявки, поэтому, будь моя заявка одобрена, он принадлежал бы мне.

— А то, что его результаты зафиксированы в закрытых отчетах, не дает приоритета?

— Об этом можно было бы говорить, если бы такие отчеты существовали в природе. Но их нет! Нет — и все тут! Я тоже не первый год замужем за секретной наукой, и раз уж утверждаю, что их нет, значит, все тщательно проверил.

— Но это ваше утверждение равносильно утверждению о том, что Гаврилов воспользовался теми данными, которые содержались в вашей

отвергнутой заявке, для подачи их в качестве своего изобретения! Короче, попросту украл вашу, как теперь говорят, интеллектуальную собственность. Вы это хотели сказать?

— Хотел, может, и я, а сказали вы. И думаю, что вы правы! Более того, когда мне удалось посмотреть описательную часть заявки Гаврилова (да-да, не удивляйтесь, у нас и такие возможности есть), я обнаружил там целые фрагменты текста с моей характерной стилистикой. Хотя кое-что перефразировано, переставлено, но шило из мешка торчит на все острие.

— А совпадения вы исключаете? Ведь они бывают, согласитесь.

— Вы сами не верите в то, что говорите. Есть признаки, в которых совпадения невозможны, иначе бы все ваши экспертизы по папиллярным узорам, графологические, иридодиагностика и прочие пришлось бы выбросить на свалку.

«Ну, про экспертизы и стилистику мы еще поговорим. Тут вы сами себе выкопали яму», — подумал следователь, а вслух продолжил:

— Итак, у вас есть основание полагать, что Гаврилов украл у вас идею изобретения, будем называть вещи своими именами, и выдал ее за свою.

— Думаю, что так и было, — без недомолвок согласился Юрий.

— И у вас, как у всякого нормального человека, должна была возникнуть мысль о восстановлении справедливости. Это, согласитесь, естественная реакция. И что же вы предприняли в такой ситуации?

Александров давно понял, куда клонит этот простоватый с виду следователь военной прокуратуры, и решил немного поиздеваться над ним:

— А что бы вы предприняли на моем месте? Вызвали бы его в коридор, отвели в сторонку и сказали: «Как вам не стыдно?» А он бы покраснел до корней волос и извинился, мол, «Ой! Я больше не буду». Или вызвали бы его на дуэль и получили заряд в собственный живот — мол, пусть теперь он всю жизнь корчится в муках совести? Нет, уважаемый гражданин следователь. Я сделал по-другому — нанял киллеров и шлепнул его. Вы ведь к этому клоните?

— А в вас есть изюминка. Колорит какой-то особый, — несколько не обижаясь на Александрова, произнес Паламарчук. — И все же вы не ответили на мой вопрос.

— Если вы подметили во мне изюминку, то это заблуждение. Во мне целый мешок изюму, могу поделиться, А что касается ответа на ваш вопрос, то скажу так: мне казалось, его и убить мало, простите за откровенность. На земном шарике только немного чище бы стало. Но я его не убивал.

— Ну, ладно. Вернемся тогда к вопросу об экспертизах, которых, как я понял, вы не отвергаете, так?

— К чему вы это?

— К тому, что экспертиза установила авторство еще одной заявки, о которой мы пока не говорили. Ее прислал из Серовска некий гражданин Барабашкин Ю.А. Так вот, этот Барабашкин не только взял на вооружение вашу тактику, ваши результаты, ваш стиль и даже пунктуационные и грамматические ошибки. Экспертиза говорит, что у заявок, подписанных вами и Барабашкиным, один автор. И автор этот — вы!

— Что вы говорите! Это такая новость для меня! Может, вы поведаете и о том, каков результат рассмотрения заявки этого Барабашкина? — Юрий продолжал играть со следователем. Видимо, он чувствовал свою стопроцентную неуязвимость и мог себе позволить игру с огнем. — Может, вы мне скажете, что изобретение, подписанное Барабашкиным, так же как и предшествующее, подписанное мной, тоже отвергнуто? И тоже на основании отрицательного заключения, данного неким научным светилом С.И. Гавриловым? Впрочем, когда вы мне об этом сообщите, я не знаю, потому что сейчас мой обеденный перерыв закончился. Если я вам еще нужен, а думаю, что нужен, то вызывайте меня по всем правилам. Все равно без протокола нам не обойтись. Ведь так, гражданин следователь? Я правильно употребляю терминологию?

— Вы все употребляете правильно, — сделав ударение на слове «все», ответил Паламарчук. — И об отрицательном результате вашей же заявки, посланной якобы из Серовска, тоже намекаете правильно, и, думается, неспроста. А повестку я вам обязательно пришлю, по всем правилам.

За те три дня, которые поместились между этими разговорами и появлением Александра в прокуратуре по повестке, следователь сделал все возможное, чтобы докопаться до истины и понять, где собака зарыта. Он уже несколько

не сомневался, что смерть Гаврилова как-то связана с тем, что тот похитил и воспользовался чужими изобретениями. Но как? Ему выделили в помощь трех лучших спецов — компьютерщиков, и они буквально файл за файлом перерыли содержимое компьютерной памяти. И молодой старлей, из тех, что консультировали Василия Апполинарьевича при первом его знакомстве с обстоятельствами дела, нашел-таки какие-то фрагменты неизвестной программы. Он доложил об этом следователю, пояснив, что его внимание привлекли некоторые сохранившиеся комментарии, в которых фигурировали термины «infrazvuk» и, в русскоязычном написании, «ОСПА». Но что это была за программа и каков смысл и назначение этих терминов, установить невозможно. Про программу по некоторым признакам еще можно предположить, что это могла быть самонастраиваемая программа управления каким-то процессом оптимизации. Причем в ней задействованы и каналы управления звуком, да и колонки действительно были подключены. Но это все, что смогли установить спецы-компьютерщики, большего они были не в состоянии сделать.

Теперь у Паламарчука появилась хоть какая-то, пусть и микроскопическая зацепка, есть с чего начать разговор с Александровым. Тот пришел в назначенное время и с лицом, ничего не выражающим кроме скуки, уселся на предложенный стул напротив следователя. После обязательных протокольных вопросов, касающихся личности и паспортных данных свидетеля, следователь еще раз попросил повторить все, что Александров говорил при первом неофициальном разговоре, чтобы протокольно зафиксировать эти сведения. Затем спросил:

— Вы признаете, что вторую заявку, посланную из Серовска, написали вы и подписались вымышленным именем Барабашкин Ю.А.?

— Да, ее написал я и подписался вымышленным именем Барабашкин Ю.А.

— С какой целью вы скрыли свое подлинное?

— Дело в том, что доктор технических наук Гаврилов С.И., осуществляя экспертизу моей первой заявки и дав на нее отрицательный отзыв, в то же время воспользовался ее материалами. Через некоторое время в закрытом научном журнале он опубликовал статью, в основу которой и легли эти похищенные материалы.

— Пойдите, но вы в первом нашем разговоре не упоминали об этой статье. Мы говорили о закрытых научно-технических отчетах, которых не было, и о появившемся изобретении якобы Гаврилова. Чем вы можете доказать, что эта статья после вашего разговора с ним действительно была?

— А что тут доказывать? Пожалуйста: «Морской вестник», серия «К», №6. А то, что основа этой статьи содрана с моей заявки, легко установить,

если положить рядом оба эти материала. Кстати, таким же образом можно установить и то, какой материал был опубликован первым. Мой был заявлен чуть ли не на год раньше.

— И после этого вы встретились с Гавриловым на предмет научной дискуссии по поводу вашей заявки?

— Нет. Мы с ним встретились после того, как по его заключению мое изобретение было отклонено, но до того, как появилась его статья в «Морском вестнике». Тогда, во время той встречи, он только вскользь упоминал о том, что у него есть закрытые научно-технические отчеты по этой теме. Но это была ложь, таких отчетов не существовало.

— О чем же тогда был у вас разговор с Гавриловым?

— Да, в общем, ни о чем. Он сказал как-то мимоходом, что моя идея не неосуществима, будто бы он этот вопрос уже досконально проработал. Но и это была ложь. Мои материалы, когда Гаврилов их увидел, его явно заинтересовали, и на нем печатными буквами было написано, что видит он их впервые. Вот тут он и предложил дать мне свою, по современной терминологии, «крышу». То есть защиту своим именем, своим ученым авторитетом. Предложил ставить под моими работами и его авторство. Но только чтобы его фамилия, несмотря на нарушение алфавитного порядка, стояла первой.

— И вы отказались? Почему? Насколько я знаю в научном мире это широко распространено.

— Ну, широко не широко, я в таких сараях с подобными крышами не нуждаюсь. Да и не в этом, в конце концов, дело. Главное — я разобрался, что за гусь этот Гаврилов.

— Ну, узнали. И дальше что? Какой смысл в этих ваших шаржах со второй заявкой? Зачем было ее писать и направлять под вымышленной фамилией, да еще из Серовска?

— Серовск — это случайно. Просто приятель отправлялся туда в командировку и по моей просьбе послал оттуда бандероль с документами. А именем я подписался другим для того, чтобы проверить, частный ли это для Гаврилова случай воровства чужих мыслей. Может, это эпизод, и он так поступил только в отношении меня, или у него это система — интеллектуально грабить незащищенных авторов. Ведь я специально подбросил ему приманку в виде такой программы, которой ему не доставало в его, в свою очередь, украденной у меня же заявке.

— Теперь понятно, — пробормотал следователь, дописывая в протоколе только что сказанную Александровым фразу. — Ну а дальше, если следовать логике развития событий, а вы, я вижу, человек логичный, напрашивается вывод о восстановлении справедливости или возмездии. Правильно я трактую ход ваших мыслей, Юрий Борисович?

— Почему же не правильно? Все правильно, все логично. По моим понятиям, Гаврилов совершил преступление. А за преступлением должно следовать наказание. И, как видите, справедливость, хоть в какой-то части да восторжествовала. Я, правда, в персонифицированного бога не верю, но наверное, что-то есть не случайное в карающем персте судьбы.

— Это вы о гибели Гаврилова? А вам не кажется, что кто-то мог быть помощником этого карающего перста судьбы?

— Если такой и нашелся, то честь ему и хвала, — смело глядя прямо в глаза следователю, произнес Юрий.

У Паламарчука оставался на руках еще один козырек, но как его использовать — следователь не знал и решил сделать ход вслепую:

— Юрий Борисович! Нам удалось расшифровать часть программы, обнаруженной в компьютере погибшего Гаврилова. Наши специалисты разобрались во всем. Так вот, не могли бы вы что-нибудь сказать относительно «ОСПЫ»?

— Как вы сказали? Как это будет в именительном падеже? — несколько не удивившись, спокойно спросил Александров.

— «ОСПА». Такого специального термина в компьютерном деле специалисты не знают. Значит, это что-то авторское. А автор — вы. Вот вы и проясните мне смысл этого термина.

— Да я, право, тоже не представляю, что бы это могло значить. Да что угодно. Например, это может быть временно созданный самой машиной вспомогательный файл. А, может, аббревиатура какого-то сложного названия, скажем, такого: «Оперативный Самонастраивающийся Программный Алгоритм», или еще лучше: «Особый Секретный Параметр Александрова». А хотите, можно и так: «Ответ Следователю Паламарчуку Аткампьютера».

Это было уже открытое издевательство, но Паламарчук, на секунду внутренне вскипев, тут же отошел и улыбнулся.

— Но дело ведь даже не в том, господин следователь, как расшифровывается эта ваша «ОСПА», а в том, каков физический смысл, какая последовательность действий скрывается за этим набором символов. А вот уж этого, поверьте моему опыту, никто никогда не узнает, — самонадеянно закончил Александров.

— Какому опыту поверить — изобретателя или мстителя?

— Предположения — ваш основной рабочий инструмент, господин следователь, так что вы и решайте, какое из этих предположений вам больше по душе, — серьезно проговорил Юрий и добавил: — Кажется, на сегодня все? Я могу быть свободен?

— А вы что, не предполагали такого исхода? Конечно, свободны. Пока. Только прочтите протокол и подпишитесь в конце каждой странички.

Что означало это двусмысленное следовательское «пока», Александров так и не понял, но уточнять не стал. Однако больше встреч с Василием Апполинарьевичем у него не было.

В то время как в результате продвижения следствия прояснилась неблагоприятная роль Гаврилова в профессиональном смысле, выяснилась еще одна грань этой многогранной, судя по всему, личности, и еще одна возможная причина для того, чтобы свести с ним счеты.

В разгар этого расследования Паламарчук получил послание от одной обиженной дамочки с описанием его амурных дел. Автор письма высказывала убеждение, что в гибели Гаврилова замешана женщина, и называла некоторые адреса и имена любовниц погибшего, которые имели основания мстить ему за обман и измену. Но каких-либо конкретных указаний на то, что кем-нибудь из них было совершено или подстроено убийство

из мести, в послании не приводилось — одни эмоции. Это письмо было без подписи, зато с указанием телефона для связи.

Паламарчук позвонил по этому номеру и попал именно на автора письма. Им оказалась Любовь Яропольская, он о ней слышал краем уха по телевидению, хотя смотрел телевизор редко. Что-то, кажется, было связано с творчеством русских художников. Его еще привлекла тогда интересно выстроенная параллель между художниками начала двадцатого века и современными представителями нетрадиционных направлений.

Яропольская не захотела разговаривать в присутствии коллег по редакции, поэтому следователю пришлось с ней встретиться в условленном месте на улице. Однако все это оказалось напрасной тратой усилий и времени. Люба расплакалась и призналась, что наговорила на Сережу гадостей только в порыве мимолетной обиды на него и не совсем отдавала себе отчет в своем некрасивом поступке. Она просила чисто по-человечески понять ее, простить и не предпринимать в отношении указанных в ее письме дам никаких действий. Они ни в чем перед ней не виноваты, и причинять им необоснованное беспокойство было бы для нее непростительно. Она и так казнит себя за проявленную несдержанность.

Паламарчук принял к сведению заявление Яропольской, но все же решил проверить и эту линию в расследовании. Но тут, как только он дошел до связи Сергея Ильича Гаврилова с гражданкой Торлиной Зинаидой Степановной, жительницей города Москвы, его вызвали к начальству.

— Слушай, Паламарчук, — сказал главный начальник, приветствуя его кивком головы и не поднимаясь из-за стола, — что ты там тянешь с этим бронжилетным делом? Ведь официально там вроде все оформлено? Есть и медицинское заключение о причине смерти.

— Так точно!

— Ну, вот видишь. А тут работы по горло. Да и на Кавказ надо бы кого-то направить, там вообще дел невпроворот.

Василий Апполинарьевич хотел бы, конечно, до конца разобраться с этим необычным делом. Тем более что сомнений в причастности изобретателя Александра Юрия Борисовича к гибели Гаврилова у него уже не было. Но не было и никаких доказательств. Более того, он был уверен, что их и не будет. Ясен только мотив. Но мотивы имелись у многих. Например, у тех же женщин. Но здесь, как понял Паламарчук, — табу. Ему это ясно дали понять. Остается еще непроверенной связь с неким коммерсантом Петляковым, с которым, как установил следователь, Гаврилов несколько раз встречался и разговаривал по телефону непосред-

ственно перед смертью. Что за отношения у них были, он так и не успел выяснить. И все же, как хорошая ищейка, чувствовал, что идет по верному следу, и со многими вещами ему хотелось бы еще разобраться.

Но не хотелось и ехать в командировку на Кавказ. Поэтому, когда его непосредственный начальник попросил его отдать папку с делом, в котором содержалось официальное медицинское заключение о причине смерти — «Кровоизлияние в мозг», он с готовностью козырнул:

— Есть!

ЭПИЛОГ

В период наступления настоящего лета в Петербурге, когда в последнюю декаду июня асфальт тротуаров покрывается белой пеленой тополиного пуха, в своем кабинете, во время просмотра компьютерной информации по итогам за полугодие, погиб довольно крупный бизнесмен Петляков Валерий Яковлевич. Он принял смерть, сидя за компьютером.

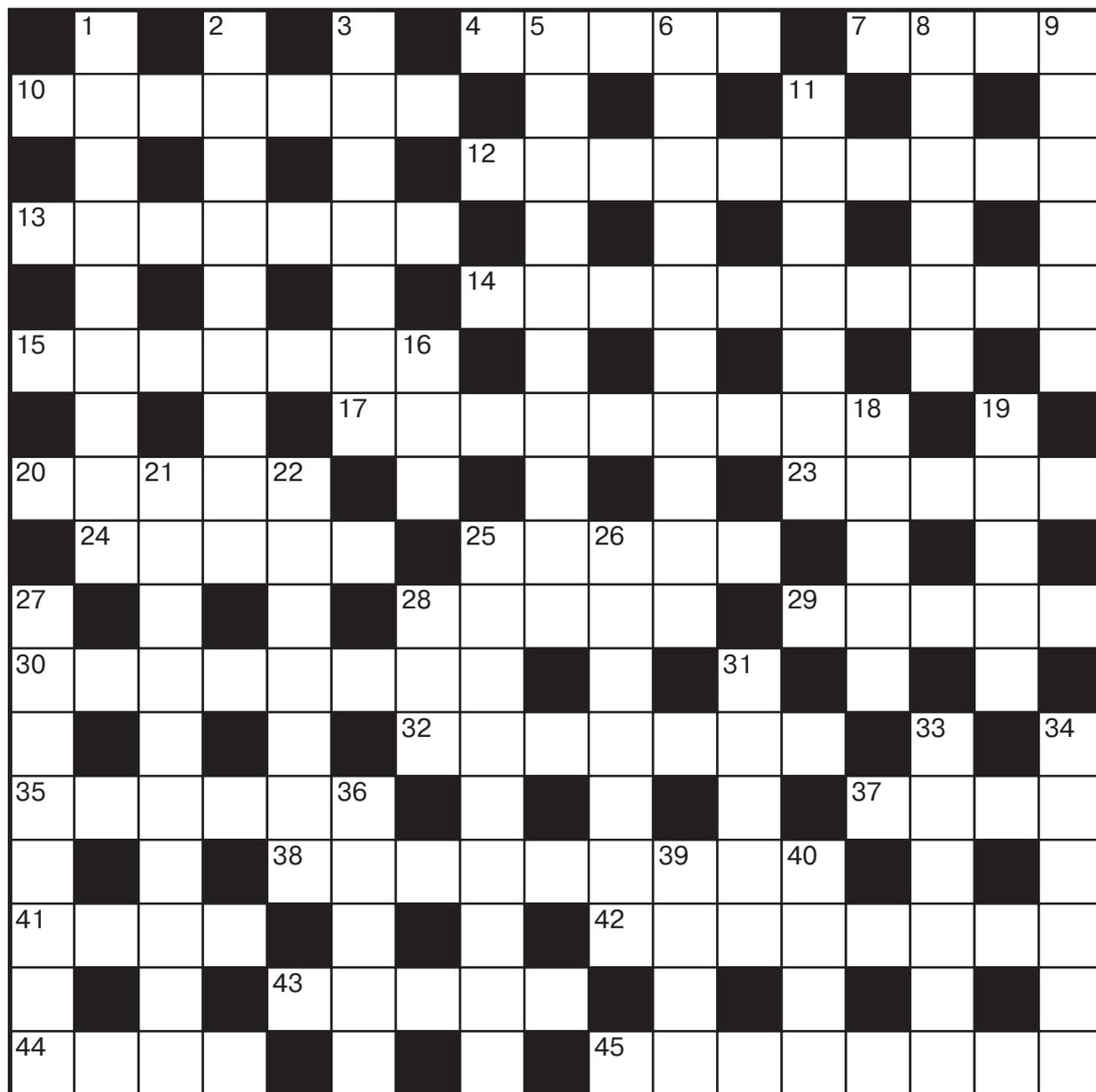
Как погиб? Стремительно. Прибывшая на место оперативная группа установила, что его убили ударом лома по голове. Орудие убийства — окровавленный лом с четкими следами отпечатков пальцев убийцы — валялся тут же. Предполагаемый убийца был вскоре задержан, опознан и под тяжестью неопровержимых улик, в том числе — совпадения отпечатков пальцев на орудии убийства с его собственными, — полностью сознался в совершенном преступлении. Им оказался некий Сапогов В.В., бомж. Впоследствии на суде, одна-

ко, он отказался от своих показаний, данных на предварительном следствии, мотивируя свой отказ тем, что его вынудили к самооговору всяческими угрозами и соблазнили выпивкой. Нанятые кем-то самые лучшие и самые дорогие адвокаты, защищавшие этого бомжа, без труда убедили судей в том, что в нынешние времена крупных бизнесменов ломом не убивают. Суд согласился с такими доводами и за недоказанностью обвинения вынес оправдательный приговор по делу. Сапогов В.В. был освобожден из-под стражи и отбыл в неизвестном направлении в черном «мерседесе».

Старший инженер института биофизики Александров Ю.Б. изобрел способ раскрытия любого преступления с помощью специально разработанной компьютерной приставки и подал заявку на выдачу авторского свидетельства. Однако из Центра патентной экспертизы пришел отказ на выдачу искомого авторского свидетельства по причине технической нереализуемости предполагаемого изобретения.

Следователь военной прокуратуры все еще ждет квартиру, а в свободное от работы время, по ночам, пишет книгу о влиянии аномальных явлений на раскрытие стремительно вторгающихся в жизнь компьютерных преступлений. Сослуживцы считают, что он достиг значительного прогресса в этом направлении. □

КРОССВОРД

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Что насыпали по особому желанию русских купцов под стельки сапог, чтобы они скрипели? **7.** Холм на фоне взморья. **10.** «Уж если зло пресечь, собрать все книги бы да сжечь!» (грибоедовский герой). **12.** Лыжник со снайперскими навыками. **13.** Хижи-

на при отеле. **14.** Какую революционную песню вызывающе распевала Аполлинария Сулова? **15.** Страна, крупнейший в мире экспортер риса. **17.** Кто должен явиться перед «концом света»? **20.** Жилец за стеной. **23.** Жанр компьютерных игр. **24.** «И будем помнить, что пренебрежение

к культурным ценностям есть позорное преступление невежества» (русский художник). **25.** Какой документ «возмещает расходы» на ремонт автомобиля? **28.** Научный афоризм. **29.** Межгосударственная граница военного времени. **30.** Английский бальный танец. **32.** Самые благоприятные условия. **35.** У какой перекладины балерина вкалывает? **37.** Парижская пристань для самолетов. **38.** «Второй человек» в университете. **41.** Истребитель пломб. **42.** Единственный «алмазный» штат США. **43.** Кто командует пиратским судном «Морж» из романа «Остров сокровищ» Роберта Стивенсона? **44.** В кого уродились Авель и Каин? **45.** В тот день, когда хоронили этого классика французской литературы, во всех парижских борделях объявили траур.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Уличный сифон». **2.** Счетовод современного звучания. **3.** «Оброк» на таможне. **5.** Результат недостатка в питании некоторых букв латинского алфа-

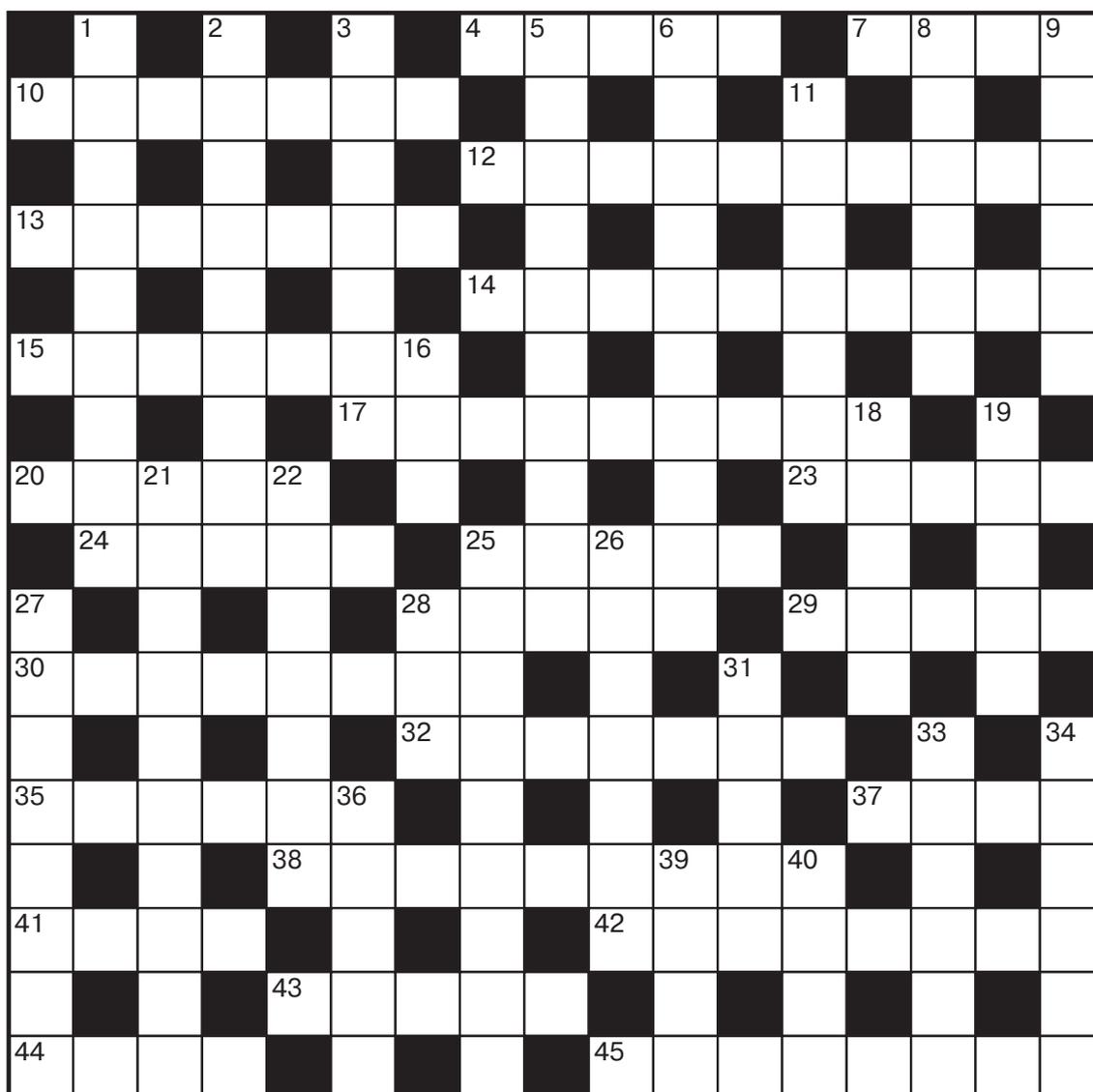
вита. **6.** Где работает герой фильма «Шербурские зонтики»? **8.** Проектор на съемочной площадке. **9.** «Параллельный мир» для мистиков. **11.** Затворник в раковине. **16.** Треть пахотной земли Голландии — это бывшее морское ... **18.** Где началось «хождение за три моря» купца Афанасия Никитина? **19.** Дерево, чья кора «оцепеняет змей», делая их послушными воли колдуна. **21.** Ассирийская царица, чье имя упоминают всякий раз в сочетании со знаменитыми «висячими садами» Вавилона. **22.** «Показатель» слайдов. **25.** Колбаса на пицце. **26.** Из какого съедобного гриба ученые выделили эргостерол, чтобы побеждать многие заболевания печени? **27.** Физика звука. **28.** Брат великого Винсента ван Гога. **31.** «Телефонный шпион». **33.** Экономический повод для безработицы. **34.** Кто из президентов погорел на «Уотергейте»? **36.** Самый быстрый стиль плавания. **39.** Музыкальный коллектив «по типу Змея Горыныча». **40.** Картинное окружение.

Ответы на кроссворд, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Ссуда. **9.** Автобус. **11.** Полет. **12.** Шарунас. **14.** Талия. **15.** Запонки. **16.** Остап. **18.** Пирог. **20.** Чебурек. **23.** Вирус. **25.** Цаца. **28.** Лауреат. **29.** Шепард. **30.** Поле. **32.** Гаага. **33.** Банан. **34.** Аэропорт. **36.** Балаганов. **38.** Гарфилд. **39.** Схрон. **40.** Гобоист. **41.** Стадо. **42.** Смотр. **43.** Жостово. **44.** Шопен.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Авиация. **2.** Борисов. **3.** Туш. **5.** Стукач. **6.** Джаз. **7.** Колодец. **8.** Тезка. **10.** Саксаул. **13.** Самурай. **17.** Петроград. **19.** Гидроплан. **21.** Канон. **22.** Габен. **24.** Салат. **26.** Ишхан. **27.** Спорт. **30.** Паваротти. **31.** Лакомство. **32.** Графство. **35.** Заговор. **36.** Блюдце. **37.** Схема. **38.** Гость.

ЭРУДИТ

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Кто из итальянских поэтов вдохновил Антонина ван Дейка на написание картины «Ринальдо и Армида»? **7.** Английский подмастерье. **10.** Птаха, чьи чучела часто украшали комнаты английской знати викторианской эпохи. **12.** На какой станции погибла Анна Каренина? **13.** Сериальный сыщик со старой машиной, мятым плащом и женой, которую никто ни-

когда не видел. **14.** Желание общего блага в практических делах (по Платону). **15.** Смола, идущая на бронжилеты. **17.** «Гражданская жена» у древних римлян. **20.** Один из шедевров Леонардо да Винчи назвали «Мадонна ...» **23.** Братья, чьи головы можно отыскать на полях пушкинских черновиков. **24.** Богиня плодов среди дочерей Зевса. **25.** Русский контр-адмирал, раненный в Цусим-

ском сражении. **28.** Грузный парусник с зерном из повести «Бедная Лиза» Николая Карамзина. **29.** Какая муха саранчой закусывает? **30.** Медовое печенье из Абхазии. **32.** Под каким скандинавским именем попала в киевскую летопись мать князя Владимира? **35.** Масляный лак у живописцев XVIII века. **37.** Великий предприниматель, придумавший угольные брикеты. **38.** Веер, чтобы отгонять мух от Святых Даров во время литургии. **41.** Какой музей расположен прямо напротив «Комеди Франсез»? **42.** На каком экипаже пытался удрать нос гоголевского майора Ковалева? **43.** Запасной якорь на судне. **44.** Пальмовое пиво из Индонезии. **45.** К ней обращены слова великого шотландского поэта Роберта Бернса: «Будь проклят, скомканный листок! Ты был всегда ко мне жесток».

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Самый многочисленный кит Японского моря. **2.** Где Ивана Бунина застало известие о присуждении ему Нобелевской премии? **3.** Самый отважный

среди пожарных из «Киевских типов» Александра Куприна. **5.** Кто одинаково хорошо владеет как правой, так и левой рукой? **6.** Чью пьесу ставят герои фильма «После репетиции» Ингмара Бергмана? **8.** Самая прекрасная апсара при дворе Индры. **9.** Синтетический алмаз. **11.** Простейшая хлопкоуборочная машина. **16.** Кривая погони. **18.** Месопотамский щит. **19.** Что индейцы окрестили «одноногим драконом»? **21.** Первая песня Владимира Высоцкого. **22.** «Непризнанный библейский текст». **25.** Какого режиссера Мэрилин Монро считала своим «папочкой»? **26.** Внешнее поле бейсбольной площадки. **27.** Болгарская колбаса. **28.** Месяц древнего армянского календаря. **31.** Римский полководец, отпущенный из плена карфагенян под честное слово. **33.** Огуречная трава. **34.** «Белый город» из романа «Лже-Нерон» немца Лиона Фейхтвангера. **36.** Из какого фрукта чешскую водку гонят? **39.** Какое дерево стало символом немецкого города Лейпцига? **40.** Духи пророка Мухаммеда.

Ответы на эрудит, опубликованный в №4

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: **4.** Крафт. **9.** Перелом. **11.** Фотон. **12.** Нимврод. **14.** Хорта. **15.** Негодяй. **16.** Обвал. **18.** Рарог. **20.** Магарыч. **23.** Фаэна. **25.** Шодо. **28.** Клаксон. **29.** Кибубу. **30.** Чуду. **32.** Вакса. **33.** Херем. **34.** Авимимус. **36.** Демантоид. **38.** Нунуфар. **39.** Гросс. **40.** Фитофаг. **41.** Жегде. **42.** Уайлз. **43.** Чифтлик. **44.** Сапеи.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** Веронал. **2.** Вестхоф. **3.** Бон. **5.** Ровоам. **6.** Фаон. **7.** Кокорыш. **8.** Ботян. **10.** Милбенк. **13.** Демагог. **17.** Ланкастер. **19.** Гамбринус. **21.** Чопур. **22.** Вотум. **24.** Алмас. **26.** Акбар. **27.** Иблис. **30.** Честность. **31.** Децимация. **32.** Вуву-зела. **35.** Харизии. **36.** Дандре. **37.** Урбан. **38.** Нсоло.

Уважаемые читатели!

открыта подписка на 2-е полугодие 2014 года через редакцию.

Оформить подписку на журнал «СМЕНА» вы можете в редакции с получением по почте. Теперь данная услуга доступна и для жителей Республики Крым и г. Севастополя.

Для этого вам необходимо заполнить купон и оплатить квитанцию в любом отделении Банка, выслать копию купона и оплаченной квитанции по адресу: 127994, г. Москва, ГСП-4, Бумажный проезд, д. 14, стр.1, или по факсу: (499) 257-13-78, либо на эл. почту: sales@smena-online.ru

Стоимость с доставкой простой бандеролью	Стоимость с доставкой заказной бандеролью
За 1 номер — 81 рубль 40 копеек	За 1 номер — 100 рублей 10 копеек
За 6 номеров — 488 рублей 40 копеек	За 6 номеров — 600 рублей 60 копеек

* Цены указаны с учетом пересылки, но без учета комиссии банка.

КУПОН

Ф.И.О. _____

Дата рождения _____ Индекс _____

Обл./край _____ Район _____

Город _____ Улица _____ Дом _____ Корп. _____ Кв. _____

Код города _____ Телефон _____ Эл. адрес _____

Копия квитанции об оплате от _____ с отметкой банка прилагается.

Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>							
	Расчетный счет		40702810410150414401					
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>							
	Корреспондентский счет		30101810400000000555					
	ИНН 7714026110		КПП 771401001					
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)					
	<small>другие банковские реквизиты</small>							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"><thead><tr><th>Вид платежа</th><th>Дата</th><th>Сумма</th></tr></thead><tbody><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></tbody></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир Извещение	ООО «Журнал «Смена» <small>получатель платежа</small>							
	Расчетный счет		40702810410150414401					
	ОАО «Промсвязьбанк» <small>наименование банка</small>							
	Корреспондентский счет		30101810400000000555					
	ИНН 7714026110		КПП 771401001					
	БИК 044525555 (для юр.лиц)		Код ОКПО 11396455 (для юр.лиц)					
	<small>другие банковские реквизиты</small>							
	Адрес:							
	Ф.И.О.							
	<table border="1"><thead><tr><th>Вид платежа</th><th>Дата</th><th>Сумма</th></tr></thead><tbody><tr><td>Подписка на журнал «Смена»</td><td></td><td></td></tr></tbody></table>			Вид платежа	Дата	Сумма	Подписка на журнал «Смена»	
Вид платежа	Дата	Сумма						
Подписка на журнал «Смена»								
Подпись плательщика								
Кассир								

Уважаемые читатели!

Открыта подписка на журнал «СМЕНА» на 2-е полугодие 2014 года, в любом отделении почтовой связи. Теперь данная услуга доступна для жителей Республики Крым и г. Севастополя. Образцы каталогов:

КАТАЛОГ «ГАЗЕТЫ ЖУРНАЛЫ АГЕНТСТВА «РОСПЕЧАТЬ»		Индекс 71518 — льготный — для пенсионеров, инвалидов и ветеранов Индекс 70820 — для остальных подписчиков
КАТАЛОГ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ «ПОЧТА РОССИИ»		Индекс Ю9406 — только для подписчиков Республики Крым и г. Севастополя. Оформление подписки в том числе и через Специальный выпуск подписного каталога. Индекс 99406 — для всех подписчиков
ОБЪЕДИНЕННЫЙ КАТАЛОГ «ПРЕССА РОССИИ»		Индекс 88998 — для всех подписчиков

* Подписные индексы действительны для подписчиков Российской Федерации

Вы можете приобрести журнал
в магазине «Библио-Глобус»

БИБЛИО-ГЛОБУС
ВАШ ГЛАВНЫЙ КНИЖНЫЙ

«Все знают о трагедии, произошедшей 9 мая 1896 года на Ходынском поле во время коронации Николая II. Известный автор знаменитых книг о Москве и москвичах В.А.Гиряровский, единственный из газетчиков, оказавшийся тогда на Ходынке, считал, что там собралось не менее миллиона человек, хотя по официальным данным — вдвое меньше. О произошедшем он писал так: «Над миллионной толпой начал подниматься пар, похожий на болотный туман... Давка была страшная. Со многими делалось дурно, некоторые теряли сознание, не имея возможности выбраться или даже упасть...»

Разумеется, никто не ожидал ТАКОГО. Но никто также и подумать не мог, что безумие толпы будет поставлено в вину одному-единственному человеку — императору. Увы, именно это и произошло.

Светлана **Бестужева-Лада** «Коронация с катастрофой»

«Талант его уподобляли «матовому серебру», язык — «ледяной бритве». Странной и удивительной была судьба этого человека.

Потомок древнего дворянского рода — он никогда не имел своего дома и знал только временные пристанища. Первый русский нобелевский лауреат в области литературы Иван Бунин скончался в Париже, и ему так и не удалось вернуться на родину, вернее, он сам этого не пожелал. Константин Симонов, встретившись и поговорив с ним в Париже, сразу понял, что в Советский Союз Бунин не вернется никогда. Но в праве ли мы осуждать его? Он сам выбрал свою судьбу и дорого заплатил за этот выбор.

Алла **Зубкова** «Вечный странник»

«Что греха таить, французскую историю мы знаем в основном по блистательным романам Александра Дюма. Но и он, при всей его невероятной работоспособности, не мог описать своим волшебным пером всех исторических персонажей Франции. Естественно, за великим французом никому не угнаться, и все же слишком яркими и удивительными были судьбы некоторых семей, например, таких, как Монморанси или Конде, чтобы не попытаться заполнить этот пробел в романтической истории прекрасной Франции.

Денис **Логинов** «О чем не написал Дюма»

«Смысл жизни артиста балета — в самопожертвовании, в том, чтобы завоевать сердца зрителей. Отдать самого себя. Ради этого мы трудимся и живем — ради публики, которая ходит в театр. Если ты хотя бы одному человеку передал со сцены свое внутреннее состояние, значит, ты в профессии не зря, и ради этого стоит жить...»

Беседа Елены **Воробьевой** с народным артистом России, педагогом-репетитором Московского академического музыкального театра им. К.С. Станиславского и В.И. Немировича-Данченко Андреем Уваровым

«Детективный роман Наталии **Солдатовой** «Танго в купе»